

ВЕСТНИК МГЛУ

***СЕРИЯ 1
ФИЛОЛОГИЯ № 6 (115) / 2021***

Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

Л. А. Тарасевич (*главный редактор*),
М. С. Рогачевская (*зам. главного редактора*),
А. Н. Баранов, Е. А. Булат, А. Н. Гордей, Е. А. Гапанович,
Е. Г. Задворная, Т. В. Поплавская,
А. А. Романовская, З. А. Харитончик

*Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

<i>Бююмена А. А.</i> Об одном типе диалогичности в газетном макротексте	7
<i>Василенко Е. Н.</i> Продвижение интолерантности в интернет-коммуникации: лингвопрагматический аспект	14
<i>Дардыкова Н. В., Kara Ayfer.</i> Особенности выражения призыва к совместному действию в русском и турецком языках (на примере конструкций с <i>haydi</i> и <i>давай(те)</i>)	21
<i>Тухватуллина А. В.</i> Формат сторителлинга в маркетинговой коммуникации и его языковая репрезентация.....	30

Романское и германское языкознание

<i>Ван Сяонань.</i> Современная англоязычная периодика Китайской Народной Республики: специфика и основные направления деятельности	37
<i>Кузьменко Н. В.</i> Меронимический потенциал английских глаголов.....	42
<i>Осмоловская И. Г.</i> Знаки препинания как средство выражения эмоций в текстах немецкоязычных СМИ.....	49

Исследования славянских языков

<i>Бабкина П. С.</i> Двойственная природа косвенной формы выражения отказа в русском лингвокогнитивном пространстве	58
<i>Чайка Н. У.</i> Актуальные працэсы ў сінтаксічнай сістэме сучаснай беларускай мовы	66

Литературоведение

<i>Ван Сяонань.</i> Основные тенденции развития англоязычной периодики Китая во второй половине XX века	75
--	----

<i>Ефименко А. О.</i> Жанровые модификации французского детектива	81
<i>Рыдлевская А. С.</i> Философско-эстетические основы творчества Сильви Жермен.....	88
<i>Крючкова А. Е., Тимощенко Е. А.</i> Специфика написания рассказов для детей младшего школьного возраста на русском и французском языках.....	95
<i>Халипов В. В.</i> Мотив ритуального путешествия короля в рассказе Дж. Р. Киплинга «Долг».....	103

CONTENTS

General and Typological Linguistics

<i>Biyumena A. A.</i> One Type of Dialogueness in the Newspaper Macrotext	7
<i>Vasilenko E.</i> Promotion of Intolerance in Online Communication: Linguopragmatic Aspect	14
<i>Dardykova N. V., Kara Ayfer.</i> The Peculiarities of Expressing Appeal to Joint Action in the Russian and Turkish Languages (on the Example of Constructions with <i>haydi</i> and <i>давай(me)</i>)	21
<i>Tukhvatullina A. V.</i> Storytelling in Marketing Communication and its Linguistic Representation	30

Romance and Germanic Linguistics

<i>Wang Xiaonan.</i> Modern English-Language Periodicals of the People's Republic of China: Specificity and Main Activities	37
<i>Kuzmenko N.</i> Meronymic Potential of English Verbs	42
<i>Osmolouskaya I.</i> Punctuation Marks as Means of Expressing Emotions in German Mass Media Texts.....	49

Slavonic Languages

<i>Babkina P.</i> The Dual Nature of the Indirect Form of Expressing Refusal in the Russian Linguistic and Cognitive Space.....	58
<i>Chaika N. V.</i> Current Processes in the Syntactic System of the Modern Belarusian Language	66

Studies in Literary

<i>Wang Xiaonan.</i> Main Trends in the Development of the English-Language Periodicals of China in the Second Half of the 20th Century.....	75
---	----

<i>Efimenko H.</i> Genre Modifications of the French Crime Fiction.....	81
<i>Rydlevskaya A. S.</i> Philosophical and Aesthetic Foundations of Sylvie Germain’s Novels	88
<i>Kruchkova H. E., Timoschenko E. A.</i> Peculiarities of Writing Stories in Russian and French for Primary School Children	95
<i>Khalipov V.</i> The Motif of a Ritual Journey of the King in J. R. Kipling’s Short Story “The Debt”	103

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 81'42(045)

Биюмена Анна Александровна
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры речеведения
и теории коммуникации
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Anna Biyumena
PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Speech Studies and Communication Theory
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
a-mesyats@tut.by

ОБ ОДНОМ ТИПЕ ДИАЛОГИЧНОСТИ В ГАЗЕТНОМ МАКРОТЕКСТЕ

ONE TYPE OF DIALOGUENESS IN THE NEWSPAPER MACROTEXT

В статье рассматриваются диалогические отношения унисонного характера в печатном медиадискурсе Беларуси в различные исторические периоды. Определена основная тематика и языковая специфика макротекстовых единств в прессе, подчеркивается роль оценочности в функционировании макротекста.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *медиадискурс; пресса; диалог; диалогичность; макротекст; унисонные отношения.*

The article examines dialogical relations of a unison type in the print media discourse of Belarus in different historical periods. The main topics and linguistic specificity of macrotext unities in the press are determined, the role of evaluation in the functioning of macrotext is emphasized.

К e y w o r d s: *media discourse; press; dialogue; dialogueness; macrotext; unison relationship.*

Современная лингвистика трактует феномен диалога широко – не только как особый тип устного речевого взаимодействия, включающий реплики двух или более коммуникантов, но и как «механизм, обеспечивающий понимание и порождение речи, как процесс взаимодействия смысловых позиций речевых субъектов» [1, л. 4]. Создатель теории диалога М. М. Бахтин считает его универсальным явлением, имманентным свойством человеческого бытия и познания.

На диалогичность как на онтологическую характеристику журналистской деятельности и медиатекста как ее результата обращал внимание М. М. Бахтин, отмечая, что журналист «участвует в диалоге, который может быть кончен и даже завершен, может перейти в дело, может стать эмпирической силой» [2, с. 376]. В пространстве медиадискурса текст «создается как ответ на предполагаемые вопросы и запросы аудитории, устраняет неопределенность в ее знании, даёт более или менее полные представления о мире и изменениях в нем» [3, с. 22].

Профессор Л. Р. Дускаева выделяет в текстах массовой коммуникации следующие виды диалогичности: 1) внешняя диалогичность, проявляющаяся в таких жанрах, как интервью, беседа и т.п.; 2) внутритекстовая диалогичность – «звучание» нескольких точек зрения, мнений во внешне монологических произведениях; 3) макротекстовая диалогичность как взаимодействие расположенных на одной газетной странице и примыкающих друг к другу текстов, в результате которого создаются новые смыслы [4].

Исследователи называют следующие основные типы диалогических отношений как особого взаимодействия смыслов, в котором выражают себя реальные или потенциальные речевые субъекты: унисон (одобрение, совпадение, близость мнений), спор (несогласие, противоречие), сообщение – оценка, перевод темы в другую плоскость, побуждение – ответная реакция, вопрос – ответ, побуждение к действию – его выполнение [4; 5; 6].

Цель статьи – выявить специфику экспликации унисонных диалогических отношений в газетном макротексте Беларуси на материале республиканских, областных, районных газет, публиковавшихся в различные исторические периоды. Материал исследования составили 200 макротекстовых единств, извлеченных из газет 1930-х, 1950–1970-х, 1990-х гг. и современной прессы (по 50 фрагментов для медиадискурса каждого периода).

Макротексты, основанные на единстве или близости оценок, мнений, точек зрения, составляют основу отобранного корпуса публикаций белорусской прессы. Поскольку сущность публицистики составляют «споры о ценностях: о принципах морали, государственных нормах, честности, равенстве, сострадании, интересах социальных общностей и групп, традициях, идеалах и идеологиях» [7, с. 52], статьи, объединенные отношениями согласия, обычно подчеркивают оценочный аспект того или иного социально значимого факта, события, явления. При этом важно отметить, что подавляющее большинство проанализированных текстов выражают **положительную оценку** описываемых событий.

Большинство публикаций, отобранных из газет **советского периода** (относящихся как к 1930-м, так и к 1950–1970-м гг.), посвящены теме труда как главной деятельностной характеристике советского человека. Такие статьи в рассматриваемые периоды занимали значительный объем газетного пространства и были организованы в макротексты, включающие в себя примыкающие друг к другу 2–5 публикаций. Например, на первой странице кобринской районной газеты «Труд» за 1 января 1952 г. были напечатаны четыре публикации на тему труда: «Год 1952-й», «Добьемся лучших результатов», «Успехи молодого колхоза», «К новым творческим успехам». Все они повествуют о высоких результатах деятельности коллективов района в 1951 г. и обязательствах успешно трудиться в наступившем 1952 году. Данные материалы объединены положительнооценочной лексикой (*победы, успехи, успешный, почетный, достойный, честный, добросовестный, щедро, замечательный, грандиозный, славно, улучшение, укрепление, подъем, благосостояние, уверенность, прогресс, процветание, воодушевление*): Нет

сомнения, что в новом году колхозники этой бригады добьются новых успехов; Дстойными делами встречают колхозники сельскохозяйственной артели им. Котовского новый, 1952 год; Честный, добросовестный труд колхозников щедро оплачивается.

В современной белорусской прессе макротексты, освещающие данную тему, также встречаются довольно часто. В качестве примера можно привести две тематически связанные статьи «Майские хлопоты аграриев» и «Сяўба – на фінішнай прамой» (Витебские вести. 05.05.2020) о завершении сева зерновых в Витебской области.

В печатном дискурсе Беларуси настоящего периода часто примыкают друг к другу 2–3 материала, дающие позитивную оценку происходящим в стране общественно значимым событиям либо подчеркивающие важность тех или иных исторических событий. Среди таких публикаций, безусловно, высоким аксиологическим потенциалом отличаются статьи о Великой Отечественной войне и увековечивании памяти ее героев, поскольку подвиги, совершенные во время войны, имеют особую историческую значимость для нашей страны. Так, 2 июля 2020 г. в областной газете «Могилёвская правда» были напечатаны материалы «Защищал общую Родину» о том, как в Могилёвском районе чтут память об узбеке Шади Шаимове, получившем посмертно звание Героя Советского Союза за форсирование Днепра, и «Венок на волнах Березины» о торжественном мероприятии, посвященном годовщине освобождения Бобруйщины от немецко-фашистских захватчиков.

Ключевые идеи макротекста акцентирует лексика, обозначающая:

а) героев, героические качества и действия – *герой, героический, подвиг, смелый, отличился, защищать, стойкость, доблесть, воля, мужество: Героический подвиг, совершенный простым узбекским парнем Шади Шаимовым, – это пример не только воинской доблести и мужества, силы духа, но и символ интернационализма, подлинной дружбы народов Советского Союза;*

б) базовые ценности общества – *свобода, независимость, мирный: Картина была настолько мирной, что просто невозможно было представить, что именно здесь в то страшное лето 44-го года шли кровопролитные бои, унесшие сотни жизней советских солдат и офицеров;*

в) отношение общества к памяти героев – *торжественный, трепетно, внимание: В нашем районе очень трепетно относятся к сохранению памяти о событиях Великой Отечественной войны и памяти о тех офицерах и солдатах, которые до последней капли крови отстаивали свободу и независимость своей страны.*

Тематика находящихся в унисонных отношениях макротекстовых единств, демонстрирующих **негативную оценку**, обнаруживает специфику в зависимости от анализируемого периода. В газетах, издававшихся в 1930-е гг., такие публикации обычно были посвящены деятельности

«врагов» на местах, неудовлетворительной работе руководителей местного уровня, в соответствии со значимостью в указанный период идеологемы «критика и самокритика». Например, 6 апреля 1938 г. в республиканской газете «Советская Белоруссия» под общим заголовком «Дать населению больше товаров широкого потребления!» был опубликован макротекст, состоящий из десяти материалов, авторами которых являются представители торговой отрасли, включая Наркома (министра) торговли: «Неиспользованные возможности», «По пути наименьшего сопротивления», «Как становится “остродефицитной” простая табуретка», «Избегать встречных перевозок», «Больше внимания запросам потребителя», «Неувязки в планировании», «Не считаются с нуждами потребителя-колхозника», «Порочная практика», «Лицом к потребителю!», «Крепче связь с торгующими организациями». Основные темы составляющих статей этого макротекста – недостаточно высокое качество производимой продукции, нехватка товаров в магазинах, плохая работа руководителей конкретных производителей и торговых организаций.

Отрицательная оценка в данных публикациях выражается с помощью разнообразных лексических единиц и словосочетаний, характеризующих:

а) общую негативную ситуацию – *острый недостаток, резкое ухудшение, порочная практика, вредная/нездоровая тенденция, неполадки, имеющиеся недостатки, очень плохо, беды, безобразные факты, не улучшается: Во многих артелях имеет место и такая порочная практика; Очень плохо у нас обстоит дело с планированием товаров широкого потребления;*

б) конкретные проблемы в сфере производства продукции и торговли – *недополучить, безобразного качества, недоброкачественный товар, низкого качества, остродефицитный, отсутствовать на рынке, ничего не найти, ущемление интересов потребителя, неразбериха, невнимание к потребителю: Потребитель справедливо выражает недовольство тем, что ряд товаров ширпотреба отсутствует на рынке, и тем, что эти товары зачастую бывают плохого качества;*

в) нежелание руководителей на местах качественно выполнять работу – *совсем не занимаются, совершенно не вырабатывают, занимаются не своим делом, совершенно не помогают, не уделяют внимания, недопустимая медлительность, вопиющая неповоротливость, забросил, маринуется, обманывают потребителя, не хотят торговать, не учитывают сезонность, совершенно не интересуется, совершенно не считаются (с требованиями потребителей), не контролирует, большое сопротивление, небрежность: Все дело в том, что этим вопросом никто серьезно не интересуется; Торгующие организации совершенно не помогают нам внедрять необходимые товары широкого потребления в массовое производство; Со стороны промышленных артелей мы также видим большое сопротивление в производстве предметов ширпотреба;*

г) «врагов» и их действия – *торгаши, бракоделы, враги народа, орудовать, циничный, агент фашизма, вредители и диверсанты, антисоветский, гнусный провокатор и шпион, гноить продукцию: Гнусный провокатор и шпион Зеленский с циничной откровенностью показывал на процессе антисоветского «право-троцкистского блока», как они, враги советского народа, агенты фашизма – вредители и диверсанты – гноили продукты, замораживали товарооборот, подбрасывали стекло в масло, лишали население товаров первой необходимости.*

В 1950–1970-е гг. отрицательнооценочные макротексты унисонного характера регулярно использовались для характеристики капиталистических стран и других государств, которые в тот или иной период относились к числу «вражеских». Так, 10 мая 1962 г. гродненская областная газета «Знамя Октября» под рубрикой «Гневный голос протеста» опубликовала четыре статьи, посвященные реакции советских людей на испытание США ядерного оружия – «Преступление против человечества», «Кто посеет ветер, пожнет бурю», «Слово партии, слово народа», «Слово студентов».

Все материалы рубрики объединены отрицательнооценочной лексикой следующих семантических групп:

а) негативные эмоциональные и речевые реакции – *гнев, возмущение, критика, осудить, протестовать, клеймить позором, ненавистный: Мы, рабочие и служащие фандока, решительно протестуем и гневно осуждаем решение правительства США о возобновлении испытаний ядерного оружия в атмосфере; Все советские люди, все честные люди земли клеймят позором агрессоров;*

б) преступления и преступные действия – *чудовищное преступление, развязать бойню: Американские милитаристы стремятся развязать новую всемирную бойню;*

в) апелляции к страху – *зловещие, напряженность, испугаться, страшный: Над островом Рождества поднялись зловещие грибы атомных взрывов.*

Первая половина 1990-х гг. также отмечается большим количеством газетных материалов, объединенных отрицательной оценочностью, отражающей неудовлетворенность людей экономической ситуацией в стране, ростом цен, закрытием предприятий и т. п.

Например, 10 января 1991 г. в рубрике «Чытач – газета» районного издания «Голас Глыбоччыны» были опубликованы 3 статьи – письма или обращения жителей района с комментариями представителей различных городских организаций. В публикации «Патрэба ёсць. А сродкі?..» обсуждаются две жалобы жителей района на работу строительной организации, построившей мосты через мелиоративные каналы в неудобном месте. После обращений жителей приводятся комментарии начальника организации, сводящиеся к тому, что выполненная работа соответствует нормативам, а также председателя местного колхоза, предлагающего жителям деревни построить мост своими силами, поскольку хозяйству это обойдется дорого. Статья «Людзі? Наўрад» представляет возмущенное письмо об антисани-

тарных условиях в здании автокассы в одной из деревень и комментарий работницы автопарка об экономической нецелесообразности содержания автостанции, отсутствии желающих там работать и о существующих договоренностях с дорожниками о ремонте помещения. Материал «Дарэмныя абвінавачванні» – это обращение сельской жительницы, жалующейся на то, что автолавка не привозит нужные товары, потому что продавец якобы несправедливо их распределяет. Жалобу комментируют представители сельпо и сельсовета, поясняющие, что определенных товаров на всех не хватает.

Отметим, что само название рубрики сигнализирует о диалогическом взаимодействии между реакцией и читательской аудиторией, а приводимые в ней обращения отражают типичные эмоции населения страны в связи с социально-экономической ситуацией – взволнованность, обеспокоенность, разочарование, обиду, возмущение. В указанных публикациях встречаются лексемы, называющие эти эмоциональные состояния (*усхваляваная жанчына, пакрыўджаны пакупнік, жыхары абураюцца, турбаваць, нараканні*): *Можна зразумець **пакрыўджанага** пакупніка, калі яму не хапіла тавару, але ж і прадаўца ў гэтым пастаянна абвінавачваць нельга; Мясоўвыя жыхары **абураюцца**, аўтапарк №16 мер ніякіх не прымае, Празароцкі сельскі Савет заняты дзяльбой дэфіцытаў ды ўлікам зарплаты работнікаў.*

Кроме того, негативное восприятие людьми экономической ситуации подчеркивается обилием негативно оценочной лексики (*запушчаны, прыкра, дэфіцыт, антысанітарыя, непрыглядны, страшны беспарадак, хуліганы, распаясаліся, знішчана, пабіты, паламаны, нечыстоты, дзікія, нечалавечыя, нашкодзіць, свінячыць, абвінавачваць*).

В прессе первой половины 1990-х гг. можно выделить особый тип макротекстовой унисонной диалогичности – смысловые отношения между заголовками примыкающих друг к другу статей, которые тематически не связаны между собой. Чаще всего результатом подобного взаимодействия становится индуцирование и усиление отрицательной оценочности даже в тех случаях, когда содержанию статей она не свойственна.

Например, расположенные рядом публикации «Цяжка нам, браце... лягчэй бы памерці» и «Ці так усё безнадзейна» (Свіслацкая газета. 10.02.1992), казалось бы, рисуют весьма мрачную картину действительности, чему способствует использование наречий *цяжка* и *безнадзейна*, а также глагольной лексемы *памерці*. На самом деле, в первой статье говорится о продлении сроков конкурса на лучший вариант музыки и текста для нового Государственного гимна Беларуси, поскольку конкурсная комиссия признала низкий художественный уровень всех присланных текстов; строка, послужившая заглавием для публикации, встретила в одном из присланных вариантов текста гимна. Вторая статья повествует о концерте, проведенном в районном Доме культуры и получившем много теплых отзывов. Ее название – озвученное автором материала размышление о действительности: *І тады падумалася: ці так усё безнадзейна, калі людзі пры ўсіх цяперашніх складанасцях не згубілі ў сабе эстэтычнага пачуцця.*

Фактически, первая статья является оценочно-нейтральным материалом информирующего характера, а вторая рассказывает о мероприятии, поразившем слушателей, тем не менее у читателя, который лишь просматривает заголовки, может сложиться противоположное впечатление об их содержании. Как пишет А. Е. Супрун, соединение нескольких языковых единиц представляет собой «не арифметическую сумму их планов содержания, а некоторое новое единство, качество которого зависит не только от их состава, но и от интегрирующих правил» [8, с. 152]. Согласно сформулированному С. Эйзенштейном для кинематографа правилу монтажа, «два каких-либо куска, поставленные рядом, неминуемо соединяются в новое представление, возникающее из этого сопоставления как новое качество» (цит. по [8, с. 83]).

В данном случае лексические единицы, несущие сильный негативнооценочный заряд, выступают в роли «аттракционов» (термин С. Эйзенштейна) как произвольно выбранных притягивающих реципиента и воздействующих на него элементов произведения [9, с. 14]. В заголовке как сильной позиции статьи целенаправленно подобранная журналистом лексика привлекает и активизирует внимание читателей, дает им толчок к запрограммированному автором пониманию определенных идей. Неожиданные сочетания дискурсных единиц побуждают реципиента размышлять над содержанием сообщения, вызывают эмоции, повышая воздействующий потенциал публикаций.

Таким образом, объединение отдельных газетных материалов в макротекстовые единства, связанные унисонными отношениями, увеличивает текстовое пространство для выражения определенной идеи, а также позволяет расставить семантические акценты путем концентрации специально отобранных лексических единиц на текстовом отрезке. Газетные макротексты обладают ярко выраженной аксиологической направленностью, при этом положительная оценочность характеризует публикации, подчеркивающие желательные в конкретном обществе поведенческие модели (например, труд на благо общества), отрицательный оценочный модус свойственен статьям, направленным на формирование общественного мнения по отношению к тем или иным объектам или субъектам (руководители на местах в 1930-е гг., страны капиталистического блока в 1950–1970-е гг.) или для выражения сочувствия читательской аудитории, оказавшейся в сложной жизненной ситуации (1-я половина 1990-х гг.).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Чистая, С. Ф.* Фактор проксемики в диалогическом измерении публицистического текста : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / С. Ф. Чистая. – Минск, 2004. – 110 л.
2. *Бахтин, М. М.* Из записей 1970–1971 годов / М. М. Бахтин // *Собрание сочинений* : в 7 т. / М. М. Бахтин ; Ин-т мировой лит. РАН. – М., 1996. – Т. 6 : Проблемы поэтики Достоевского, 1963. Работы 1960-х–1970-х гг. – 2002. – С. 355–380.

3. *Дускаева, Л. Р.* Адресат / Л. Р. Дускаева // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. – Красноярск, 2012. – С. 22–24.
4. *Дускаева, Л. Р.* Диалогическая природа газетных речевых жанров / Л. Р. Дускаева ; под ред. М. Н. Кожинной. – Изд. 2-е, доп., испр. – СПб. : СПбГУ, 2012. – 274 с.
5. *Кожина, М. Н.* О диалогичности письменной научной речи / М. Н. Кожина. – Пермь : ПГУ, 1986. – 91 с.
6. *Бахтин, М. М.* Проблемы творчества Достоевского / М. М. Бахтин // Собрание сочинений : в 7 т. / М. М. Бахтин ; Ин-т мировой лит. РАН. – М., 1996. – Т. 2 : Проблемы творчества Достоевского, 1929. Статьи о Л. Толстом, 1929. Записи курса лекций по истории русской литературы, 1922–1927. – 2000. – С. 5–175.
7. *Зубко, Д. В.* Публицистические дискуссионные программы на отечественном радио XXI века: полемика против софистики / Д. В. Зубко // Гуманитарный вектор. – 2019. – Т. 14, № 1. – С. 50–57.
8. *Супрун, А. Е.* Лекции по теории речевой деятельности : учеб. пособие / А. Е. Супрун. – Минск : Белорус. фонд Сороса, 1996. – 287 с.
9. *Эйзенштейн, С.* Монтаж / С. Эйзенштейн. – М. : Музей кино, 2000. – 591 с.

Поступила в редакцию 29.11.2021

УДК 81'42

Василенко Екатерина Николаевна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры теоретической и прикладной
лингвистики
Могилёвский государственный университет
имени А. А. Кулешова
г. Могилёв, Беларусь

Ekaterina Vasilenko

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Theoretical and Applied Linguistics
Mogilev State A. Kuleshov University
Mogilev, Belarus
e.n.vasilenko@gmail.com

ПРОДВИЖЕНИЕ ИНТОЛЕРАНТНОСТИ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ: ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

PROMOTION OF INTOLERANCE IN ONLINE COMMUNICATION: LINGUOPRAGMATIC ASPECT

В статье рассматривается коммуникативная стратегия дискредитации они-группы в рамках интолерантного дискурса. В качестве примеров актуализации тактик, направленных на продвижение интолерантности, приводятся комментарии белорусских интернет-пользователей к новостным статьям о женщинах, ЛГБТ-людях и иностранцах. Установлено, что к тактикам, поощряющим интолерантность, относятся призыв, побуждение и угрозы, а к тактикам, направленным на оправдание интолерантности, – вынужденная интолерантность, ее легитимация, прецедент и апеллирование к авторитету.

К л ю ч е в ы е с л о в а : *интолерантный дискурс; враждебность; «язык вражды»; социальная группа; интернет-коммуникация; стратегия дискредитации.*

The article discusses the communicative strategy of discrediting of the they-group within the framework of intolerant discourse. Examples of tactics aimed at promoting intolerance are given based on Belarusian Internet users' comments on news articles about women, LGBT people and foreigners. It is established that tactics aimed at encouraging intolerance include those of appeal, inducing intolerance, and threat, while tactics aimed at justifying intolerance – those of forced intolerance, legitimization of intolerance, precedent and appealing to authority.

Key words: intolerant discourse; hostility; hate speech; social group; online communication; discrediting strategy.

С момента оформления исследований вежливости в отдельное направление прагмалингвистики предпринимаются попытки разработать номенклатуру коммуникативных стратегий и тактик, оформляющих вежливое и невежливое речевое поведение говорящего. Так, например, получившая широкое распространение классификация стратегий вежливости П. Браун и С. Левинсона [1] основана на потребностях позитивного или негативного лица адресата, а классификация Х. Хаверкейта, во многом перекликающаяся с предыдущей, – позитивного лица адресанта [2].

Теория сохранения лица легла в основу и разработанной Дж. Калпером таксономии стратегий **НЕВЕЖЛИВОГО ПОВЕДЕНИЯ**, в соответствии с которой выделяются шесть суперстратегий невежливости, направленных на ущемление лица адресата:

- 1) *bald-on-record impoliteness* 'неприкрытая невежливость';
- 2) *positive impoliteness* 'позитивная невежливость';
- 3) *negative impoliteness* 'негативная невежливость';
- 4) *off-record impoliteness* 'неофициальная вежливость';
- 5) *withhold politeness* 'невысказанная вежливость';
- 6) *sarcasm or mock politeness* 'сарказм или притворная вежливость' [3].

Учитывая, что изучение 'языка вражды' (*hate speech*) как компонента интолерантного дискурса в последнее время обособляется от лингвистического исследования невежливости и становится все более востребованным самостоятельным направлением [4], полагаем, что назрела необходимость разработки отдельной таксономии коммуникативных стратегий, вербализующих враждебность по отношению к определенным социальным группам, важнейшее место в которой занимает стратегия дискредитации.

Стратегия дискредитации в интолерантном дискурсе, по сути, представляет собой негативную презентацию или принижение они-группы представителями мы-группы (в психологии используются термины «аут-группа» и «ингруппа» соответственно – см. например [5]). К основным тактикам, реализующим стратегию дискредитации, лингвисты относят тактики:

- оскорбления;
- обвинения;
- издевки/насмешки [6, с. 160–162; 7, с. 169].

К другим тактикам, реализующим стратегию дискредитации, можно отнести тактики:

- дискредитации «чужого» и возвышения «своего» (в другой классификации – поляризации [8, с. 105]);

- угрозы;
- побуждения к интолерантности;
- легитимации интолерантности;
- приписывания враждебных намерений;
- интолерантности против интолерантности [7, с. 169–174].

Анализ фактического материала исследования, в качестве которого выступили комментарии белорусских интернет-пользователей к новостным статьям о трех уязвимых социальных группах – женщинах, ЛГБТ-людях и иностранцах (подробнее об отборе материала см. [9; 10]), позволил выделить несколько других тактик и условно разделить все тактики, реализующие коммуникативную стратегию дискредитации, на три группы:

1) тактики, непосредственно направленные на принижение социальной группы, а именно тактики оскорбления (в том числе навешивания ярлыков), уничтожения, издевки/насмешки, а также отрицания или преуменьшения;

2) тактики, направленные на создание негативного образа социальной группы, а именно тактики обвинения, приписывания враждебных намерений, прогнозирования и поляризации;

3) тактики, направленные на продвижение интолерантности, а именно тактики призыва, побуждения к интолерантности, угрозы, вынужденной интолерантности, легитимации интолерантности, прецедента и апеллирования к авторитету.

В рамках нашей статьи рассмотрим последнюю, третью, группу тактик, направленных на продвижение интолерантности в интернет-коммуникации, а именно **тактики, направленные на поощрение и оправдание интолерантности**. Поясним, что в представленных моделях под X всегда понимается уязвимая социальная группа, под Y – доминирующая социальная группа. Значение других переменных варьируется и уточняется в каждом конкретном случае.

К тактикам, направленным на поощрение интолерантности, относятся тактики:

- призыва;
- побуждения к интолерантности;
- угрозы, раскрывающие тему «Они должны знать свое место» (о когнитивно-тематической организации интолерантного дискурса см. [9; 10]).

Тактика призыва адресована напрямую они-группе и представлена *Моделью 1: X, сделайте Z* и ее вариантом *Пусть X делает Z*, где Z – одобряемое ингруппой поведение.

Высказывания, реализующие **тактику побуждения к интолерантности**, адресованы третьим лицам и могут быть представлены в виде *Модели 2: Y призывает (A) сделать Z*, где Z – интолерантное действие в отношении X , а A (если указано) – лицо, которому адресован призыв.

Учитывая, что тактики призыва и побуждения к интолерантности сближаются по своему значению, они имеют схожие средства вербализации, а именно повелительное наклонение глагола и альтернативные способы выражения побуждения и волеизъявления говорящего. Отметим, что, вслед

за В. С. Храковским, мы включаем в парадигму императива формы не только 2-го, но и 1-го и 3-го лица [11], разделяя мнение А. В. Бондарко о том, что эти формы не являются полноправными членами парадигмы, а, скорее, примыкают к ней [12, с. 122–124].

Собственно *повелительное наклонение* в наиболее яркой форме отражает приписывание себе говорящим права давать оценку или навязывать свое видение ситуации представителям аутгруппы (тактика призыва), например:

1) *Деффченки, не тратьте время – надевайте короткие юбки и марши на проспекты – ЖИТЬ и ЛЮБИТЬ!!! Здесь и Сейчас!* [Г-1] (здесь и далее орфография и пунктуация авторов комментариев незначительно откорректированы для лучшего восприятия; в квадратных скобках после примеров указан номер социальной группы, которой адресован комментарий: Г-1 – женщины, Г-2 – ЛГБТ-люди, Г-3 – иностранцы. – Е. В.);

2) *Только не это, что-то, а со своими отклонениями сидите дома, а на улице будьте добры уважать традиции семьи. Дома или в спецзаведениях можете тыкать друг-друга чем хотите и куда хотите, никто же вам не запрещает...* [Г-2].

Отметим, что в примере (2) право мы-группы навязывать свое представление о должном порядке вещей усиливается выражением деонтической возможности при помощи предиката *мочь*.

Помимо форм повелительного наклонения 2-го лица интернет-пользователи прибегают к *аналитическим формам 3-го лица*, например:

3) *Это их проблемы, по мне – так перекрыть границы и не пускать, нечего им здесь делать – жарковато, пусть на Аляску валят, в Антарктиду... Да пофиг куда, главное чтобы здесь их не было!* [Г-3].

Если адресатом выступает третье лицо, тактика актуализируется следующим образом:

4) *Пусть этих товарищей США к себе забирает; такие “свои права” пусть реализует в США, от греха подальше* [Г-2];

В примере 4, помимо *императивной формы 3-го лица (пусть валят)*, волеизъявление говорящего выражается при помощи *инфинитивов*. Вероятно, выбор инфинитива в заданных дискурсивных условиях – при реализации обеих тактик – обусловлен его способностью делать речь более категоричной, как в следующих репликах (в примере 5 актуализируется тактика призыва побуждения к интолерантности, в примерах 6 и 7 – тактика призыва):

5) *Так! Нечего сюда мусальманам мигрировать!* [Г-3];

6) *Пропаганда гомосексуализма. Отправить их к психиатру* [Г-2];

7) *Да отменить им пособие, вместо жилья – картонную коробку, они сразу развернут лыжи* [Г-3].

Отметим, что опущение инфинитива во второй части примера 7 (*вместо жилья – картонную коробку*) придает реплике особую лозунговость.

Инфинитив может быть опущен и при использовании в высказывании конструкций, что позволяет говорящему выразить свое мнение в более отстраненной форме, например:

8) *давно пора уже всех этих дырявых в психушку!!!! я 1000000000% гомофоб!!!!* [Г-2].

В целом в рамках **темы «Они должны знать свое место»** комментаторы склонны использовать *инфинитивные конструкции*, например, «(не) нужно + инфинитив» (9), «(не) надо + инфинитив» (10), «пора + инфинитив» (11):

9) *Если европейские ценности – баловаться в “непредназначенные для этого места”, то не нужно это афишировать! Не говоря уже о том, чтобы женить двух “мужиков” и доверить им детей!* [Г-2];

10) *Надо минные заграждения по всей границе устанавливать. Чтобы всю эту шваль на куски разрывало в назидание другим. Воевать так воевать...* [Г-3];

11) *Давно говорю, пора их клеймить по лбу, или на лесоповал отправлять. Это не люди* [Г-1].

Инфинитивные конструкции придают большую значимость и объективность высказыванию, будучи при этом достаточно категоричными.

Для смягчения категоричности высказывания вместо повелительного наклонения может использоваться *сослагательное наклонение*, например:

12) *Кому они вообще нужны? Шли бы домой да и занимались тихо любимым делом. Так нет! Хочется всех приобщить к своим радостям* [Г-2];

13) *Уж лучше бы шли детей воспитывать, больше бы толку было* [Г-1].

Тактика угрозы также имеет своим адресатом они-группу, однако говорящий не обязательно обращается к ее представителям непосредственно. Учитывая, что в речевом акте угрозы редко используются определенные речевые формулы, а значение речевого акта выводится из общего контекста, адаптируем предложенное А. Н. Барановым [13, с. 140–141] истолкование сути речевого акта угрозы к рассматриваемым нами дискурсивным условиям и представим тактику угрозы в виде *Модели 3: Y угрожает X, что сделает Z, из-за того, что Y-у не нравится X*, где *Z* – интолерантное действие в отношении *X*. Иными словами, тактика угрозы в рассматриваемом контексте, как и тактика побуждения к интолерантности, заключается в описании мер, которые, по мнению говорящего, должны быть применены в отношении представителей той или иной социальной группы с целью их «исправления», изолирования или даже уничтожения. Отличием тактики угрозы служит отсутствие призыва к они- или мы-группе в любой форме, а предполагаемым исполнителем угрозы выступает сам говорящий или группа, к которой он себя относит, например:

14) *Я бы таких отправлял дороги строить (принудительно), – и дурь в головы лезть не будет, и плакаться перестанут, что без работы* [Г-2];

15) *встретил бы после игры, да по почкам настучал. равноправие, так равноправие* [Г-1].

К тактикам, направленным на оправдание интолерантности, относятся тактика вынужденной интолерантности, тактика легитимации интолерантности.

Тактика вынужденной интолерантности демонстрирует позицию говорящего, в соответствии с которой враждебное отношение к социальной группе вызывается поведением самой социальной группы. Эту тактику можно представить в виде Модели 4: X сами виноваты в том, что мы, Y, плохо к ним относимся, например:

16) *Как они с нашими на границах обходятся, так и мы должны с ними* [Г-3];

17) *Женщин бить это отвратительно! Но я вот считаю что женщины сами виноваты что таких выбирают. вечером получил а утром как не в чем не бывало. Рабство ведь отменили или многие женщины не слышали?* [Г-1].

Связанной с тактикой побуждения к интолерантности является **тактика легитимации интолерантности**, проявляющаяся в оправдании и поддержке сексистских, гомофобных и ксенофобных действий и взглядов и негативной оценке действий, направленных на искоренение дискриминации (Модель 5: Интолерантность в отношении X – это нормально/хорошо):

18) *ксенофобия – норма* [Г-3];

19) *Вы говорите «сексизм» как будто это что-то плохое!* [Г-1];

20) *Это не гомофобия! Это – нормальное общество, с нормальным и естественным отношением к ненормальным отношениям между людьми!* [Г-2].

В случае если оправдание интолерантности основано на некотором образце, как правило историческом, т. е. заключается в апеллировании к традиционно оправдываемым случаям дискриминации и насилия на указанной почве, актуализируется **тактика прецедента** (Модель 6: Существуют исторические примеры Z, где Z – описание интолерантного поведения в отношении X):

21) *Нужно на государственном уровне, без оглядки на какой то там Евросоюз или США, закрепить уголовную ответственность за пропаганду ЛГБТ движения! Так, как это было в СССР* [Г-2];

22) *Пора уже заканчивать с феминизмом. Раньше ценились женственность, целомудрие и кроткий нрав. Чего добилось общество воспетого феминизма? – Ответ такой – розовой голубиной развала общества. Не должна женщина носить паранджу и молчать, но и показывать бойбабу тоже не должна* [Г-1].

Для оправдания своей позиции говорящий может также апеллировать к авторитету (Модель 4: В А говорится (А говорит), что Z, где А – авторитетный источник, а Z – описание интолерантного поведения в отношении X), в качестве которого в рамках интолерантного дискурса, как правило, выступает Библия (в отношении Группы 1 и Группы 2), например:

23) *Валентин, Бог в Библии недвусмысленно, много раз, прямо называет гомосексуализм грехом. Покайтесь и одумайтесь, пока не поздно* [Г-2];

24) *Женщина раз и навсегда потеряла право голоса после того, как из-за её действий людей из рая выгнали* [Г-1].

Таким образом, продвижение интолерантности в интернет-коммуникации осуществляется посредством тактик, направленных на ее поощрение и оправдание.

К тактикам, поощряющим интолерантность, относятся тактики призыва, побуждения к интолерантности и угрозы.

К основным средствам вербализации тактики призыва (*X, сделайте Z*) и тактики побуждения к интолерантности (*X призывает (A) сделать Z*) относятся повелительное наклонение глагола и альтернативные способы выражения императивной семантики. В отличие от тактик призыва и побуждения к интолерантности, тактика угрозы не содержит призыва и выражается формулой *Y угрожает X, что сделает Z, из-за того, что Y-у не нравится X*.

С целью оправдания интолерантности интернет-пользователи прибегают к тактикам вынужденной интолерантности, легитимации интолерантности, прецедента и апеллирования к авторитету. Тактика вынужденной интолерантности выражена моделью *X сами виноваты в том, что мы, Y, плохо к ним относимся*. Тактика легитимации интолерантности направлена на поддержку интолерантных действий и взглядов и представлена моделью *Интолерантность в отношении X – это нормально/хорошо*. Тактики прецедента (*Существуют исторические примеры Z*) и апеллирования к авторитету (*В А говорится (А говорит), что Z*) используются говорящим с целью доказать свою позицию, что свидетельствует об их аргументативном потенциале.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Brown, P. Politeness : Some universals in language usage / P. Brown, S. C. Levinson. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1987. – 345 p.*
2. *Haverkate, H. Speech acts, speakers and hearers : Reference and referential strategies in Spanish / H. Haverkate. – Amsterdam : John Benjamins, 1984. – 154 p.*
3. *Culpeper, J. Impoliteness : Using and understanding the language of offence : ESRC project [Electronic resource] / J. Culpeper. – 2009. – Mode of access : <http://www.lancs.ac.uk/fass/projects/impoliteness/>. – Date of access : 13.08.2021.*
4. *Василенко, Е. Н. «Язык вражды» как предмет научного анализа и как социальный феномен (теоретическое обоснование перспектив исследования) / Е. Н. Василенко // Филология и человек. – 2019. – № 4. – С. 136–145.*
5. *Whitley, B. E. Jr. The psychology of prejudice and discrimination / B. E. Whitley Jr., M. E. Kite. – 2nd ed. – Wadsworth : Cengage Learning, 2010. – 692 p.*
6. *Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – 5-е изд. – М. : Изд-во ЛКИ, 2003. – 288 с.*
7. *Толерантность как культурная, политическая, лингвистическая проблема / Т. В. Романова [и др.]. – Н. Новгород : ДЕКОМ, 2017. – 304 с.*

8. *Кирдун, А. А.* Язык вражды в современной массовой коммуникации Беларуси / А. А. Кирдун, А. В. Андреева // Вестн. Минск. гос. лингвист. ун-та. Сер. 1, Филология. – 2017. – № 6 (91). – С. 100–110.
9. *Vasilenko, E.* Sexist hate speech : Topical organization of intolerant discourse / E. Vasilenko // *Językoznawstwo*. – Łodz. – 2020. – № 14. – Р. 47–60.
10. *Василенко, Е.* Ксенофобская риторика : тематическая организация интолерантного дискурса / Е. Василенко // *Філологічні студії*. Наук. вісн. Криворізького держ. пед. ун-ту. – 2020. – Вип. 21. – С. 123–132.
11. *Храковский, В. С.* Семантика и типология императива. Русский императив / В. С. Храковский, А. П. Володин. – 2-е изд. – М. : Едиториал УРСС, 2001. – 272 с.
12. *Бондарко, А. В.* Категория наклонения / А. В. Бондарко // *Русский глагол : пособие* / А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин. – Л., 1967. – Гл. 3. – С. 120–134.
13. *Баранов, А. Н.* Феномен угрозы в лингвистической теории и экспертной практике / А. Н. Баранов // *Теория и практика судебной экспертизы*. – 2014. – № 4 (36). – С. 139–147.

Поступила в редакцию 09.11.2021

УДК 811.512.161'362 + 811.161.1

Дардыкова Надежда Викторовна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры восточных языков
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Nadezhda Dardykova

PhD in Philology, Associate Professor
of the Department of Oriental Languages
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
n.dardykova@gmail.com

Кара Айфер

доктор педагогических наук,
доцент кафедры восточных языков
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Kara Ayfer

Doctor in Pedagogy, Associate Professor
of the Department of Eastern Languages
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
ayfer.kara44@yahoo.com

**ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ПРИЗЫВА
К СОВМЕСТНОМУ ДЕЙСТВИЮ В РУССКОМ И ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ
(на примере конструкций с *haydi* и *давай(me)*)**

**THE PECULIARITIES OF EXPRESSING APPEAL TO JOINT ACTION
IN THE RUSSIAN AND TURKISH LANGUAGES
(on the example of constructions with *haydi* and *давай(me)*)**

В статье на примере конструкций с *haydi* ‘давай(те)’ и *давай(me)* рассматривается семантика и функционирование форм совместного выполнения действия, вызывающих затруднение у учащихся. Выявлено, что *давай(me)* является грамматикализованной формой выражения гортатива, а при изолированном употреблении может обозначать

согласие или прощание. *Haydi* ‘давай(те)’ является универсальным интенсификатором, способным передавать большое количество семантических акцентов от побуждения до удивления.

Ключевые слова: *призыв к совместному действию; конструкции; устная речь; русский язык; турецкий язык.*

Basing on the example of constructions with *haydi* ‘let’s’ и *давай(me)* ‘let’s’, the article considers the semantics and functioning of the forms of joint action which may cause difficulties for language-learners. It is shown that *давай(me)* ‘let’s’ is a grammaticalized form of expressing hortative modality, and when used separately may denote agreement or valediction. *Haydi* ‘let’s’ is a universal intensifier, capable of expressing a wide range of semantic accents – from incitement to action to surprise.

Key words: *appeal to joint action; constructions; oral speech; Russian language; Turkish language.*

Впервые о «формах совместного действия» и «побуждению к совместному действию» упоминается, по-видимому, у В. В. Виноградова [1, с. 482–483]. В настоящее время используется также термин *гортатив*, который определяется, как разновидность императива, обозначающая приглашение к совместному совершению действия [2, с. 77]. Гортативные смыслы в русском и турецком языках могут передаваться как синтетически, так и аналитически.

Синтетическим способом выражения гортатива в русском языке становятся формы множественного числа будущего времени типа *подождем, спросим*, а *аналитическим* – конструкции с *давай(me)*: *давай подождем, давайте спросим*.

В турецком языке призыв к совместному совершению действия передается *синтетически*, через формы желательного наклонения, типа *уаралим* ‘давайте сделаем’, *соралим* ‘давайте спросим’. Часто данные формы используются в сочетании с интенсификатором *haydi* ‘давай(те)’, верное употребление которого вызывает заметные затруднения у учащихся в связи с языковой интерференцией, проявляющейся в использовании *haydi* ‘давай(те)’ в контекстах, по смыслу соответствующих русскому *давай(me)*.

В связи с вышесказанным, целью нашего исследования стал сопоставительный анализ конструкций с *haydi* ‘давай(те)’ и *давай(me)*. Он проводился в русле функционального подхода, а именно путем сопоставления профилей их употребления в устной речи на материале устных подкорпусов Национального корпуса турецкого языка (далее TUD) [3] и Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) [4]. К анализу принимались контексты с 2010 по 2013 гг. (этим годом ограничивается TUD), всего на материале двух языков было отобрано сопоставимое количество контекстов: 528 – с *давай(me)* и 641 – с *haydi* ‘давай(те)’.

Haydi ‘давай(те)’ в турецком языке имеет три фонетических варианта, из которых было выявлено: 612 контекстов с *hadi*, 25 – с *haydi*, 4 – с *hayda*.

При проведении анализа мы опирались на идеи о поведенческих профилях языковых единиц, изложенные в работах Ст. Грися и Д. Дивиака, Л. Янды и О. Ляшевой [5; 6]. В практике преподавания профили позволяют акцентировать внимание на некоторые из особенностей языковых единиц и тем самым избежать возможных ошибок при их использовании, что полностью отвечает задачам нашего исследования.

Статус языковых единиц

Согласно «Словарю современного турецкого языка» [7] *haydi* ‘давай(те)’ относится к разряду побудительных междометий. Подобное отнесение, вероятно, обусловлено его происхождением. Так, этимологический словарь «Nişanyan» предполагает, что *haydi/hadi/hayda* ‘давай(те)’ образовалось от сочетания звукоподражательных местоимений *hay* и *de* (ближе к русскому *айда*) [8].

При этом существуют и другие предположения происхождения [9, s. 690], согласно которым *haydi* ‘давай(те)’ является лексикализованной формой арабского императива *هَيِّتْ* *heyte* ‘иди(те)’ [10, s. 319] либо происходит от турецкого глагола *haydalamak* ‘понукавать животное (голосом)’ [11, s. 499–500], [12, s. 66]. Отметим, однако, что *haydalamak* ‘понукавать животное (голосом)’, вероятно, само является дериватом междометия *hayda* ‘айда’.

Интересующая нас частица *давай(те)* является грамматикализованной формой императива русского глагола *давать*. Путь грамматикализации «элементарное действие/движение → императив» является одним из наиболее распространенных и может быть мотивирован тем, что *давать* передает каузацию перемещения объекта, в то время как императивная ситуация (в нашем случае, преимущественно призыв к совместному совершению действия) предполагает каузацию наступления новой ситуации [13].

Как мы видим, происхождение интересующих нас оборотов, по-видимому, стало результатом переосмысления исходных единиц с каузативной семантикой, при этом как в русском, так и в турецком языках они получают сходные итоговые значения как минимум в части контекстов.

Морфология

Формы на *haydi* ‘давай(те)’ и *давай(те)* могут употребляться изолированно, а также сочетаться с существительными и глагольными формами (табл. 1), порождая таким образом большое количество контекстов с разными смыслами. В ходе анализа было решено выделять фразеологизованные выражения с *haydi* ‘давай(те)’ в отдельную группу. Данное решение продиктовано тем, что многие устойчивые выражения с *haydi* ‘давай(те)’ вызывают трудности у учащихся и при неправильной трактовке могут стать причиной ошибок.

Основные способы употребления *haydi* ‘давай(те)’ и *давай(те)*

	<i>давай(те)</i>	<i>haydi</i> ‘давай(те)’
изолированное употребление	112	120
в сочетании с существительными	–	31
в составе устойчивых выражений	–	151
в сочетании с глагольными формами	416	314
всего	528	616

Рассмотрим семантическую акцентуацию анализируемых оборотов для каждого из основных способов употребления.

1. **Изолированное употребление.** При данном использовании *haydi* ‘давай(те)’ и *давай(те)* имеют схожую семантику в большей части контекстов (рис. 1).

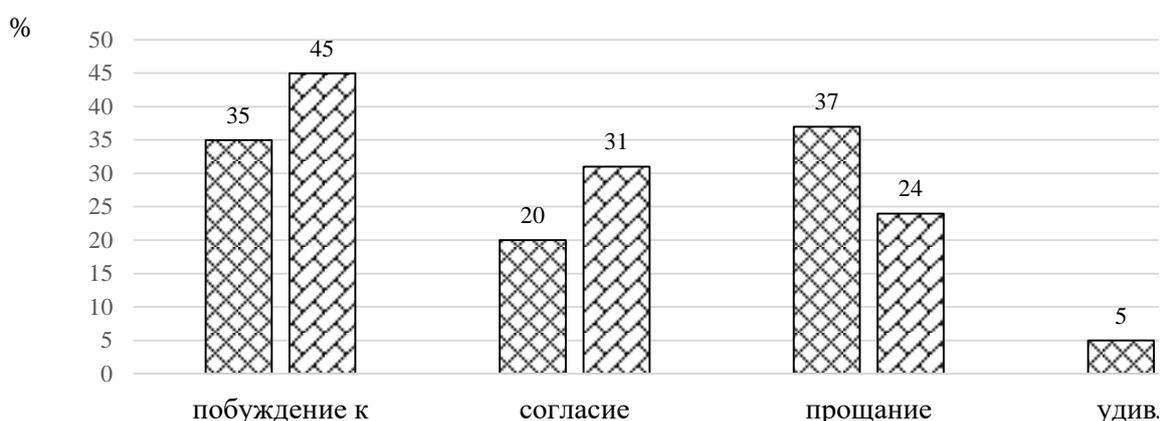

Рис. 1. Семантическая акцентуация *haydi* ‘давай(те)’ и *давай(те)* при изолированном употреблении

При обозначении согласия *давай(те)* употребляется в коммуникативных ситуациях, когда говорящий или соглашается с каким-то предложением:

(1) «Да – говорю / – давай(те) сыграем». Он говорит / «Давайте».

или соглашается и тем самым дает высказывает одобрение или дает разрешение на совершение действия:

(2) – Я бы хотел задать вопрос Эдуарду Лимонову.

– Давай(те).

В «Словаре современного турецкого языка» значение согласия также упоминается, как одно из составляющих семантическую структуру *haydi* ‘давай(те)’ [7], однако в нашем материале оно встретилось только в единичных случаях (3 % контекстов):

(3) – *Lütfen!* ‘Пожалуйста!’

– *Hayır.* ‘Нет’.

– *Lütfen dedim sana.* ‘Я тебе сказал «пожалуйста»’.

– *Hadi, hadi anne bilgisayarla oynayalım.* ‘Давай, давай, сыграем на мамином компьютере’.

В остальных случаях выражения согласия *haydi* ‘давай(те)’ используется как интенсификатор в сочетании с *iyi* ‘хорошо’, *tatam* ‘договорились’, *evet* ‘да’:

(4) – *Yatak odasına shaggy istiyo.* ‘Она хочет пушистый ковер в спальню’.

– *İyi hadi.* ‘Хорошо, давай’.

Схожая ситуация наблюдается и в коммуникативных ситуациях прощания/окончания общения. *Haydi* ‘давай(те)’ и *давай(me)* могут передавать эти смыслы изолированно:

(5) – *Hu lадно / все / пока.*

– *Давай.*

Семантика прощания также наблюдается при употреблении интересующих нас единиц с оборотами типа *до свидания, увидимся, всего хорошего* в русском языке и *bay-bay* ‘пока-пока’, *görüştürüz* ‘увидимся’, *kendine iyi bak* ‘береги себя’ в турецком языке:

(6) *Hu lадно / давай / счастливо / я погнал.*

(7) – *İyi hadi görüşürüz.* ‘Хорошо, давай, увидимся’.

– *Hadi bay bay.* ‘Давай, пока-пока’.

Помимо общих с *давай(me)* значений, наблюдается также употребление *haydi* ‘давай(те)’ для передачи удивления с разными семантическими акцентами (удивление-оценка, удивление-недоверие и др.):

(8) *Bir de pireliymiş köpek. Hadi...* ‘Собака еще и блохастая. Вот те на...’

Haydi ‘давай(те)’ может также использоваться, когда говорящий хочет привлечь внимание слушающего, получить его реакцию:

(9) *Haydi gördün mü?* ‘Ты это видел?’

Наблюдаются и некоторые интересные различия в изолированном использовании форм для обозначения побуждения. Как *давайт(me)*, так и *haydi* ‘давай(те)’ с усилительно-побудительной семантикой используются в контекстах, когда говорящий хочет интенсифицировать выполнение какого-либо действия:

(10) – *Son maç mı? Haa?* ‘Последний матч? А?’

– *Yenersen son maç oğlum.* ‘Если ты победишь, то последний матч, сын’.

– *Tatam.* ‘Хорошо’.

– *Hadi.* ‘Давай’.

(11) *Я иду тут же к Хасбулатову и говорю: «Руслан / давай / задерживают в университет стипендии/ а у нас особый статус – давайте / давайте срочно!»*

В качестве стимулятора активности в русском языке может использоваться удвоенная форма «давай-давай!» [14, с. 330], в турецком языке же *haydi haydi* ‘давай-давай’ чаще используется как апеллятив, когда говорящий хочет получить какую-то реакцию. В качестве примера стоит упомянуть знаменитое «давай-давай!», используемое турками-торговцами и вызывающее смех у русскоговорящих туристов (*и что тебе дать?*).

Причиной коммуникативной неудачи является дословный перевод турецкой формулы привлечения внимания, в то время как для русского *давай(те)* употребление в побудительной функции характерно в сочетании с императивом, при котором частица выполняет роль «универсального каузатора», сигнала к незамедлительному приступу к действию, делая просьбу более прямолинейной [14, с. 328].

Таким образом мы видим, что при изолированном употреблении для *haydi* ‘давай(те)’ и *давай(те)* характерно схожее использование в качестве маркеров прощания и согласия, а также призыва к действию. Помимо этого, *haydi* ‘давай(те)’ может передавать удивление и используется как апеллятив, что для русского *давай(те)* возможно только в сочетании с формами императива.

2. **Употребление в сочетании с глагольными формами.** Другим способом употребления является *haydi* ‘давай(те)’ и *давай(те)* является употребление в сочетании с глагольными формами (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Распределение глагольных форм при *haydi* ‘давай(те)’ и *давай(те)*

		<i>давай(те)</i>	<i>haydi</i> ‘давай(те)’
настоящее время		–	11
будущее время	будущее совершенного вида	215	7
	будущее аналитическое	18	
прошедшее время		–	53
повелительное наклонение		71	155
желательное наклонение		–	88
инфинитив		112	–
всего		416	314

2.1. *Будущее время и желательное наклонение.* В составе оборотов с *давай(те)* (см. таблицу 2) чаще всего встречаются формы глагола будущего времени совершенного вида 1-го лица множественного числа (176 контекстов), реже единственного числа (39 контекстов).

В сочетании с будущим временем множественного числа *давай(те)* передает гортативные смыслы:

(12) *Пожалуйста / давайте пообщаемся / поговорим о том / о чем мы не могли говорить / может быть / в прошлый раз.*

При употреблении с формами единственного числа *давай(те)* используется для самопобуждения (подробнее см. Барентсен [15]): *давайте я посмотрю, давай я возьму.* В единичных случаях наблюдается также использование в ситуациях, когда один из собеседников стремится овладеть коммуникативной инициативой:

(13) – *Давай я дорасскажу, и закроем тему.*

С передающим гортативные смыслы в турецком языке желательным наклонением *haydi* ‘давай(те)’ встречается в трети контекстов (88 случаев):

(14) – *İşte bir iki tane pavurya yengeci var.* ‘Вот еще два паучьих краба’.
– *Haydi şimdi de şunu bulalım.* ‘Давайте их теперь найдем’.

При этом в оборотах такого типа *haydi* ‘давай(те)’ используется только как интенсификатор, не является обязательным и не меняет грамматический статус конструкции.

Следовательно, гортативные смыслы являются в разной степени грамматикализованными в русском и турецком языках. В русском языке они являются частично грамматикализованными, реализуясь через конструкции с *давай(те)*. Турецкий язык располагает особыми формами желательного наклонения, при которых *haydi* ‘давай(те)’ выполняет усилительную функцию и может опускаться.

2.2. *Повелительное наклонение.* В сочетании с формами императива как *haydi* ‘давай(те)’, так и *давай(те)* используются и в усилительной функции, выполняют роль «универсального каузатора», сигнала к незамедлительному приступу к действию, делая просьбу более прямолинейной [14, с. 328]:

(15) *В школе учителя / «Давай / занимайся / у тебя там тройка / двойка».*

(16) *Hadi dayıya götür de ver.* ‘Давай отнеси и отдай дяде’.

2.3. *Инфинитив, настоящее и прошедшее время.* В рамках данного раздела мы объединили формы, на сочетаемость с которыми стоит ограничение в анализируемых оборотах: *haydi* ‘давай(те)’ не используется с формами инфинитива, а *давай(те)* – с формами настоящего и прошедшего времен. Помимо этого, оба оборота с указанными формами приобретают специфическую семантику – *давай(те)* в сочетании с инфинитивом приобретает значение интенсивного приступа к действию:

(17) *А потом он костыли бросил / взял палочку / давай с палочкой ходить.*

В свою очередь, *haydi* ‘давай(те)’ при употреблении с формами настоящего времени (на -Ar/-Ir и -yor) либо используется для обозначения побуждения (*hadi aşağıya iniyoruz* ‘давай, спускаемся вниз’), либо употребляется в выделительной функции (*hadi anlamak istiyorum* ‘я только хочу понять’).

В сочетании с формами прошедшего времени (в нашей выборке: -DI, -miş, -mişti) *haydi* ‘давай(те)’ приобретает уступительное значение:

(18) *Hadi öğretmenlik işi olmadı memur olursun veya bi özel şirkette çalış mesela.* ‘Если уж с преподаванием не получится, станешь госслужающим, или на частную работать иди’. Отметим, что, хотя глагол *olmak* ‘быть’ используется в прошедшем времени, само действие относится к будущему, что, по-видимому, обусловлено восприятием будущего действия уже осуществившимся, пережитым.

2.4. *Именные конструкции.* При использовании в именных конструкциях у *haydi* ‘давай(те)’ наблюдается противительное значение, ближе к русскому «пусть даже»:

(19) – *Peki Molfix in böyle bir teklifi olması nasıl sizce?* ‘А как вам такое предложение от Молфикс?’.

– *Güzel evet çok güzel hem karlı oluyor. 4.79 hadi 4 olsun iki tanesi 8 TL yapıyor ve karlı oluyor.* ‘Хорошее, да, очень хорошее, да и выгодное. 4,79, пусть даже даже 4, за две штуки получается 8 лир, и это выгодно’.

2.5. *Устойчивые выражения.* В отличие от *давай(те)*, *haydi* ‘давай(те)’ часто используется в составе устойчивых выражений (27 % от всех случаев), распределение по частоте употребления представлено на рис. 2.

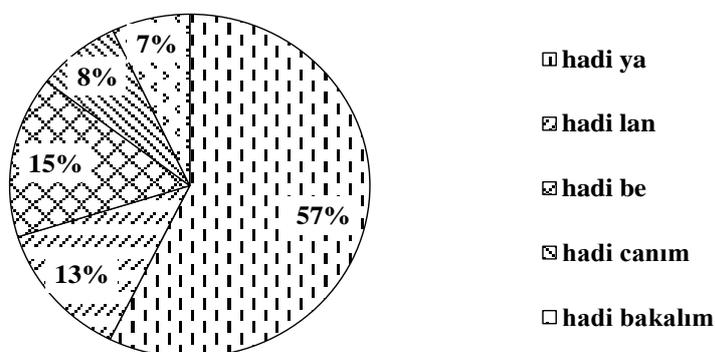

Рис. 2. Частота использования устойчивых выражений с *haydi* ‘давай(те)’

Данные устойчивые выражения в основном выражают удивление (*hadi ya* ‘вот это да’), негодование (*hadi be* ‘что за ...’, *hadi lan* ‘руг. что за...’), недоверие (*hadi canım* ‘да ладно, полно вам/тебе’). В контексте данной работы особого внимания заслуживает фраза *hadi bakalım* ‘давай-ка’, которую студенты ошибочно принимают за распространенное сочетание *давай посмотрим*. *Hadi bakalım* ‘давай-ка’ в турецком языке используется как интенсификатор, призванный ускорить приступ к какому-либо действию:

(20) *Hadi bakalım sıra sizde.* ‘Давайте-ка, ваша очередь’.

Другой смысловой разновидностью является использование императива в составе интересующей нас фраземы (*hadi otur bakalım* ‘давай-ка садись’, *haydi gel bakalım* ‘давай-ка иди сюда’) для смягчения приказа и придания оттенка непринужденности, простоты в обращении (подобно русской частице -ка) [16].

Сематическая акцентуация *haydi* ‘давай(те)’ и *давай(те)* варьируется в зависимости от конкретной контекстной реализации. *Haydi* ‘давай(те)’ имеет широкий круг употреблений, используется в составе фразеологических оборотов, однако употребляется факультативно, как интенсифицирующее или экспрессивное средство (для передачи удивления, недовольства т.д.). При изолированном употреблении данный оборот может также использоваться для передачи разрешения, согласия и прощания.

Семантика *давай(те)* в большинстве конструктивных употреблений, в целом соответствует побуждению в той или иной формулировке. В нашем материале выявлены следующие функции *давай(те)*: побудительная частица

при изолированном употреблении либо в составе побудительной формы совместного действия, а также в сочетании с императивом; частица в составе конструкции стремительного начала действия или дискурсивный маркер согласия или прощания/окончания общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградов, В. В.* Русский язык : грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – 4-е изд. – М. : Рус. яз., 2001. – 717 с.
2. *Жеребило, Т. В.* Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеол. выражений / Т. В. Жеребило. – 5-е изд., доп. – Назрань : Пилигрим, 2010. – С. 77.
3. Turkish national corpus (TNC) – Türkçe ulusal derlemi (TUD) [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.tnc.org.tr>. – Date of access : 04.10.2021.
4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ruscorpora.ru/index.html>. – Дата доступа : 04.10.2021.
5. *Divjak, D.* Corpus-based cognitive semantics : a contrastive study of phrasal verbs in English and Russian / D. Divjak, St. Th. Gries // Studies in cognitive corpus linguistics / eds B. Lewandowska-Tomaszczyk, K. Dziwirek. – Frankfurt am Main ; Philadelphia, 2009. – P. 273–296.
6. *Janda, L. A.* Grammatical profiles and the interaction of the lexicon with aspect, tense, and mood in Russian / L. A. Janda, O. Lyashevskaya // Cognitive Linguistics. – 2011. – Vol. 22, № 4. – P. 719–763.
7. Güncel Türkçe Sözlük [Electronic resource] // Türk Dil Kurumu. – Mode of access : http://www.tdk.gov.tr/index.php?option=com_gts&arama=gts&guid=TDK.GTS.593a92b8062126.13378395. – Date of access : 04.10.2021.
8. Nişanyan Sözlük. Çağdaş Türkçenin Etimolojisi [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.nisanyansozluk.com>. – Date of access : 08.11.2021.
9. *Deny, J.* Türk dili grameri (Osmanlı lehçesi) / J. Deny. – İstanbul : Maarif Vekâleti, 1941. – XXII, 1142, XLVI s.
10. *Eyuboğlu, İ. Z.* Türk dilinin etimoloji sözlüğü / İ. Z. Eyuboğlu. – İstanbul : Sosyal Yay., 1998. – 4. bs. – S. 319.
11. *Zülfikar, H.* Türkçede ses yansımaları kelimeler / H. Zülfikar. – Ankara : TDK Yay., 1995. – 699 s.
12. *Toker, M.* “Haydi, Hadi, Hayda” kelimeleri üzerine / M. Toker // Turkiyat araştırmaları dergisi. – 2011. – № 30. – S. 55–70.
13. *Подлеская, В. И.* Русские глаголы *дать/давать* : от прямых употреблений к грамматикализованным / В. И. Подлеская // Вопр. языкознания. – 2005. – № 2. – С. 89–103.
14. *Войекова, М. Д.* Функции императивных форм *дай/давай* и их грамматикализованных вариантов в высказываниях детей и взрослых // М. Д. Войекова, К. А. Иванова // Проблемы функциональной грамматики. Предикативные категории в высказывании и целостном тексте ; отв. ред. А. В. Бондарко, В. В. Казаковская. – 2-е изд. – М., 2015. – С. 308–332.

15. Барентсен, А. О побудительных конструкциях с исполнителем 1-го лица / А. Барентсен // Dutch Contributions to the Thirteenth International Congress of Slavists, Ljubljana : Linguistics (SSGL 30). – Amsterdam ; N. Y., 2003. – Р. 1–33.

16. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ushakovdictionary.ru>. – Дата доступа : 06.11.2021.

Поступила в редакцию 01.12.2021

УДК 811.161.1'42

Тухватуллина Анна Викторовна
студентка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Anna Tukhvatullina
Student
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
tukhvatullinaa@yahoo.com

ФОРМАТ СТОРИТЕЛЛИНГА В МАРКЕТИНГОВОЙ КОММУНИКАЦИИ И ЕГО ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

STORYTELLING IN MARKETING COMMUNICATION AND ITS LINGUISTIC REPRESENTATION

В работе выявляются структурно-содержательные особенности сообщений в формате сторителлинга, служащих цели маркетинга косметической продукции. Осуществляется практический анализ языковых средств, которые используются в интервью с основателями брендов, построенных по принципу сторителлинга. Устанавливаются архетипические сюжеты и персонажи истории, а также определяются прагматические функции вербальных средств, характерных для повествования.

К л ю ч е в ы е с л о в а : бренд; продвижение; онлайн-маркетинг; формат сторителлинга; языковые особенности сторителлинга.

The paper demonstrates structural and semantic peculiarities of storytelling as a cosmetic brand marketing tool. It also presents the results of analysis of linguistic means used to unfold a story in interviews with brand founding members. The article describes archetypical plots and characters of the stories told, as well as pragmatic functions of frequently used verbal means.

Key words: brand; promotion; online-marketing; storytelling format; linguistic peculiarities of storytelling.

Интернет изобилует новыми возможностями для продвижения бренда, однако некоторые компании все еще предпочитают традиционные инвазивные стратегии маркетинга, злоупотребляя похвалой продукта и громкими обещаниями. В условиях перенасыщенности информационного поля такие бренды рискуют лишиться внимания и доверия потребителей, поскольку реклама всегда воспринималась как помеха, которая прерывает интересный для пользователя контент. Стратегически продуманное исполь-

зование формата сторителлинга как маркетингового инструмента могло бы помочь создать тот самый контент, который способен вовлечь и удержать аудиторию, позволить ей идентифицировать себя с ценностями компании.

Сторителлинг предполагает транслирование истории (т.е. повествования, в котором события объединяются причинно-следственными связями и разворачиваются во времени) целевой аудитории. Для сторителлинга характерно наличие сюжета, однако он не обязательно диктует жесткую схему построения сообщения. Напротив, этот универсальный инструмент может воплощаться в виде комикса, инфографики, баннера, подкаста, интервью, видео, лонгрида, игры, чат-бота и т.п. Согласно современным трендам потребления информации идеальным вариантом являются законченные высказывания (или экспириенсы) длиной в несколько остановок метро, преимущественно текстовые. При этом особой популярностью пользуется формат Stories в Инстаграм [1, с. 25], и в случае косвенного сторителлинга одной ключевой фразы или образа может быть достаточно, чтобы человеческий мозг достроил недостающие фрагменты [2, с. 141].

Для успешной реализации сторителлинга как маркетингового инструмента необходимо предварительное исследование целевой аудитории: нужно ее сегментировать, определить ее проблемы и ожидания, а также выявить демографические характеристики, сильные и слабые стороны, предпочтения, потребности и желания типичного представителя каждого сегмента [3]. Полученная информация влияет на выбор героя, сюжета, проблем, ключевых ценностей, места и времени публикации будущей истории.

На данный момент основные пользователи Интернета – миллениалы и зумеры, что обуславливает успешность такого инструмента, как сторителлинг, при продвижении бренда в сети. По мнению психотерапевтов, одной из характеристик людей, родившихся в 90-х или позже, является искажение телесной картины: многие эмоциональные переживания переносятся внутрь экрана мобильного устройства: подрастающее поколение учится эмоционально взаимодействовать не с людьми, а с гаджетами [1, с. 30–31]. Изменения в сторону мобилизации ведут и к изменению самого контента. «Текущее общество», как его называет социолог З. Бауман, доверяет социальным сетям и предпочитает эпизодический нарративный контент (например, серию постов в аккаунте бренда в социальных сетях) благодаря отсутствию необходимости длительной концентрации внимания, удобной текстовой форме и интерактивности. Зумерам и миллениалам необходимо ощущение личной вовлеченности в историю, персонализация контента. Они расположены реагировать на предлагаемые интеракции, однако в контенте предпочитают низкую когнитивную нагрузку и отсутствие «психологических обязательств» [Там же, с. 40].

В основе любой формы должно лежать хорошо обдуманное содержание. В случае сторителлинга, нацеленного на миллениалов и зумеров, семантическая структура сообщения должна быть простой, с ограниченным количеством составных элементов и поворотных моментов сюжета (от одного до трех). Базовый вариант сторителлинга включает как минимум три

акта: завязку, развитие действия и развязку, на протяжении которых герой проходит различные этапы, переживает внешние и/или внутренние изменения, в результате чего выходит на новый качественный уровень. В кульминационный момент происходит решающее событие, возвращающее гармонию.

Сама история строится на нарушении равновесия между двумя полярными ценностями, которые по мере попыток героя восстановить привычный баланс меняют ценностный заряд то в положительную, то в отрицательную сторону, создавая таким образом динамику повествования. Эта пара ценностей (жизнь/смерть, любовь/ненависть, доверие/недоверие и т.д.) должна быть связана с философией бренда, а также ориентироваться на целевую аудиторию. При этом можно опираться на пирамиду потребностей А. Маслоу или концепцию Р. Эрскина, выделившего 96 основных человеческих потребностей, 8 из которых являются универсальными для всех культур: безопасность, подтверждение значимости человека другими людьми, стабильное принятие значимым другим, взаимопонимание и подтверждение опыта, самоопределение, влияние на других людей, взаимная инициатива в отношениях, выражение любви [1, с. 36].

Обратимся к основным этапам истории. На этапе завязки происходит знакомство с местом действия и образами персонажей, их ценностями. Затем происходит инициирующее событие, которое вызывает дисбаланс в мире героя. У последнего появляется цель или потребность – объект желания, способный улучшить его жизнь и обязательно связанный с ценностями компании. Герой предпринимает первое действие и получает первую ответную реакцию, которая обычно не соответствует ожидаемой, в результате чего образуется конфликт. В этот момент о себе дают знать антагонистические силы, преграждающие путь героя к цели. Герой заново анализирует ситуацию и совершает второе действие, преодолевает препятствие, что приводит к кульминационной реакции – на этот раз положительной. Герой получает то, что хотел [2, с. 123–138].

Рассмотрим подробнее два ключевых элемента истории, основные двигатели ее сюжета – героя и антагонистические силы. Героем может выступать не только отдельная личность (клиент, создатель бренда, сотрудник компании), но и предметы. Главное – сделать героя таким, чтобы адресат смог себя с ним идентифицировать, ощутить по отношению к нему эмпатию. Зеркальное отражение эмоций помогает соотнести историю с личным опытом, благодаря чему она легче запоминается и воспринимается как его часть. Данный процесс также способствует отождествлению себя с героем истории, помогает связать объект его желания со своим и превратить эмоциональное переживание в реальное действие – покупку товара, подписку и т.п. Проявлению эмпатии способствует качественный нарративный контент: «Пассивное восприятие происходящего на экране и такая пассивная позиция зрителя приводит к снижению контроля, воли и, как следствие, к ослаблению психологических защит и усилению эмоциональной восприимчивости» [1, с. 69].

Чтобы помочь аудитории ощутить эмпатию, важно продумать персонажа таким образом, чтобы в нем прослеживались характеристики целевой аудитории (как сильные, так и слабые стороны). Имеет значение каждая мелочь, несущая новую информацию о персонаже: речь, внешность, мысли, реакция на него других героев. Индивидуализация необходима в том числе и для того, чтобы сделать образ героя максимально реалистичным, чтобы аудитория легко могла представить его живущим в их мире. Нередко маркетологи обращаются к архетипам по К. Юнгу: они понятны и эффективны, апеллируют к универсальному человеческому опыту, не увеличивают когнитивную нагрузку на адресата. Несмотря на свои негативные стороны, стереотипы являются эволюционным механизмом, благодаря которому людям легче обрабатывать сложную социальную информацию [4, р. 53]. Всего их 12: Невинный, Искатель, Мудрец, Герой, Бунтарь, Маг, Обычный парень, Любовник, Шут, Опекун, Творец, Правитель. Также нужно помнить, что «герою с недостатками, испытывающему внутренний конфликт, проще сопереживать, нежели успешному со всех сторон персонажу, у которого все хорошо», поэтому не стоит умалчивать о негативных сторонах героя [1, с. 62].

Что касается антагонистических сил, они не имеют определенных рамок выражения: это может быть человек, компания-конкурент, силы природы, обычные бытовые неурядицы. Антагонистические силы не обязаны выступать как абсолютное зло, им достаточно иметь систему убеждений и мотивов, отличную от протагониста. Это поможет вербализовать цели героя, при этом баланс реального и вымышленного (реалистичность) сохранится [5].

Как уже отмечалось ранее, выбор сюжета истории также зависит от особенностей целевой аудитории. Существуют определенные архетипические сюжеты (поиск, путешествие и возвращение, возрождение, внезапный успех и т.д. [Там же]), а также устоявшиеся жанры: история возникновения компании, легенда бренда, история сотрудника, история появления продукта, благотворительная история, житейская история, история о социальной миссии компании, история клиента, история о потребителях [2, с. 202].

Обратимся к практическому анализу сторителлинга, используемого в маркетинге косметического бренда. Были проанализированы интервью с создателями брендов натуральной косметики, представленные на белорусском и российском рынках: Sativa, CREAM.LY и PURELOVE. Создатели брендов давали интервью различным интернет-порталам, и ссылки на публикации размещались в социальных сетях компании (например, в разделе «Мы в СМИ») или дублировались в аналогичном разделе на корпоративном сайте. Сторителлинг можно реализовать практически в любом формате, и интервью удобно тем, что позволяет задействовать сразу несколько архетипических сюжетов и/или жанров: интервью с основателем бренда традиционно соединяет в себе историю бренда, сотрудника компании или продукта, а также историю о социальной миссии организации. Персонажами

выступают основатели компаний, олицетворяющие такие архетипы, как Мудрец, который находится в постоянном поиске новой информации и знаний (в случае Sativa): *В целом, мы доверяем только тем вещам, о которых есть научные статьи и публикации и все подтверждено. Нам кажется, что, пока нет понятных цифр и научного подтверждения, даже и обсуждать нечего.* Опекун представлен в сообщении о бренде CREAM.LY: *Мой бренд очень личный – про веру женщины в себя; моя цель состоит не в том, чтобы посадить кожу клиенток на мою косметику, а в том, чтобы помочь ей обходиться без нее.* Данный архетип характеризуется альтруизмом: ему можно довериться, поскольку он заботится о своей аудитории. Архетип Правителя находим в следующем примере (PURELOVE), где также транслируется образ Искателя: *Мой бренд не истощает меня, наоборот – я постоянно ищу в других местах новую энергию и приношу ее в свою компанию; А я – то продавец, то художник, то химик, то управленец.* Архетип, который прослеживается в интервью создателей всех трех брендов, – Маг: упоминается создание «волшебных» косметических формул, использование особых ингредиентов (*церамиды, триглицериды, биотехнологии*).

Как и представители целевой аудитории, герои-основатели брендов столкнулись с определенными проблемами, которые выступили в роли триггеров их историй: неудовлетворенность работой «традиционных» средств, представленных в масс-маркете и в сегменте «люкс». Следовательно, создание средств, отвечающих потребностям кожи, становится объектом желания героев. Антагонистические силы соответствуют обобщенному образу косметической индустрии, экономящей на оригинальной рецептуре и качественных компонентах (*Например, масс-маркет очень ограничен ценовым фактором и при всем желании невозможно вписать в эту цену и использовать только те качественные и природные компоненты, которые хочется. Просто потому, что они дорогие, а иногда очень-очень дорогие*), преследующей цель продать как можно больше наименований продукции (*чтобы следовать канонам современной индустрии косметологии, нужно наносить утром на свою кожу около 20 разных средств*) и при этом не оправдывающей ожиданий (*На протяжении всей юности у меня была довольно плохая кожа, и я никак не могла понять этот парадокс: я трачу на кремы уйму денег, но мне ничего не помогает*). Такой антагонистический образ позволяет аудитории идентифицировать рекламируемые косметические компании как находящиеся на противоположном полюсе, т.е. понимающие проблемы простых потребителей и создающие честный уход за кожей.

Поскольку истории всех трех брендов связаны с поиском их создателями своей «страсти», совершенствованием мастерства, преодолением общих для героев-основателей и их целевой аудитории трудностей (а именно ухода за кожей), стремлением создавать продукт, полезный людям, в данном случае

затрагиваются «высшие» потребности индивида: потребность в уважении и признании, самоактуализация, взаимопонимание и подтверждение опыта, самоопределение, а также выражение любви.

Что касается языковых особенностей сторителлинга в формате интервью, отметим следующие группы наиболее употребительных вербальных средств, маркирующих повествование, и определим их прагматические функции.

1. Элементы разговорной речи: просторечия (*камон, фишка* – в значении ‘характерная черта’, *директ* – мессенджер в сети Инстаграм, *пустышка, фейл*), нарушение лексической сочетаемости (*сидела на люксовом уходе, «угощать» кремами друзей и знакомых*) или синтаксической сочетаемости: *И там помимо богатого опыта заработала себе аллергию*. Подобные элементы сокращают дистанцию между героями историй и аудиторией, что способствует упрощению процесса идентификации с ними и, как следствие, достижению эмпатии.

2. Эмотивная лексика как с положительной коннотацией («*натуральный*» *бизнес, талантливый разработчик, гиперответственность, экологичность, инновационный*), так и с негативной окраской (*супердорогой, проблемный, синтетические компоненты*), зачастую используемая для передачи контрастирующих отношений главных героев с антагонистическим полюсом, конфликта их систем ценностей.

3. Средства художественной выразительности: метафоры (*сделать квантовый скачок из небольшого семейного бизнеса в крупный*), сравнения (*чувствует себя так, будто кожа сейчас начнет отваливаться хлопьями*), противопоставления (*Процесс создания уходовой косметики – это скорее математика, чем алхимия*), эпитеты (*чтобы мозг не оставался каменным*), фразеологические единицы (*верхушка айсберга*). Художественные приемы несут эмоциональную нагрузку, помогают простым языком говорить о сложных явлениях, разбавляют монотонность текста за счет образности, при этом не перегружают текст, поскольку встречаются нечасто.

4. Терминология. Например, слова *эфирные масла, сквалан, сыворотка, липидный слой* апеллируют к экспертности и способствуют формированию доверия к продуктам, а термины *консерванты, парабены, фенолы, искусственные ароматизаторы и красители*, напротив, дополняют образ антагонистических сил.

5. Географические названия как апелляция к статусности, экспертности и/или востребованности не только самого бренда, но и его героя-основателя: *Я была уверена в этой съемке: до этого она уже висела на выставке бриллиантов в Швейцарии, а затем – на билбордах по всей Новой Риге; В итоге остановилась на лаборатории в Великобритании; Это японская разработка, которую сейчас производят в Сингапуре*.

6. Риторические вопросы, восклицания, обращения делают речь живой, эмоционально насыщенной. Такие фрагменты текста привлекают внимание, благодаря чему они легче запоминаются: *Но камон, это же абсурд!; Как*

маркетологам удалось всех убедить в том, что это действительно нужно?; Алена, я вернулась из отпуска и только дома поняла, что забыла взять с собой твои кремы.

7. Распространенные сложные предложения, создающие эффект непосредственного рассказа о событиях: *Так и получилось: косметическая химия захватила меня настолько, что я забыла обо всех других занятиях – сутками напролет читала книги, сидела на форумах.*

8. Прямая речь представлена не только репликами интервьюируемых, но и внутри них: *И в какой-то момент я сказала себе: «Эй, Алена, почему не сейчас?»; И тут она спросила: «А почему вы его не продаете?» И я со своим экономическим образованием подумал: «А действительно, почему мы его не продаем?».* Такие фрагменты позволяют читателю оказаться «внутри» мыслительного процесса героя, бросить взгляд на происходящее «за кулисами», благодаря чему, опять-таки, сокращается дистанция между героем и читателем.

Таким образом, сторителлинг – это уникальный маркетинговый инструмент, который может быть реализован в различных формах и жанрах (в том числе в формате интервью с создателем бренда), сохраняя при этом определенный набор незаменимых компонентов истории. Он обладает языковыми особенностями, выбор которых зависит от характеристик целевой аудитории бренда и обусловлен стремлением сократить дистанцию между отправителем и получателем сообщения, апеллировать к их общему опыту, разделяемым эмоциям и взглядам на проблему. Корректное применение данного инструмента способно повысить результативность онлайн-маркетинга и стать эффективной альтернативой традиционной рекламе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Уткин, А.* Белое зеркало : учебник по интерактивному сторителлингу в кино, VR и иммерсивном театре / А. Уткин, Н. Покровская. – М. : Альпина Паблишер, 2020. – 234 с.
2. *Макки, Р.* Сториномика: маркетинг, основанный на историях в пост-рекламном мире : пер. с англ. / Р. Макки, Т. Джерас. – 1-е изд. – М. : Альпина нон-фикшн, 2019. – 278 с.
3. *Котикова, Д.С.* Цифровой сторителлинг в PR-коммуникациях: современные тенденции [Электронный ресурс] / Д. С. Котикова // Социальные коммуникации: наука, образование, профессия. – 2020. – № 20. – Режим доступа : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43101007>. – Дата доступа : 25.02.2021.
4. *Ribó, I.* Prose Fiction: An Introduction to the Semiotics of Narrative / I. Ribó. – Cambridge : Open Book Publishers, 2019. – 142 p.
5. *Тодорова, О. В.* Сторителлинг как инновационный PR-инструмент [Электронный ресурс] / О. В. Тодорова // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 4. – Режим доступа : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22285947>. – Дата доступа : 25.02.2021.

Поступила в редакцию 22.11.2021

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 070.484

Ван Сяонань

аспирант кафедры
международной журналистики
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Wang Xiaonan

PhD Student of the Department
of International Journalism
Belarusian State University
Minsk, Belarus
346913416@qq.com

**СОВРЕМЕННАЯ АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ПЕРИОДИКА
КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ:
СПЕЦИФИКА И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ****MODERN ENGLISH-LANGUAGE PERIODICALS
OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA:
SPECIFICITY AND MAIN ACTIVITIES**

Предметом рассмотрения являются специфика регионального варианта языка, на котором издается англоязычная периодика КНР, а также основные направления ее деятельности на современном этапе. Современная англоязычная периодика КНР отражает этноисторический менталитет, характерный только для социума Китая. Язык, на котором издаются англоязычные газеты и журналы, является вторичным вариантом международного английского языка. Направления деятельности определяются ценностными установками руководства Коммунистической партии Китая и приоритетно сфокусированы на позиционировании положительного образа государства в массовом сознании зарубежной аудитории.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика; современные англоязычные издания; региональный вариант английского языка; этноисторический менталитет; позиционирование образа страны; информационное обеспечение.

The subject considered in the article is the specificity of the regional version of the language in which the English-language periodicals of the PRC are published, as well as the main directions of their activities at the present stage. The modern English-language periodicals of the PRC reflect the ethno-historical mentality, which is characteristic only of the society of China. The language in which English-language newspapers and magazines are published is a secondary variant of International English. The areas of activity are determined by the value paradigms of the leadership of the Communist Party of China and are primarily focused on positioning a positive image of the state in the mass consciousness of foreign audiences.

Key words: People's Republic of China; modern English-language periodicals; regional version of the English language; ethno-historical mentality; positioning of the country's image; information support.

На рубеже второго и третьего тысячелетий в Китайской Народной Республике (КНР) сложилась уникальная система англоязычной прессы, которая занимает особое место и играет исключительно важную роль в информационно-коммуникационном пространстве страны.

Эта система включает в себя еженедельный общественно-политический журнал «Beijing Review» («Пекинское обозрение»), художественно-литературный ежеквартальник «Chinese literature» («Китайская литература»), ежемесячные иллюстрированные журналы «China» («Китай»), «China and Africa» («Китай и Африка») и «China Today» («Китай сегодня»), газеты «South China Morning Post» («Южнокитайская утренняя почта»), «Global Times» («Глобальные времена»), «The Standard» («Стандарт») и «Shenzhen Daily» («Ежедневный Шэньчжэнь»), а также семь изданий медиагруппы «China Daily» («Ежедневный Китай»), в состав которой входят собственно газета «China Daily», ее гонконгская версия «China Daily, Hong Kong edition», еженедельники «Business Weekly» («Неделя бизнеса»), «Shanghai Star» («Звезда Шанхая»), «21st Century» («21-й век»), «Beijing weekend» («Пекинский выходной») и «Reports from China» («Репортажи из Китая») [1, с. 74].

Разумеется, количество англоязычных изданий (5 журналов и 11 газет) невелико по сравнению с более чем 3500 наименованиями современных китайских газет и журналов, однако их роль в формировании и модификации информационно-коммуникационных потоков, а также в интегрировании в сознание зарубежной аудитории соответствующих идей и мнений чрезвычайно значима, поскольку имеет долговременный и целенаправленный характер.

Англоязычная периодика КНР является действенной и эффективной частью обширного и многоуровневого комплекса информационных служб, ориентированных на зарубежную аудиторию. Данный комплекс включает в себя иноязычные редакции информационных агентств «Синьхуа» («Новый Китай») и «Чжунго синьвэньшэ» («Китайская информационная служба»), интернет-версий Центрального телевидения Китая и Международного радио Китая, англоязычную электронную версию главного печатного органа ЦК КПК «Жэньминь жибао» («Народной газеты») и другие. Особая роль редакций англоязычных газет и журналов в данном информационно-пропагандистском комплексе обусловлена тем, что «англоязычные китайские СМИ являются одним из важнейших средств межкультурной коммуникации Китая с англоговорящим миром» [2, с. 80].

Территориально находясь в третьем «расширяющемся, внешнем круге» (*expanding circle*) (согласно теории «трех концентрических кругов» индийского лингвиста Баджа Качру (1932–2016), автора термина «мировой английский» и концепции сосуществования нескольких крупных объединений, вмещающих многочисленные региональные варианты английского языка [3]), англоязычная периодика КНР уже четыре десятилетия неуклонно наращивает информационное воздействие на аудиторию государств первого «внутреннего круга» (*inner circle*), где английский язык соотносится с родным (британский, американский, канадский, австралийский и новозеландский английский), и второго «наружного, среднего круга» (*outer, extended circle*), где английский имеет статус официального языка.

С середины XX в. и до начала XXI в. в руководстве КНР и Коммунистической партии Китая (КПК) преобладало опасение, что «английский язык в силу меньшего количества слов по сравнению с китайским значительно упростит культурное и национальное своеобразие страны» [4, р. 130]. Однако редакционно-издательская практика конца XX – начала XXI в. наглядно продемонстрировала, что «периодическая печать на английском языке отражает этноисторический менталитет, характерный только для социума Китая» [5, р. 4]. При этом под этноисторическим менталитетом понимаются наиболее устойчивые и социально закрепленные стереотипы мышления и поведения общности, находящие отражение в языке и культуре. Именно подчиненностью этноисторическому менталитету китайского социума обусловлен тот региональный вариант английского языка, на котором издается современная англоязычная периодика КНР. Данная разновидность английского языка, которая под влиянием исторических обстоятельств формировалась на территории Китая со второй половины XX в., в настоящее время наиболее приемлема для выражения национальной идентичности и удобна с точки зрения сложившихся традиций.

По мнению российского исследователя В. В. Федорова, английский язык таких авторитетных изданий, как «The China Daily», «The Global Times», «Beijing Review», «China» и др., выступает вторичным вариантом международного английского языка (English as an International Language), поскольку в КНР английский язык выполняет роль основного изучаемого в образовательных учреждениях иностранного языка (в отличие от тех стран, где английский является родным либо имеет статус официального языка) [6, с. 3]. На практике это означает, что тексты для англоязычных изданий КНР пишут преимущественно авторы, не являющиеся носителями английского языка, а читает их в основном аудитория, для которой английский также не родной, в том числе представители китайской диаспоры и экспаты, выехавшие за рубеж для работы или учебы. Вместе с тем вышеуказанная вторичность позволяет китайским журналистам и переводчикам успешно использовать английский язык в качестве инструмента выражения особенностей национального мышления.

Язык современных англоязычных изданий КНР является не только посредником в коммуникации социалистического Китая с мировым сообществом, но и эффективным инструментом обеспечения доступа иностранной аудитории к информации о китайской экономике, политике и культуре. «Интерес читательской аудитории к китайским изданиям на английском языке обеспечивается целым рядом факторов, среди которых важное место занимают политический вес Китая в мире и его национально-культурная уникальность» [7, с. 101]. Ориентация англоязычных изданий КНР на широкую аудиторию, фактически на весь англоязычный мир, определяет понятное по стилю изложения их содержательное наполнение. Вместе с тем «их приоритетная цель состоит не столько в передаче сообщений, сколько в выражении отношения руководства Китая к тому, о чем сообщается, т.е. в широкой огласке этого отношения» [8, с. 304].

Данный редакционный подход обусловлен характером политики «реформ и открытости», которая ведет отсчет с исторического III Пленума 11-го созыва Центрального Комитета (ЦК) КПК, состоявшегося в Пекине в декабре 1978 г. Благодаря неуклонному осуществлению этой политики и укреплению торгово-экономических связей с внешним миром значительно повысилась мощь китайского государства. В этих условиях англоязычная пресса КНР сыграла исключительно важную роль в обретении социалистическим Китаем понимания со стороны мирового сообщества и усиления интереса к различным сферам его социального строя.

Подчеркнем, что в «новом Китае», как принято называть в национальной историографии КНР в период после декабря 1978 г., англоязычная периодика была нацелена уже не на агрессивную пропаганду, как это имело место в 50–70-е гг. XX в., а на позиционирование положительного образа страны в глазах зарубежной аудитории. Под позиционированием в данном контексте понимается общепринятое толкование данного термина, а именно продвижение образа, который выстраивается в сознании целевой аудитории с помощью разных тактик. Постепенно этот образ превращается в легко узнаваемый бренд (марка или знак, имеющие высокую репутацию у потребителей), и если он достигает сильной позиции, то его положение уже трудно изменить. Для англоязычной периодики с начала 1980-х гг. и по настоящее время главным приоритетом стало продвижение в сознание зарубежной аудитории комплекса представлений, мнений, ассоциаций, эмоций и характеристик КНР как сильного и миролюбивого государства, которое непоколебимо защищает свой суверенитет и национальную идентичность, но при этом терпимо относится к иным, отличным от социалистического, формам государственного устройства.

В течение последних четырех десятилетий редакционная политика англоязычных изданий КНР была обусловлена актуальными задачами и стратегическими целями, которые определялись руководством партии и страны в зависимости от политической ситуации в мире.

Например, в 1980-е гг. приоритетной задачей англоязычной прессы являлось масштабное освещение достижений политики «реформ и открытости» в промышленном секторе и в «свободных экономических зонах», в 1990-е гг. – процессов реформирования и модернизации сельского хозяйства, в начале XXI в. – внедрения инноваций и «цифровизации» различных сфер экономики, в начале 2010-х гг. – преодоления последствий глобального финансового кризиса и перехода к построению «среднезажиточного общества», в середине и в конце 2010-х гг. – этапов реализации глобальной интеграционной инициативы «Один пояс – один путь» на пространствах Евразии, в начале 20-х гг. XXI в. – преодоления последствий пандемии Covid-19 и др.

Успешное выполнение поставленных задач способствовало реализации стратегических целей, которые, в свою очередь, определяли приоритетный характер того или иного направления информационной деятельности изданий.

Так, если в 1980-х гг. приоритетными направлениями редакционной политики англоязычной прессы являлась демонстрация успешного перехода экономики социалистического Китая от плановой к рыночной с целью привлечения масштабных иностранных инвестиций в промышленный сектор, то в 1990-е гг. – укрепление позиций китайской дипломатии на международной арене и укрепление торгово-экономических связей с развитыми и развивающимися странами. Если в первое десятилетие XXI в. англоязычные газеты и журналы активно пропагандировали идею «гармоничного социалистического общества», предложенную Председателем КНР и Генеральным секретарем ЦК КПК Ху Цзиньтао в 2006 г., и всемерно разъясняли сущность данной доктрины, нацеленной на совершенствование юридической системы и на борьбу с бедностью, то уже в следующем десятилетии, после очевидных достижений в социально-экономической сфере, главными направлениями англоязычной периодики становится медийное обеспечение глобальной интеграционной инициативы «Один пояс – один путь», провозглашенной новым Председателем КНР и Генеральным секретарем ЦК КПК Си Цзиньпином осенью 2013 г., а также всестороннее осмысление концепции «Китайская мечта» и др.

Во многом успешное достижение целей и выполнение поставленных задач было связано с тем, что в течение последних четырех десятилетий редакции англоязычных газет и журналов неустанно уделяли повышенное внимание тематическим интересам зарубежной аудитории, которые выявлялись посредством обратной связи с читателями и пользователями. Данная связь включала в себя анализ читательской почты и сообщений на форумах, анонимных опросов и личных наблюдений и т. д.

В завершение целесообразно отметить, что субъектами информационного воздействия современных англоязычных изданий КНР являются уже не только читатели печатных версий изданий и пользователи электронных ресурсов, но все, кто способен распространять информацию в международных масштабах, а именно государства в лице правительств, политические партии, общественные организации и движения, коммерческие ассоциации, национальные средства массовой информации и коммуникации, межгосударственные институты, учреждения образования, научные институты, ассоциации китаеведов и др. Целенаправленное влияние современных англоязычных изданий на данные субъекты осуществляется не только с целью расширения и углубления всестороннего сотрудничества КНР с остальным миром, но и для достижения взаимопонимания между странами с различным политическим строем и укладом экономики и взаимной пользы их народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цуй, Баого. Доклад о развитии индустрии средств массовой информации Китая в 2019 году / Баого Цуй. – Пекин : Шехуэй, 2020. – 148 с. [На кит. яз.]

2. *Кохан, И. Н.* Китайские пословицы как средство передачи национального менталитета в китайских СМИ на английском языке / И. Н. Кохан // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – № 10 (64). – Ч. 1. – С. 80–83.
3. *Качру, Б. Б.* Мировые варианты английского языка: агония и экстаз / Б. Б. Качру ; пер. Т. А. Иванковой // Личность. Культура. Общество. – 2012. – Т. 14. – Вып. 4 (75–76). – С. 145–165.
4. *Fairclough, N.* Language and power / N. Fairclough. – London; N.Y. : Longman, 1989. – 259 p.
5. *Quirk, R.* The English Language in a Global Context / R. Quirk, H. Widdowson // English in the World: Teaching and Learning the Language and Literatures. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1985. – P. 1–7.
6. *Федоров, В. В.* Лингвистические и экстралингвистические параметры англоязычной газетно-журнальной публицистики Восточной Азии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / В. В. Федоров ; ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова». – Н. Новгород, 2019. – 40 с.
7. *Николаева, О. В.* Китайские пословицы и поговорки как элементы высококонтекстной коммуникации в англоязычных СМИ Китая / О. В. Николаева // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Лингвистика. – 2018. – № 6. – С. 101–109.
8. Журналистика Китая / С. А. Михайлов [и др.]. – СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2006. – 608 с.

Поступила в редакцию 18.11.2021

УДК 811.111'373(045)

Кузьменко Настасья Вячеславовна
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры теории и практики
английской речи
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Nastassia Kuzmenko
PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of English Speech Practice
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
har_nastya@mail.ru

МЕРОНИМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ

MERONYMIC POTENTIAL OF ENGLISH VERBS

В статье рассматриваются семантические характеристики английских меронимических глаголов – лексем, в значениях которых присутствует указание на разделение целого на части, что позволяет установить основные параметры, по которым осуществляется деление. Были выявлены следующие параметры: объект, способ, инструмент, цель/результат, место деления.

Ключевые слова: *меронимические глаголы; мероним; холоним; семантика.*

The article studies the semantic characteristics of English meronymic verbs – lexemes that comprise in their meaning the information about the process of dividing a whole into parts. The research allows finding out the essential parameters, according to which the whole is divided. The following ones have been discovered: object, manner, instrument, purpose/result of division and its location.

Key words: *meronymic verbs; meronym; holonym; semantics.*

Фундаментальные семантические отношения в лексической системе языка, среди которых значимое место занимают отношения «часть – целое», или меронимические, по сей день занимают умы многих лингвистов. Меронимия в языковой системе исследуется сегодня с самых разных точек зрения: с позиции логико-грамматического, функционально-семантического и когнитивного подходов ([1; 2; 3; 4; 5] и др.). Широкое освещение получили различные средства выражения отношений «часть – целое» в синтаксических конструкциях в английском (*a piece/bit/slice of bread* ‘кусок/кусочек/ломтик хлеба’), русском и др. языках [6; 7], в семантике субстантивной лексики русского (*часть, кусок, область, нога, стена* и т.д.), английского (*part* ‘часть’, *piece* ‘часть, кусок’, *area* ‘область’, *leg* ‘нога’, *wall* ‘стена’ и др.), украинского, немецкого и других языков ([8; 9; 10] и др.). Оказались раскрытыми функционально-семантические характеристики наименований частей, что послужило основанием для разработки их подробных классификаций. Выявлены ядро и периферия категории в английском языке, установлены основные категориальные и некатегориальные признаки значений единиц в составе системы субстантивных меронимов данных языков [10; 11]. Однако увлеченность меронимией в отдельно взятых группах слов, а точнее в системе субстантивов, несколько увела лингвистов от столь важного вопроса, как системность отношений «часть – целое», оставляя не до конца освещенной серьезную проблему системы меронимов в остальных участках словаря, а именно в системе признаковой лексики.

Интерес к именам существительным объясняется, на наш взгляд, весьма узкой трактовкой меронимических отношений, согласно которой меронимические связи считаются характерными только для данной в ощущениях действительности: «Партитивы – это имена существительные, обозначающие части предметов материального или животного мира и представляющие собой одну из форм отраженного в сознании и закрепленного в языке результата разделения объектов реальной действительности на составляющие их части» [12, с. 3]. В нашей работе мы, вслед за Д. А. Кружом, придерживаемся более широкого взгляда на отношения «часть – целое», согласно которому на части делятся как хорошо структурированные целостные физически воспринимаемые объекты, так и абстрактные сущности, например, события, действия, процессы, состояния [13, р. 172], что находит отражение в языке не только в системе субстантивной лексики, но и в признаковой лексике, в глаголах.

Предлагаемая статья представляет собой попытку на материале меронимических глаголов современного английского языка выявить зафиксированные в их семантике параметры, по которым осуществляется членение целого.

Для достижения поставленной цели из англоязычных словарей и тезаурусов (Thesaurus.com, Princeton Wordnet, Oxford Advanced Learner's Dictionary online, Merriam-Webster Dictionary online) было отобрано 88 меронимических глаголов со значением 'разделить что-либо на части'. Семантический анализ полученных лексем показал, что, несмотря на их небольшое количество по сравнению с 1557 меронимическими существительными английского языка (см. подробнее о меронимических субстантивах в [14]), глаголы-меронимы весьма детально отражают процесс членения целого на части и фиксируют в своем значении следующие параметры: объект деления чего-либо, способ, инструмент, цель/результат, место деления. Из выявленных ЛСГ самую многочисленную (24 %) группу образуют так называемые широкозначные глаголы (*divide, detach, disconnect, fracture, fragment, separate, split, subdivide*), наиболее широко обозначающие деление любого объекта на части без указания на детали и условия членения (рис. 1). Ср., например: *detach* 1. 'to remove something from something larger; to become separated from something' 'отделить что-то от большего; отделиться', *divide* 1. 'to separate into parts; to make something separate into parts' 'разделить(-ся) на части', *separate* 1. 'to divide into different parts or groups; to divide things into different parts or groups' 'разделиться на разные части или группы; разделить что-либо на разные части или группы' (здесь и далее перевод наш. – Н. К.).

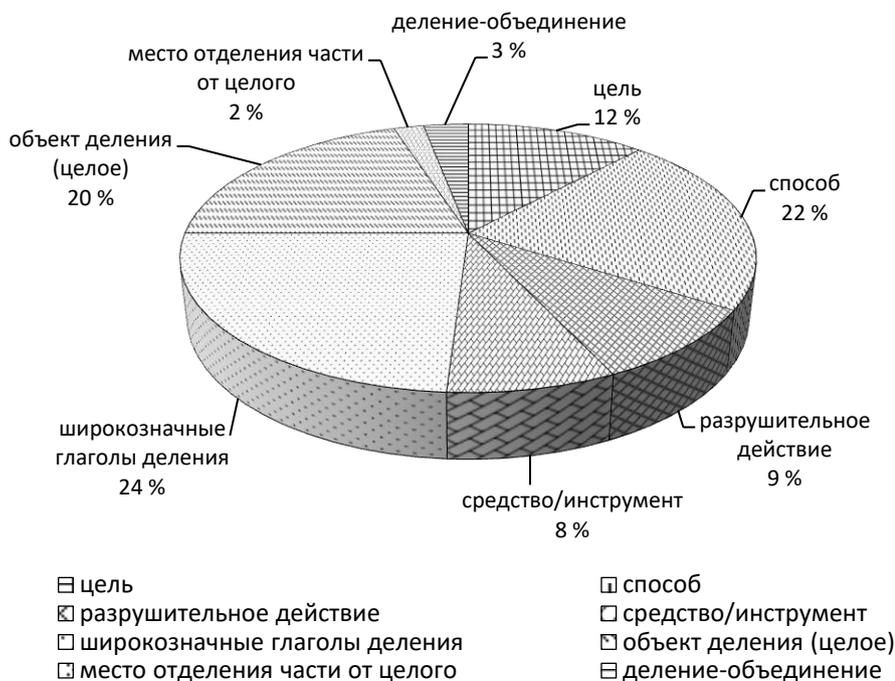

Рис. 1. Параметры деления целого в семантике меронимических глаголов современного английского языка

На втором месте по численности находятся единицы ЛСГ «Способ деления» (22 %). Среди способов членения целого, зафиксированных в семантике глаголов данной группы, преобладающим является деление с использованием силы: *break off* 1. ‘to become separated from something as a result of force’ ‘отделиться от чего-либо в результате применения силы’; *rend* ‘to tear something apart with force or violence’ ‘разорвать что-либо с применением силы’; *rive* ‘to split with force or violence’ ‘разделить, расщепить/разорвать/расколоть с использованием силы’. Целое также делится вдоль определенной линии (*dehisce* ‘to split along a natural line’); путем откалывания части от целого (*exfoliate* 1. ‘to cast off in scales, laminae, or splinter’); путем пропорционального членения (*prorate* ‘to divide, distribute, or assess proportionately’); потянув в разные стороны (*pull smth apart* ‘to separate something into pieces by pulling different parts of it in different directions’); путем вымачивания (*macerate* ‘to cause to become soft or separated into constituent elements by or as if by steeping in fluid’); нанося разметку; в заданных направлениях (по векторам); поперек; быстро короткими движениями; как будто растворяя клей, склеивающий части; как будто ударяя молотком; пропуская через сито; натирая на терке и т.п.

Основными инструментами деления, зафиксированными в семантике меронимических глаголов английского языка, выступают колюще-режущие предметы (нож, ножницы и т.д.), рабочие инструменты (молоток) и рука (пальцы). Ср., например: *snip* ‘to cut something with scissors using short quick movements’ ‘разрезать что-либо быстрыми короткими движениями с помощью ножниц’, *nip something off* ‘to remove a part of something with your finger or with a tool’ ‘отделить часть от чего-либо пальцем или инструментом’.

В системе меронимических глаголов была выявлена группа глаголов разрушения (9 %), в дефинициях которых подчеркивается не столько идея разделение целого на части, сколько его полное уничтожение (*blow up* ‘взорвать’, *break* 2. ‘уничтожить что-либо’, *dash* 2. ‘уничтожить’, *disintegrate* ‘разрушаться, распадаться’, *explode* ‘взорвать, разбить’, *fracture* 1. ‘разрушить’, *rip apart* ‘поломать, уничтожить, разнести в клочья’: *disintegrate* 1. ‘[intransitive] to break into small parts or pieces and be destroyed’ ‘развалится на мелкие части и разрушится’, *rip apart* ‘to completely destroy (something) by tearing it into pieces’ ‘полностью разрушить что-либо, порвав на части’).

Семантика глаголов ЛСГ «Объекты деления целого» показывает, что в английском языке делению подлежат следующие объекты: тело человека (*dismember* ‘расчленять’, *dissect* ‘вскрывать, анатомировать’, *decollate/decapitate/behead* ‘обезглавить’), группы людей/общество (*fracture* 2, *split* 3 ‘разделить на группы’), природные объекты (река, дорога и т.д.: *divide* 4), деньги или бизнес (*divvy up, hive off*), пространство (*intersect* 2) и волосы (*part* 4). Ср., например: *fracture* 2. ‘(of a society, an organization, etc.) to split into several parts so that it no longer functions or exists; to split a society or an organization, etc. in this way’ ‘разделить на несколько частей так, что целое

больше не функционирует или не существует; **разделить** таким образом **общество или организацию**»; *split* 3. 'to divide, or to make a group of people divide, into smaller groups that have very different opinions' 'разделить или заставить группу людей разделиться на меньшие группы, имеющие разные точки зрения'; *part* 4. 'to divide your hair into two sections with a comb' 'разделять волосы на две части с помощью расчески'.

Цели (результаты) деления целого, отраженные в семантике исследуемых глаголов, весьма однообразны. Основным намерением поделить целое выступает получение в результате части определенного размера и формы (атомы, маленькие кусочки, пластины, чешуйки, кубики, ломтики и т.д.) или равных частей. Ср., например: *slice* something (*up*) 'to cut something into **slices**' 'нарезать что-либо на **ломтики**'; *split down* 'to divide something into **two equal parts**; to divide into two equal parts' 'поделить что-то/ поделиться на **2 равные части**'.

Такой параметр, как «место разделения целого» выявлен в значениях только у двух глаголов *disjoint* и *unjoints* 'разделить по сочленениям, в месте соединения частей, разобрать', что свидетельствует о нерелевантности данного параметра при разделении целого.

Наконец, хотелось бы обратить внимание еще на одну ЛСГ, глаголы которой обладают довольно специфическим значением: разделить что-то с целью образования некоторого объединения, т.е. разделить, чтобы объединить (*stratify* 2. 'to divide or arrange into classes, castes, or social strata'). Эта группа глаголов хоть и малочисленна (в рамках подсистемы меронимических глаголов), однако наглядно демонстрирует природу человека как существа категоризирующего и классифицирующего. В этой связи мы не могли не исследовать для сравнения глаголы объединения – холонимические глаголы английского языка: 62 ЛЕ со значением 'объединять части в целое/содержать в себе'.

Семантический анализ полученных лексем показал, что глаголы-холонимы образуют в лексической системе английского языка две лексико-семантические группы с несколько отличной семантикой: *глаголы со значением присоединения* (35 ЛЕ) и *вмещения* (27 ЛЕ). В семантической структуре глаголов со значением присоединения содержатся семы 'кого/что объединяют', 'цель объединения', 'результат объединения', 'способ объединения' – т.е. те же семы, что и в структуре меронимических глаголов. В терминах Л. Теньера, актантная структура глаголов-холонимов относительно несложная и представляет собой набор следующих инкорпорированных актантов: субъект, объект (для переходных глаголов), цель либо результат объединения и очень редко способ/инструмент объединения (в 8 % случаев). Ср., например: *combine* 1. 'to come together **to form a single thing or group**; to join two or more things or groups together to form **a single one**' 'объединиться, чтобы **создать единый предмет или группу**', *link* 5. 'to join two things **by putting one through the other**' 'соединить два предмета, **продев один сквозь другой**'; *unify* 'to join **people, things, parts of a country**, etc. together so that they form a **single unit**'

‘объединить людей, предметы, части страны и др. для образования единого целого’; *merge* 1. ‘to combine or make two or more things combine to form a single thing’ ‘соединить(-ся) для образования единого целого’. При этом в их дефинициях объект не всегда четко выражен (часто широкозначным существительным *thing*), в то время как результат объединения (*single unit/whole*) присутствует всегда, т.е. в семантике глаголов объединения акцентируется целое как результат. Основное отличие глаголов данной ЛСГ от меронимических заключается в том, что последние в своей семантике в большинстве случаев фиксируют способ деления целого на части, в то время как для холонимов на первое место выходит цель/результат объединения.

Обращает на себя внимание и то, что позиция субъекта для переходных глаголов данной ЛСГ, как правило, заполняется одушевленным существительным, производящим объединяющее действие: *The new leader hopes to unify the country* ‘Новый лидер надеется объединить страну’; *The two railway trucks had been coupled together* ‘Были сцеплены [специалистами] две открытые грузовые платформы’ (семантический субъект, специалисты, в данной пассивной конструкции выражен имплицитно). Для непереходных глаголов субъектом могут быть обозначения любых составных частей, веществ (ингредиентов), членов групп людей или организаций: *Local people banded together to fight the drug dealers* ‘Местные жители объединились для борьбы с наркоторговцами’; *The two spacecraft will link up in orbit* ‘Два космических аппарата состыкуются на орбите’. Иными словами, для непереходных глаголов присоединения позицию субъекта заполняет имя существительное, которое в контексте обозначает часть/члена группы/компонент/элемент какого-либо целого, т.е. играет роль меронима.

Глаголы в предложениях (*include, contain, comprise, be composed of, involve, entail, subsume* ‘включать в себя, содержать, состоять из’ и т.д.) обладают аналогичной актантной структурой с одной принципиальной разницей: позиция семантического субъекта здесь всегда представлена холонимом, обозначающим целое (группу людей, организацию, емкости для хранения, транспортные средства, абстрактные сущности). Ср., например: *The process involves using steam to sterilize the instruments* ‘Процесс включает использование пара для стерилизации инструментов’; *The committee is composed mainly of lawyers* ‘Комиссия состоит преимущественно из юристов’; *This cake consists mainly of sugar, flour, and butter* ‘Торт состоит в основном из сахара, муки и масла’; *The aircraft seats 200 passengers* ‘Воздушное судно вмещает 200 пассажиров’. При этом акцент в дефинициях сделан, наоборот, не на целое, а на составные части: *incorporate* ‘to include something so that it forms a part of something’ ‘включать в состав что-то так, чтобы оно составляло часть чего-либо’, *include* 2. ‘to make somebody/something part of something’ ‘составлять часть чего-либо’.

Таким образом, выступая глаголами-холонимами, содержащими в своем значении общую идею объединения частей в единое целое, исследуемые лексемы в своей актантной структуре по-разному отражают направление

действия объединения: от целого к частям и наоборот. При этом основной фокус падает на целое как основную цель и результат объединения чего-либо. Меронимические глаголы в своей семантике помимо основного действия – делить что-то на части (широкозначные глаголы-меронимы) – фиксируют такие параметры деления, как объект, способ и средство деления, место расчленения и цель либо предполагаемый результат деления. В отличие от холонимических глаголов, процесс членения представлен в их семантике детальней, особенно подробно отражены способы деления (с применением силы, поровну, потянув, порвав, расколов, по линии разметки, произвольно и т.д.) и объекты деления (тело человека или животного, общество, бизнес, организации, природные и пространственные объекты), что свидетельствует о важности именно этих параметров в процессе деления целого на части.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бочкарева, Н. Н.* Квантитативные словосочетания типа «a cup of tea», «a world of power» в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. Н. Бочкарева ; Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. – М., 1974. – 32 с.
2. *Гжегорчикова, Р.* Понятийная оппозиция верх – низ (пол. “wierzch” – “spod”) и языковая модель пространства / Р. Гжегорчикова // Логический анализ языка: языки пространств / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М., 2000. – С. 78–83.
3. *Журинская, М. А.* О выражении значения неотторжимости в русском языке / М. А. Журинская // Семантическое и формальное варьирование / В. Н. Ярцева [и др.] ; отв. ред. В. Н. Ярцева. – М., 1979. – С. 295–347.
4. *Ляшевская, О. Н.* Сложные предметы и их части / О. Н. Ляшевская // Russ. Linguistics. – 2001. – Vol. 25, № 3. – P. 285–313.
5. *Почепцов, Г. Г.* Синтагматика английского слова = The syntagmatics of english words / Г. Г. Почепцов. – Київ : Вищ. шк., 1976. – 109 с.
6. *Акбулатова, А. М.* Родительный падеж в структуре предложений современного английского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. М. Акбулатова. – Л., 1984. – 197 л.
7. *Борщев, В. Б.* Генитив меры в русском языке, типы и сорта / В. Б. Борщев, Б. Х. Парти // Слово и язык : сб. ст. к восьмидесятилетию акад. Ю. Д. Апресяна / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз., Ин-т проблем передачи информ. ; отв. ред.: И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин. – М., 2011. – С. 95–137.
8. *Кутасина, Е. С.* К вопросу о семантике словосочетаний типа «Ein Liter Milch» / Е. С. Кутасина // Семантическая интеграция в синтагматике : сб. науч. тр. / Латв. гос. ун-т ; редкол.: В. И. Агамджанова (отв. ред.) [и др.]. – Рига, 1984. – С. 71–79.
9. *Материнська, О. В.* Система меронімів у німецькій та англійській мовах : автореф. дис. ... д-ра філол. наук : 10.02.04 / О. В. Материнська ; Донец. нац. ун-т. – Донецьк, 2013. – 40 с.

10. Русина, Ю. Н. Семантика меронимов современного английского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ю. Н. Русина. – Минск, 2007. – 138 л.
11. Шавель, А. А. Типы семантической организации лексических полей в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. А. Шавель. – Минск, 1998. – 122 л.
12. Панченко, Н. И. Партитивы в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. И. Панченко ; Ленингр. гос. пед ин-т. – Л., 1977. – 22 с.
13. Cruse, D. Lexical semantics / D. Cruse. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1986. – XIV, 310 p.
14. Кузьменко, Н. В. Холо-меронимические связи слов в системе имен существительных современного английского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. В. Кузьменко. – Минск, 2018. – 198 л.

Поступила в редакцию 11.11.2021

УДК 811.112.2'367

Осмоловская Инна Геннадьевна

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой интенсивного обучения
иностранному языку № 2
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Ina Osmolouskaya

PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Department № 2
of Intensive Foreign Language Learning
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
innaosm@yandex.ru

ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ В ТЕКСТАХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СМИ

PUNCTUATION MARKS AS MEANS OF EXPRESSING EMOTIONS IN GERMAN MASS MEDIA TEXTS

В статье рассматривается эмоционально-экспрессивная функция знаков препинания: вопросительный, восклицательный знаки и тире в современных немецкоязычных текстах СМИ. Основной функцией знаков препинания является членение текста на логические части. Каждый из упомянутых знаков участвует также в выражении эмоционального значения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: знаки препинания; эмоции; экспрессивный синтаксис; восклицательный знак; вопросительный знак; тире; эмоционально-экспрессивная функция знаков препинания; текст СМИ.

The article deals with the emotionally expressive function of punctuation marks: question and exclamation marks and dashes in modern German mass media texts. The main function of punctuation marks is to divide the text into logical parts. Each of the signs mentioned above participates in the expression of emotional meanings.

Key words: punctuation mark; emotions; expressive syntax; exclamation mark; question mark; dash; emotionally expressive function of punctuation marks; mass media text.

Выражение эмоций в речи и воздействие с их помощью на собеседника тесно взаимосвязаны, причем отправитель эмоционального сообщения способен манипулировать адресатом как невольно, так и преднамеренно. Репрезентация эмоций в текстах СМИ представляет особый интерес и важность, так как благодаря таким свойствам эмоций, как «заразительность, катализация мыслительного процесса, способность изменять поведение слушающего и долго храниться в памяти» [1, с. 8], можно оказывать влияние на большую аудиторию в прямой или завуалированной форме.

Для создания эмотивного смысла высказывания используется совокупность разнообразных языковых средств. Кроме эмотивных лексических элементов, существенную роль играют также знаки препинания.

Цель исследования – выявление особенностей функционирования вопросительного знака, восклицательного знака и тире при выражении эмотивных значений в текстах немецкоязычных СМИ. Материалом для анализа послужили 102 аутентичных новостных отрезка, которые содержат пунктограммы, проявляющие себя как полифункциональные знаки, используемые для передачи как логической, так и эмоциональной информации. Источником текстов являются электронные версии немецкоязычных периодических изданий, таких как Stern, Focus, Spiegel, Handelsblatt, Die Presse и другие.

Известно, что одна из наиболее важных функций знаков препинания – смысловое членение текста. Знаки препинания могут также указывать на усиление или уменьшение интенсивности высказывания, его эмоциональность [2]. Функции знаков препинания при выражении эмоций на материале текстов разных функциональных стилей на разных языках представляет интерес для многих исследователей [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10].

В традиционной синтаксической науке функция выражения эмоций связывается только с восклицательным знаком, иногда с многоточием. Точка и вопросительный знак характеризуются как знаки, не способные к передаче эмоциональной стороны речи, однако, как справедливо указывают лингвисты, в условиях реального функционирования пунктуационной системы функциональные возможности знаков препинания существенно расширяются [3]. Так, вопросительный знак может быть использован для передачи как логической/смысловой, так и эмоциональной информации. Логическая функция вопросительного знака – запрос информации [11, S. 1198]. Но следует отметить, что вопрос всегда более нагружен эмоционально, чем утверждение или отрицание, он увеличивает иллокутивную силу высказывания и заставляет читателя задуматься, испытать грусть, удивление, гнев и т.п. [1, с. 9].

В результате анализа материала выборки установлено, что вопросительные предложения призваны разбудить интерес реципиента к предложенной информации, побудить к дальнейшему прочтению/прослушиванию. Неслучайно такие предложения помещены в заголовки статей. Примером может послужить следующий новостной фрагмент [П1]:

Wird Long Covid zur neuen Volkskrankheit?

Zehntausende Deutsche könnten unter Langzeitfolgen des Virus leiden, ihnen drohen etwa Gedächtnisverlust, Herzrasen oder Atemnot. Bisher weiß niemand, ob eine Heilung möglich ist...

‘Станут ли отдаленные последствия Covid новой народной болезнью?’

Десятки тысяч немцев могут пострадать от отдаленных последствий вируса, им грозят потеря памяти, учащенное сердцебиение и одышка. До настоящего момента никто не знает, возможно ли исцеление...’

Вопросительное предложение *Wird Long Covid zur neuen Volkskrankheit?* ‘Станут ли отдаленные последствия Covid новой народной болезнью?’ вызывает *интерес* читателя к волнующей всех теме постковидного синдрома, от которого страдает все большее количество населения Земли, и также апеллирует к эмоциям *страха* и *тревоги*. Обращение к данным эмоциям подкрепляется через описание симптомов постковидного синдрома в новостном микротексте. Следует отметить, что вопросительный знак может быть как показателем эмоционально насыщенного вопроса, так и эмоционально нейтрального. В следующем примере вопросительный заголовок призван в большей мере только *заинтересовать* читателя [П2]:

Was ist ein Totimpfstoff?

Wie der Name es andeutet, enthalten solche Vakzinen abgetötete Krankheitserreger oder Bestandteile, die sich nicht mehr vermehren. Das Abwehrsystem des Körpers erkennt diese und bildet Antikörper gegen den Erreger, ohne dass die Krankheit ausbricht...

‘Что такое инактивированная (мертвая) вакцина?’

Как говорит само название, такие вакцины содержат мертвых возбудителей болезни или их частички, которые уже больше не могут размножаться. Защитная система организма распознает их и вырабатывает антитела против возбудителя без вспышки болезни...’

Заголовок-вопрос *Was ist ein Totimpfstoff?* ‘Что такое инактивированная (мертвая) вакцина?’ должен вызвать только интерес адресата. В тексте далее следует информирование об особенностях данного типа вакцин.

Вопросительные предложения могут находиться как в новостном заголовке, так и внутри текста [П3]:

Wann kommt die Corona-Impfung für Kinder?

Für Kinder unter zwölf Jahren ist in europäischen und vielen anderen Ländern bislang kein Corona-Impfstoff zugelassen. In den USA könnte sich das nun ändern. Und in Deutschland?..

‘Когда появится вакцина против коронавируса для детей?’

Для детей младше двенадцати лет в европейских и многих других странах до настоящего момента нет разрешенной вакцины против коронавируса. В США это положение дел может измениться. **А в Германии?..’**

Вопрос в заголовке *Wann kommt die Corona-Impfung für Kinder?* ‘Когда появится вакцина против коронавируса для детей?’ и вопрос в новостном фрагменте *Und in Deutschland?* ‘А в Германии?’ вплетены в канву текста, чтобы вначале пробудить, а далее поддержать интерес реципиента к освещаемой проблеме. Функции вопросов в заголовке и в тексте могут отличаться: в частности, размещенные в разных частях текста, они могут апеллировать к разным эмоциям [П4]:

<p><i>Was hat die globalen Lieferketten aus dem Takt gebracht?</i> <i>Ein Schwarzmarkt für bestimmte Spielekonsolen und bis zu zwölf Monate Wartezeit für ein Fahrrad. Die Coronapandemie hat die globalen Lieferketten massiv gestört. Wie lange dauert die Mangelwirtschaft noch an?</i></p>	<p>‘Что вывело из строя мировые каналы поставок?’ Черный рынок для определенных игровых приставок и время ожидания велосипеда – до двенадцати месяцев. Пандемия коронавируса нанесла вред мировым каналам поставок. Как долго еще продлится экономика дефицита?’</p>
--	---

Первое вопросительное предложение *Was hat die globalen Lieferketten aus dem Takt gebracht?* ‘Что вывело из строя мировые каналы поставок?’, как и подавляющее большинство вопросов-заголовков, должно вызвать интерес к далее изложенной информации. Второе же вопросительное предложение *Wie lange dauert die Mangelwirtschaft noch an?* ‘Как долго еще продлится экономика дефицита?’ после описания ситуации с увеличенным временем ожидания заказанных товаров и активизацией черного рынка заставляет читателя задуматься и испытать гнев или, по крайней мере, недовольство.

При помощи восклицательного знака содержанию предложения придается особое значение, ударение, например, в настойчивых утверждениях, требованиях, приветствия или восклицаниях [11, S. 1197]. Восклицательные высказывания как средство выражения эмоций отмечаются многими исследователями [1, с. 9–10; 2; 3; 4; 6]. Эти высказывания используются, прежде всего, для выражения чувств говорящего, сильных эмоций (удивления, радости, восхищения, отвращения и т.д.), которые впоследствии должен «воссоздать», пережить вместо автора реципиент. Восклицательный знак – знак, не маркированный в отношении положительности/отрицательности выражаемой с его помощью эмоции [2].

Примером положительности эмоции может послужить следующий новостной фрагмент [П5]:

<p><i>Graue Haare: Darauf kommt es an! Immer mehr Frauen zieht es zurück zu ihren (Haar-)Wurzeln! Statt ständigem Colorieren und Kaschieren lautet ihre Devise ganz klar: Yay zu Grey! Eine Expertin verrät, worauf es beim Pflegen ankommt.</i></p>	<p>‘Седые волосы: вот в чем дело! Все больше женщин возвращается назад к их корням (корням их волос)! Вместо постоянного колорирования и ламинирования теперь их девиз: Ура, к седине! Эксперт рассказывает, что важно при уходе.’</p>
---	---

Восклицательные предложения *Graue Haare: Darauf kommt es an! Immer mehr Frauen zieht es zurück zu ihren (Haar-)Wurzeln!* ‘Седые волосы: вот в чем дело! Все больше женщин возвращается назад к их корням (корням их волос)!’ передают удивление. Предложение же *Yay zu Grey!* ‘Ура, к седине!’ – радость и восторг, что подкрепляется использованием междометия *yay* ‘ура’. Восклицательные предложения могут также служить для передачи *возмущения* (разновидность гнева) и *тревоги* (разновидность страха) [П6]:

<i>Bitte kein zweites 2020 – Impfpflicht jetzt!</i>	– ‘Пожалуйста, нет второму 2020 – обязательная вакцинация немедленно!’
---	--

Предложение *Bitte kein zweites 2020 – Impfpflicht jetzt!* ‘Пожалуйста, нет второму 2020 – обязательная вакцинация немедленно!’ обладает особой эмоциональной напряженностью, так как для репрезентации эмоции *страха* здесь задействован целый комплекс средств: помимо восклицательного знака, в предложении используется *т и р е*, а также авторы прибегают к так называемому телеграфному стилю. Большой медицинский словарь определяет *телеграфный стиль* как нарушение речи, при котором в ней преобладают имена существительные и глаголы в неопределенной форме, предлоги отсутствуют [12]. Лингвисты же причисляют проявление черт данного стиля: уменьшение синтаксической сложности предложений, нарушение грамматического согласования языковых единиц, грамматически незавершенные предложения – к способам передачи эмоциональной напряженности [13, с. 67; 14, с. 232]. Использование тире, означающего, прежде всего, всевозможные пропуски (пропуск связки в сказуемом, пропуски членов предложения, пропуски противительных союзов), современными исследователями рассматривается как знак экспрессивного синтаксиса. Тире расценивается как знак «неожиданности» – смысловой, интонационной, композиционной. Наконец, тире способно передавать и чисто эмоциональное значение: динамичность речи, резкость, быстроту смены событий [2, с. 63–64]. Следующий пример интересен с точки зрения использования тире в различных функциях в комплексе с вопросительным знаком [П7]:

<i>Höhere Impfquote, mehr Tote – was heute anders ist als im Corona-Herbst 2020</i>	‘Больше привитых, больше смертей – чем отличается эта осень от осени 2020
<i>Die vierte Corona-Welle rollt, alle Corona-Parameter sind bereits jetzt höher als vor einem Jahr – und der Winter kommt erst noch. Wie kann das trotz Impfungen sein?</i>	Пришла четвертая волна пандемии, все параметры заболеваемости коронавирусом уже теперь выше, чем год назад – а впереди еще зима. Как такое может быть несмотря на вакцинацию?’

В первом предложении *Höhere Impfquote, mehr Tote – was heute anders ist als im Corona-Herbst 2020* ‘Больше привитых, больше смертей – чем отличается эта осень от осени 2020’ тире служит приданию речи динамичности. Во втором же предложении *Die vierte Corona-Welle rollt, alle Corona-Parameter sind bereits jetzt höher als vor einem Jahr – und der Winter kommt erst*

nach ‘Пришла четвертая волна пандемии, все параметры заболеваемости коронавирусом уже теперь выше, чем год назад – а впереди еще зима’ тире передает эмоциональный оттенок *тревоги*. В свою очередь вопросительный знак в предложении *Wie kann das trotz Impfungen sein?* ‘Как такое может быть несмотря на вакцинацию?’ оформляет предложение как вопросительное, но служит исключительно для передачи эмоциональной реакции *гнева/возмущения*, что легко реконструируется из контекста.

Данные о количественных показателях исследуемых знаков препинания и передаваемых эмоциональных состояниях представлены в таблице.

Количественные показатели исследуемых знаков препинания в текстах СМИ и передаваемые ими эмоциональные состояния

Знак препинания	Кол-во, %	Передаваемые эмоциональные состояния
?	46	страх, тревога, интерес
–	41	тревога, гнев, возмущение, эмоциональная напряженность
!	13	радость, восторг, страх, гнев

Как явствует из таблицы, наиболее часто эксплуатируемым знаком выступает знак вопроса (46 %), что объясняется его обращенностью к реципиенту, способностью заинтересовать и заставить задуматься. Далее следует тире (41 %) с целой палитрой выполняемых дополнительных функций: от передачи эмоциональных состояний тревоги, гнева, удивления, напряженности и других до увеличения динамичности повествования. Восклицательный знак задействован в наименьшем количестве случаев (13 %).

Таким образом, анализ материала выборки и изложенное выше позволяет сделать следующие выводы.

1. Для публицистики характерно преимущественно нормативное употребление знаков препинания, связанное с отражением основных принципов немецкой пунктуации. Знаки препинания, однако, могут участвовать в передаче не только смысловой, но и эмоциональной информации.

2. Вопросительные по форме предложения могут передавать разнообразную эмоциональную реакцию. Посредством знака вопроса оформляются синтаксические конструкции, в которых семантика вопроса вытесняется семантикой эмоционально окрашенного недоумения, возмущения, страха, тревоги, недовольства, несогласия, протеста. Вопросительный знак в своей эмоционально-экспрессивной функции может реализовываться также как знак заинтересованности и удивления.

3. Восклицательный знак специализируется на выражении эмоций. Его специфика как показателя эмоционального характера высказывания – передача состояния эмоциональной взволнованности без конкретизации

выражаемой эмоции. Характер репрезентируемой эмоции определяется благодаря лексическим единицам в структуре предложения либо благодаря контексту.

4. Восклицательный знак может передавать как положительные, так и отрицательные эмоции, выражаемые с его помощью. В свою очередь вопросительный знак чаще выступает маркером отрицательных эмоций.

5. Вопросительные и восклицательные предложения с эмотивной функцией часто размещены в заголовках новостных текстов с целью привлечения внимания.

6. Тире как знак «неожиданности» – смысловой, интонационной, композиционной, и знак, обозначающий всевозможные пропуски (отдельных слов, частей предложений) в текстах СМИ используется для передачи эмоциональной напряженности.

7. В рамках одного новостного текста может быть задействован целый комплекс средств экспрессивного синтаксиса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соколова, Е. Д. Эмотивные высказывания в русской и английской прессе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. Д. Соколова ; Саратов. гос. ун-т. им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2010. – 24 с.
2. Шишкина, И. С. Знаки препинания как индикаторы эмоционального высказывания в английском и немецком языках [Электронный ресурс] / И. С. Шишкина // Вестн. Вят. гос. ун-та. Сер. Лингвистика. – 2013. – № 2. – С. 62–65. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/znaki-prepinaniya-kak-indikator-emo-tsionalnogo-vyskazyvaniya-v-angliyskom-i-nemetskom-yazykah>. – Дата доступа : 01.11.2021.
3. Калинина, А. А. Знаки конца предложения как знаки эмоций / А. А. Калинина [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.ejournals.eu/pliki/art/19777/pl>. – Дата доступа : 01.11.21.
4. Czapiga, Z. Синтаксические средства создания эмотивного смысла высказывания в русском и польском языках [Электронный ресурс] / Z. Czapiga. – Режим доступа : <https://repozytorium.ur.edu.pl/handle/item/3164?show=full>. – Дата доступа : 01.11.2021.
5. Будниченко, Л. А. Экспрессивная пунктуация в публицистическом тексте (на материале языка газет) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.10 / Л. А. Будниченко ; С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2004. – 283 л.
6. Будниченко, Л. А. Смысловые функции эмотивных знаков препинания / Л. А. Будниченко // Вестн. С.-Петербург. гос. ун-та. Сер. 2. – 2003. – Вып. 3, № 18. – С. 140–143.
7. Будниченко, Л. А. Суггестивное воздействие в публицистическом дискурсе / Л. А. Будниченко // Вестн. Чуваш. ун-та. Сер. Лингвистика. – 2012. – № 1. – С. 206–211.

8. Шалимова, Ю. М. Функции знаков препинания в текстах региональных периодических изданий / Ю. М. Шалимова // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. – Сер. 2, Языкознание. – 2008. – № 2 (8). – С. 175–178.
9. Ahrens, K. Der Ausdruck von Emotionen in SMS / K. Ahrens, N. Nösler // Verstehen und Verständigung in der Interaktion. Analysen von Online-Foren, SMS, Instant Messing, Video-Clips und Lehrer-Eltern-Gesprächen ; hrsg. von F. Berg, Y. Mende. – Mannheim, 2014. – S. 46–60.
10. Reimann, S. Sprache und Emotionen im Netz. Beispiele aus dem Selbsthilfeforum hungrig-online.de [Электронный ресурс] / S. Reimann. – Режим доступа : <https://d-nb.info/1080244956/34>. – Дата доступа : 01.11.2021.
11. Der Duden : in 12 Bd. : Das Standardwerk zur deutschen Sprache / hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion : M. Wermke (Vors.) [u.a.]. – 24., völlig neu bearb. und erw. Aufl. – Mannheim [u.a.] : Bibliogr. Inst. & F. A. Brockhaus AG, Dudenverl., 2006. – Bd. 1 : Die deutsche Rechtschreibung. Auf der Grundlage der neuen amtlichen Rechtschreibung ; bearb. von W. Scholze-Stubenrecht [u.a.]. – 1216 S.
12. Телеграфный стиль [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. – Режим доступа : <https://psychiatry.academic.ru/5>. – Дата доступа : 01.11.2021.
13. Носенко, Э. Л. Особенности речи в эмоциональной напряженности / Э. Л. Носенко. – Днепропетровск : Днепропетр. гос. лингвист. ун-т, 1975. – 179 с.
14. Маслечкина, С. В. Выражение эмоций в языке и речи / С. В. Маслечкина // Вестн. Брян. гос. ун-та. Сер. Языкознание. – 2015. – № 3. – С. 231–236.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- П1 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.spiegel.de/wissenschaft/medizin/wird-das-long-covid-syndrom-zur-neuen-volkskrankheit-a-9d22706b-0002-0001-0000-000178589859>. – Дата доступа : 29.10.2021.
- П2 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.spiegel.de/wissenschaft/joshua-kimmich-was-totimpfstoffe-von-anderen-vakzinen-unterscheidet-a-06770b66-22cb-4366-ac0b-4a44a4f0886d>. – Дата доступа : 29.10.2021.
- П3 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.tageblatt.de/startseite_artikel,-wann-kommt-die-corona-impfung-f%C3%BCr-kinder-_arid,2298175.html. – Дата доступа : 29.10.2021.
- П4 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.spiegel.de/wirtschaft/service/lieferengpaesse-so-stoert-corona-die-internationalen-lieferketten-podcast-a-c17e46b0-e905-451a-857d-906a3ed4ffab>. – Дата доступа : 29.10.2021.
- П5 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.woman.at/a/graue-haare-faerben?dicbo>. – Дата доступа : 29.10.2021.

П6 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : – [https://www.stern.de/kultur/micky-beisenherz / micky-beisenherz-impfpflicht-jetzt-bitte-kein-zweites-2020-30881188.html](https://www.stern.de/kultur/micky-beisenherz/micky-beisenherz-impfpflicht-jetzt-bitte-kein-zweites-2020-30881188.html). – Дата доступа : 31.10.2021.

П7 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : – https://www.focus.de/gesundheit/coronavirus/vergleich-hoehere-impfquote-mehr-tote-was-heute-anders-ist-als-im-corona-herbst-2020_id_24380524.html. – Дата доступа : 31.10.2021.

П8 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.diepresse.com/6054398/warum-kann-ich-mir-nicht-einfach-einen-booster-holen>. – Дата доступа : 31.10.2021.

Поступила в редакцию 09.11.2021

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

УДК 81`27

Бабкина Полина Сергеевна

преподаватель кафедры
китайской филологии
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Palina Babkina

Lecturer of the Department
of Chinese Philology
Belarusian State University
Minsk, Belarus
babkina.pol@mail.ru

ДВОЙСТВЕННАЯ ПРИРОДА
КОСВЕННОЙ ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОТКАЗА
В РУССКОМ ЛИНГВОКОГНИТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

THE DUAL NATURE
OF THE INDIRECT FORM OF EXPRESSING REFUSAL
IN THE RUSSIAN LINGUISTIC AND COGNITIVE SPACE

Статья посвящена причинам обращения к непрямой форме выражения отказа, а также особенностям использования и интерпретации косвенных речевых актов с интенцией отказа в русском социокультурном пространстве. В результате проведенного исследования были дифференцированы лингвистические средства выражения непрямого отказа в русском языке. Определены причины выбора непрямого формы выражения отказа. На основе анализа материала исследования показана двойственная природа косвенной формы выражения отказа в русском лингвокогнитивном пространстве.

К л ю ч е в ы е с л о в а: непрямая коммуникация; косвенный речевой акт; отказ; русский язык.

The article is devoted to the grounds for resorting to the indirect form of expressing refusal, as well as to the peculiarities of the use and interpretation of indirect speech acts with the intention of refusal in the Russian social and cultural space. As a result of the study we have differentiated the linguistic means of expressing indirect refusal in the Russian language and determined the reasons for choosing an indirect form of expressing refusal. Based on the analysis of the research material, the article shows the dual nature of the indirect form of expressing refusal in the Russian linguistic and cognitive space.

Key words: indirect communication; indirect speech act; refusal; the Russian language.

После того, как во второй половине XX века представители Оксфордской школы (Дж. Остин [1], Дж. Серль [2], Г. П. Грайс [3]) выдвинули в центр лингвистических исследований человека с его коммуникативными целями, рамки исследования коммуникации существенно расширились и стали включать в себя целый спектр экстралингвистических факторов. Благодаря Дж. Остину и его последователям, в лингвистике осуществился поворот в сторону понимания процесса говорения как продукта словотвор-

чества субъекта речи, обусловленного в первую очередь его личностными качествами и стоящими перед ним целями, а не одними лишь правилами языка. Личности отправителя и получателя речи связали воедино все многочисленные разрозненные аспекты высказывания, которые стали ориентироваться не на передачу фактической информации, а на ее интерпретацию [4, с. 43].

Выбор стратегии речевого поведения зависит от ряда факторов, среди которых цели и мотивы говорящего, ситуация и условия общения, отношения между коммуникантами, национально-культурные особенности общения в том или ином социокультурном пространстве и др. Выбор не прямой формы выражения интенций связан с нежеланием говорящего по разного рода причинам открыто демонстрировать свои истинные намерения. И это особенно проявляется в ситуации отказа.

Речевой акт отказа достаточно полно изучен в русской лингвокультуре. Исследуя стратегический аспект коммуникативного акта отказа, М. А. Пащенко впервые выявляет возможные варианты эмоциональных проявлений, связанных с данной интенцией, а также систематику речевых стратегий, специфичных для настоящего коммуникативного акта [5]. О. В. Бычихина в рамках семантико-прагматического и когнитивного исследования высказываний со значением отказа описывает их в составе диалогического единства с учетом корреляции инициальной и реактивной реплик [6]. Я. В. Боргер комплексно исследует речевые акты негативной реакции в единстве их лексико-грамматической структуры и прагматической направленности [7]. И. А. Постоенко выходит за пределы формально-грамматического подхода и показывает чрезвычайную сложность речевого акта несогласия/отказа как социопрагматического и социокультурного явления [8]. С. О. Симоновой выявлены тактики, актуализирующие косвенные и имплицитные речевые акты отказа [9].

Как отмечает И. А. Постоенко, одним из главных мотивов использования явности/косвенности в высказывании является вежливость [8]. Банзрагч Туул также говорит о том, что в ситуации отказа, как и в других стандартных ситуациях общения, речевой этикет регулирует поведение людей и имеет тесную связь с категорией вежливости, которая служит для достижения говорящим определенных прагматических целей: демонстрация уважения к партнеру и его стремления не оскорбить собеседника отказом, поддержание определенных социальных отношений и желание продолжить общение с партнером по коммуникации [10]. Т. В. Нестерова в одной из своих статей подчеркивает, что «предпочтение косвенных форм прямым, а также манипулятивных неманипулятивным способствует сохранению “лица” как субъектом отказа, так и объектом отказа; позволяет повысить вероятность того, что планируемый перлокутивный эффект от данных тактик действительно осуществится (хотя, конечно, о стопроцентной реализации перлокуции речь не идет)» [11, с. 64].

Несмотря на высокий интерес исследователей к речевому акту отказа, из всех работ вышеупомянутых ученых только диссертационное исследование С. О. Симоновой [9] посвящено комплексному изучению именно косвенных и имплицитных речевых актов отказа (на материале русского и немецкого языков), что свидетельствует о том, что непрямой отказ как самостоятельный объект исследования еще недостаточно изучен. Также, как видно из вышесказанного, исследователи связывают использование косвенной формы выражения отказа в русском социокультурном пространстве в первую очередь со стремлением говорящего к соблюдению правил речевого этикета, с нежеланием поставить под угрозу «лицо» собеседника. В рамках же настоящего исследования выделяются причины обращения к завуалированной форме выражения отказа, противоположные тем, что связаны с понятием вежливости, а также желанием коммуникантов уйти от конфликта. Другими словами, фокус внимания смещается в сторону того, что отказ, выраженный в косвенной форме, далеко не всегда обусловлен благими намерениями его адресанта.

Целью данного исследования является определение причин обращения к непрямой форме выражения отказа, а также особенностей использования и интерпретации косвенных речевых актов с интенцией отказа в русском лингвокогнитивном пространстве. Для ее достижения применялись метод контекстуального анализа, описательный метод. Материалом для исследования послужили 473 фрагмента текстов художественных произведений (тексты отобраны из Национального корпуса русского языка [12]).

Речевой акт отказа, представляющий собой отрицательную реакцию на искомые цели адресанта, уже по своей сути является неприятным, нежелательным для слушателя и накладывает определенный негативный отпечаток на отношения между коммуникантами, угрожая репутации человека, получившего отказ. Поэтому неудивительно, что в большинстве случаев говорящий стремится завуалировать свой отказ. С. О. Симонова отмечает, что говорящий выбирает непрямую форму выражения отказа в случаях, если: а) он не имеет желания идти на открытый конфликт с адресантом; б) он избегает, скрывает недовольство, нежелание выполнить просьбу адресанта; в) он имеет рассогласование с мнением адресанта; г) он не хочет обидеть, огорчить собеседника; д) он не принял решения; е) непрямой вид отказа используется для экономии времени и средств языка и т.д. [9, с. 12].

Однако проанализированный нами материал показывает, что представители русского лингвокогнитивного пространства используют непрямой способ выражения отказа не только ввиду вежливости и нежелания задеть чувства собеседника. Косвенная форма передачи отказа также связана с уважением собственных интересов и даже со стремлением говорящего сделать свой отказ более категоричным, не терпящим возражений. В последнем случае непрямой отказ может звучать довольно грубо, однако говорящий, выражая его в косвенной форме, не только подчеркивает

твердость своих намерений, но и снимает с себя ответственность за сказанное, так как интерпретация истинного смысла его слов лежит на плечах адресата отказа.

В русском языке существует огромное многообразие лингвистических средств, при помощи которых можно выразить отказ непрямо. Среди них есть те, которые используются в первую очередь с целью соблюдения правил вежливости, и те, которые связаны с отстаиванием позиции адресанта отказа. В данной статье рассматриваются лингвистические средства выражения косвенного отказа, каждое из которых проиллюстрировано примерами, зачастую полярными по своему характеру воздействия на адресата, а также отличающимися по целям, преследуемым адресантом отказа.

Наиболее распространенной формой выражения косвенного отказа в русском языке является утвердительное предложение, содержащее в себе указание на причины, по которым говорящий не может удовлетворить искомые цели адресанта. Среди таких причин: собственная занятость; отсутствие свободного времени; усталость; невозможность осуществления просьбы адресанта; оценка собственных качеств и способностей; отсутствие объективных причин (с точки зрения адресата) для удовлетворения цели адресанта; нежелание пойти навстречу адресанту. Например:

– *К сожалению, ближайише две недели я занят, – сказал Любченко, вытирая руки платком* (Д. Гранин «Искатели») [12].

– *Мне некогда и неохота! – резко ответила Нина* (А. Слаповский «Любовь по-нашему») [12].

В первом из вышеупомянутых примеров непрямая форма выражения отказа позволяет высказать его тактично, а содержащееся в нем вводное слово *к сожалению* делает непрямой отказ еще более вежливым. Второе же высказывание демонстрирует резкость, категоричность отказа, выраженного в косвенной форме.

Помимо утвердительных предложений, содержащих причину отказа, одним из самых распространенных не прямых форм его выражения в русском лингвокогнитивном пространстве являются вопросительные предложения. Характер воздействия на адресата непрямого отказа, выраженный в форме вопросительного предложения, можно разделить на три типа.

1. Позитивный. Говорящий, выбирая данную форму выражения отказа, стремится смягчить его негативный фон, компенсировать свой отказ каким-либо встречным предложением, сделать нежелательную для собеседника реакцию более вежливой, тактичной. Например:

А может, лучше встретимся в другой понедельник? (Э. Радзинский «Она в отсутствии любви и смерти») [12].

2. Нейтральный. Нейтральный характер воздействия на адресата в ситуации непрямого отказа, выраженного при помощи вопросительного предложения, обычно наблюдается при реализации тактики переспроса:

– *Как же я его брошу? Я без него дышать не могу* (И. Муравьева «Филемон и Бавкида») [12].

3. Негативный. Непрямой отказ, выраженный в форме вопроса, зачастую является более грубым и категоричным, нежели прямой отказ. В нижеприведенных ситуациях его негативный фон лишь усиливается благодаря использованию частицы *разве*, а также эрратива *счас* вместе с устойчивым выражением *с какой радости*:

– *Вы разве не видите, что я занят приемом пищи?* (В. Войнович «Замысел») [12].

Я, когда гараж покупал, расплачиваюсь, а дед, хозяин, мне вдруг лепит: «По-хорошему с вас надо бы лишнюю тысячу взять». «Счас, – говорю, – с какой радости?» (А. Щербаков «Пах антилопы») [12].

Кроме того, не прямой отказ в русском языке может быть реализован при помощи фразеологизмов. Интересно, что все идиоматические выражения из проанализированного нами материала являются экспрессивными и позволяют выразить отказ хоть и непрямо, но в то же время довольно категорично и даже грубо. Например:

«Только через мой труп!» – вскричал Первенцев и швырнул рукопись Панферову на стол (С. Алешин «Встречи на грешной земле») [12].

Редактор сказал автору: – Только через мой труп!

Автор ответил: – Тоже неплохой вариант! (Н. Богословский «Заметки на полях шляпы») [12].

Данный пример показывает, что в вышеописанной ситуации прямое понимание фразеологизма *только через мой труп*, выражающего категоричный протест говорящего против чего-либо (несмотря на то, что адресат понимает, что получил отказ), позволяет также достичь юмористического эффекта, способствует расслаблению напряженной атмосферы отказа.

Еще одна идиома, с помощью которой можно в косвенной форме выразить отказ в русском языке, – *держи карман шире*, имеющая значение 'не надейся и не рассчитывай на что-либо' (о слишком больших, несбыточных надеждах, ожиданиях) и звучащая довольно грубо:

Держи карман шире, так мы тебя и взяли (Виноградная лоза // «Жизнь национальностей») [12].

Среди фразеологических оборотов русского языка, непрямо выражающих отказ, также находится идиома *нашел дурака*. Во фразеологическом объяснительном словаре русского языка говорится, что фразеологизм *нашел дурака* является «выражением отказа от предложения в форме утверждения о том, что на него может согласиться только глупый и ничего не понимающий человек» [13, с. 160]:

Тут минуты до дембеля считаешь, а он мне сверхсрочную предлагает... Нашел дурака! (В. В. Кунин «Русские на Мариенплац») [12].

Еще один фразеологизм, который может использоваться в качестве непрямого отказа:

– *Да вы с ума сошли! Мне лошади нужны для работы, а тот, видите ли, разъезжать будет* (С. Воронин «Единственная ночь») [12].

Помимо этого, для не прямой передачи отказа в русском языке существует ряд устойчивых выражений: *С какой стати?*, *Еще чего!*, *Ни за что*, *Ни в коем случае* и др. Подобные фразы звучат в определенной степени невежливо и грубо, но их использование способствует защите позиции адресанта отказа, подчеркивает непоколебимость его решения:

– *С какой стати я должна давать хоть копейку?* (Д. Донцова «Уха из золотой рыбки») [12].

– *Еще чего! Может, тебе и кофе в постель принести? Сама иди за своим телефоном!* (Т. В. Сахарова «Добрая фея с острыми зубками») [12].

– *Ни за что, – горячо запротестовала Катерина* (М. Зосимкина «Ты проснешься»). Кн. первая) [12].

Обратимся к семантике глаголов. Среди глаголов, выражающих в косвенной форме отказ, находятся слова, передающие заведомую несбыточность надежд адресанта либо чрезмерность его ожиданий (с точки зрения адресата просьбы). Стоит отметить, что приведенные ниже высказывания с определенными глаголами звучат довольно грубо, с нотой насмешки над собеседником:

– *Ага, размечтался!* – кричу я через свою дверь. – *Может, тебе еще денег дать? Шутка* (А. Геласимов «Рахиль») [12].

– *Обойдешься, – прервал его Герман. – Решили же – до конца недели ни капли спиртного* (А. Ростовский «По законам волчьей стаи») [12].

– *Перетопчешься. Зазнобу ему... Иди работай* (А. Маринина «Иллюзия греха») [12].

Фразы, содержащие в себе глаголы *думать*, *стараться*, *смотреть* и др., которые позволяют реализовать такую тактику непрямого отказа, как отсрочка, также являются одними из лингвистических средств реализации отказа в русском лингвокогнитивном пространстве:

– *Я подумаю. Позвони мне завтра. И тут же уехал в родной аул Верхний Чегем, расположенный так высоко в горах, что туда не дотянули телефонный провод* (С. Б. Рассадин «Книга прощаний. Воспоминания о друзьях и не только о них») [12].

– *Посмотрим!.. – сказал я и пошел навстречу Рыжему Псу* (В. Губарев «Трое на острове») [12].

Данные высказывания иллюстрируют тот факт, что, выбирая подобные фразы для завуалированного выражения отказа, говорящий стремится смягчить свой отказ, заботясь о чувствах своего собеседника. Однако стоит отметить, что подобные выражения в русском социокультурном пространстве носят конвенциональный характер, и адресат отказа понимает, что в большинстве случаев за ними скрывается не отсрочка для принятия решения, а банальный, но при этом вежливый отказ собеседника.

Глаголы в форме повелительного наклонения – еще один способ в косвенной форме отказать собеседнику:

– *Отстань, я никуда не буду звонить!* (А. А. Поступинский «Бог») [12].

– *Ешь потише,* – сказал я.

– *Отстань,* – огрызнулся Мишка.

И, кажется, еще громче начал суп в себя засасывать (Д. Сабитова «Где нет зимы») [12].

Глаголы в форме повелительного наклонения с отрицанием также могут использоваться в качестве непрямого отказа в русском языке:

– *И не надейся, что я туда войду* (М. Петросян «Дом, в котором...») [12].

Если все вышеперечисленные примеры косвенного отказа, содержащие в себе глаголы в форме повелительного наклонения, имели характер категоричности и возмущения, то следующий пример отказа реализует тактику встречного предложения и звучит более мягко:

– *Давай сменим тему, – сказал Тет и убрал руку* (В. Пелевин «Бэтман Аполло») [12].

Таким образом, отказ, представляющий собой нежелательную реакцию адресата на искомые цели адресанта, по ряду причин чаще всего выражается именно в косвенной форме. Все причины обращения к не прямой форме выражения отказа в русской лингвокультуре можно условно разделить на те, которые направлены на адресата отказа, и те, которые, наоборот, находятся в фокусе интересов самого говорящего (рисунок).

Причины выбора не прямой формы выражения отказа

Непрямое выражение отказа выполняет целый ряд функций в русском лингвокогнитивном пространстве. С одной стороны, оно считается более вежливым, помогает предотвратить возникновение конфликтных ситуаций, продемонстрировать уважение к собеседнику, позаботившись о его репутации. Использование средств не прямой коммуникации в ситуации отказа

смягчает его негативный фон, помогает разрядить напряженную атмосферу между коммуникантами, а также выйти из неловкой ситуации с достоинством. Однако проанализированный нами материал показывает, что в то же время косвенная форма выражения отказа в русском социокультурном пространстве позволяет коммуниканту отстаивать свои позиции, делает его отказ более твердым, дает большие шансы на благоприятное развитие событий в интересах говорящего. Безусловно, использование средств непрямой коммуникации в ситуации отказа повышает эффективность воздействия на адресата. Помимо этого, особо важным является то, что зачастую представители русской лингвокультуры отдают предпочтение не прямой форме выражения отказа с целью «задеть», сильнее «уколоть» своего собеседника, виртуозно подчеркнув принципиальность своего отказа, не оставив ему ни единого шанса на благоприятный исход беседы. И, стоит отметить, что средства именно непрямой коммуникации представляют собой богатый арсенал для осуществления последнего, позволяя при этом представителям русской лингвокультуры проявлять индивидуальность и креативность в речи. Проанализированные лингвистические средства выражения непрямого отказа и конкретный иллюстративный материал доказывают двойственную природу использования средств непрямой коммуникации в отношении как адресанта, так и адресата отказа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Остин, Дж.* Слово как действие / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике: Теория речевых актов. – М., 1986. – Вып. XVII. – С. 98–132.
2. *Серль, Дж.* Косвенные речевые акты / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике: Теория речевых актов. – М., 1986. – Вып. XVII. – С. 195–222.
3. *Грайс, Г. П.* Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика. – М., 1985. – Вып. XVI. – С. 217–237.
4. *Глазунова, О. И.* Логика метафорических преобразований / О. И. Глазунова. – СПб. : Питер, 2000. – 190 с.
5. *Пащенко, М. А.* Стратегический аспект коммуникативного акта отказа: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / М. А. Пащенко; Иркут. гос. лингвист. ун-т. – Иркутск, 2012. – 23 с.
6. *Бычихина, О. В.* Высказывания со значением отказа: семантико-прагматический и когнитивный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / О. В. Бычихина; Новосиб. гос. пед. ун-т. – Барнаул, 2004. – 24 с.
7. *Боргер, Я. В.* Комплексный анализ речевых актов негативной реакции: На материале современных драматических произведений: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Я. В. Боргер; Тюмен. гос. ун-т. – Тюмень, 2004. – 24 с.
8. *Постоенко, И. А.* Ситуация несогласия/отказа в динамике английской речи: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / И. А. Постоенко; Хабар. гос. пед. ун-т. – Хабаровск, 2001. – 185 л.

9. *Симонова, С. О.* Коммуникативно-когнитивные особенности выражения косвенных и имплицитных речевых актов отказа в диалогическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / С. О. Симонова; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2011. – 26 с.
10. *Банзрагч, Туул.* Диалоговое взаимодействие «побуждение – отказ» в русском речевом общении с точки зрения носителя монгольского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Банзрагч Туул; Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. – М., 2005. – 29 с.
11. *Нестерова, Т. В.* Манипулятивные реализации интенции отказа в обиходном общении русских / Т. В. Нестерова // Русский язык за рубежом. – М., 2010. – № 2. – С. 57–65.
12. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/new/>. – Дата доступа : 29.03.2021.
13. *Баранов, А. Н.* Фразеологический объяснительный словарь русского языка / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М. : Эксмо, 2009. – 704 с.

Поступила в редакцию 01.11.2021

УДК 811.161.3

Чайка Наталля Уладзіміраўна

доктар філалагічных навук, прафесар,
прафесар кафедры мовазнаўства і
лінгвадыдактыкі; Беларускі дзяржаўны
педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка,
г. Мінск, Беларусь

Natalia Chaika

Habilitated Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Department of Linguistics
and Linguodidactics Maxim Tank
Belarusian State Pedagogical University
Minsk, Republic of Belarus
natusia12@tut.by

**АКТУАЛЬНЫЯ ПРАЦЭСЫ Ў СІНТАКСІЧНАЙ СІСТЭМЕ
СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ**

**CURRENT PROCESSES IN THE SYNTACTIC SYSTEM
OF THE MODERN BELARUSIAN LANGUAGE**

Статья посвящена изучению ключевых тенденций в синтаксической системе современного белорусского языка – дистинктность высказывания и экономичность языковых средств. В современном мире необходимость информационного акцентирования и аналитизма продуцирует большое количество синтаксических дериватов – конструкций эллиптических, неполных, редуцированных, с имплицитной семантикой. В статье рассматривается синтаксическая репрезентация дистинктности высказывания и экономии языковых средств – конструкции эллиптические, неполные, редуцированные. Представлены способы актуализации важной информации, которые способствуют динамическому развитию синтаксических единиц и их коммуникативному усовершенствованию.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *дистинктность и аналитизм высказывания; эллиптические предложения; неполные предложения; конструкции с синтаксической редуцией; синтаксическая деривация.*

The article is devoted to the study of the key trends in the syntactic system of the modern Belarusian language – the distinction of an utterance and the economy of linguistic means. In the modern world, the need for informational emphasis and analyticism produces a large number of syntactic derivatives – elliptical, incomplete, reduced constructions with implicit semantics. The paper also presents the results of the study of syntactic representation of the distinctiveness of an utterance and the economy of linguistic means (elliptical, incomplete, reduced constructions). The methods actualization of important information that contribute to the dynamic development of syntactic units and their communicative improvement are presented.

Key words: distinctiveness and analyticism of a statement; elliptical sentences; incomplete sentences; constructions with syntactic reduction; syntactic derivation.

Развіццё сінтаксічнай сістэмы беларускай мовы тлумачыцца агульнымі тэндэнцыямі сучаснасці – эканоміі моўных сродкаў, дыстынктнасцю выказвання, тэндэнцыяй да аналітызму і патрэбай інфармацыйнага акцэнтавання. Названыя фактары абумоўліваюць шырокае функцыянаванне структурна-сінтаксічных мадыфікацый – канструкцый няпоўных, эліптычных, вытворных, рэдукаваных, парцэляваных і сегментаваных, а таксама з імпліцытнай семантыкай. Сінтаксічная сістэма беларускай мовы імкліва мяняе аблічча – канструкцыі набываюць структурную фрагментарнасць, сінтаксічныя сувязі і адносіны нейтралізуюцца, канструкцыі скарачаюцца да памеру рэплікі, прэдыкатыўнасць выражаецца сродкамі кантэксту або імпліцытна, часцей назіраецца «другаснае прэдыцыраванне» ў сказах розных структурных тыпаў. Таму падобныя з’явы выклікаюць цікавасць даследчыкаў на сучасным этапе.

Фактары дынамічных працэсаў у сінтаксісе вывучаліся прадстаўнікамі розных школ і напрамкаў. Пытанне пра тэндэнцыю да эканамічнасці выказвання закраналі ў сваіх працах Дж. Арма, М. Вішнеўскі, А. В. Грудзева, А. М. Мухін, Т. Д. Шабанава [1; 2; 3; 4; 5]. Даследчыкі рабілі акцэнт на з’явах сінтаксічнай непаўнаты, вытлумачальным патэнцыялам пры гэтым служыла тыпалагічная характарыстыка аб’екта лінгвістыкі з улікам адпаведных параметраў упарадкавання. Дыстынктнасць выказвання закраналася ў працах К. Карлсан, П. А. Леканта, Г. А. Золатавай [6; 7; 8], кваліфікацыйнай прыкметай у якіх выступалі дакладнасць і лагічнасць, а аб’ектам вывучэння – парцэляцыя, сегментацыя. Тэндэнцыя да сінтаксічнага аналітызму прадстаўлена ў даследаваннях З. Выхадзілавай, Т. А. Коласавай, Л. У. Лісочанкі, С. С. Дзікаровай, Б. Хаўнспергера, А. Унішэўска [9; 10; 11; 12; 13; 14], што праяўляецца ў паслабленні і адноснай «свабодзе» сінтаксічных сувязей паміж кампанентамі.

Нягледзячы на значную колькасць прац па актуальных працэсах у сінтаксічных сістэмах розных моў, на беларускамоўным матэрыяле падобныя даследаванні не праводзіліся. Актуальнасць такога аналізу абумоўлена неабходнасцю выявіць асноўныя фактары дынамікі сінтаксічнай сістэмы беларускай мовы – тэндэнцыі да эканоміі і аналітызму, а таксама дыстынктнасць выказвання, патрэбы ўпарадкаваць структурна-сінтаксічныя мадыфікацыі ў адпаведнасці з параметрамі іх тыпалогіі.

Мэта даследавання – выявіць дыяпазон структурна-сінтаксічнай рэпрэзентацыі дамініруючых моўных фактараў – эканамічнасці і дыстынктнасці выказвання.

Найбольш значнымі фактарамі дынамікі сінтаксічных працэсаў беларускай мовы, на наш погляд, выступаюць эканомія выказвання і дыстынктнасць. Тэндэнцыя да эканамічнасці з’яўляецца фундаментальным законам, які істотна змяняе сінтаксічнае аблічча любой мовы. Разнастайнасць праяў дадзенай тэндэнцыі патрабуе ўпарадкавання сінтаксічных адзінак на аснове адпаведных параметраў. Закон *эканоміі* моўных сродкаў прадудыцуе вялікую колькасць сінтаксічных канструкцый, сярод якіх выдзяляюцца *няпоўныя і эліптычныя*.

Сінтаксічная *непаўната* абумоўлена тэндэнцыяй мастацкіх і публіцыстычных тэкстаў да дыялагічнасці, стварэння эфекту адваротнай сувязі, рэалізацыі экспрэсіўнага патэнцыялу сінтаксічных адзінак. На сённяшні дзень рэпрэзентатыўнымі фактарамі эканамічнасці выказвання выступаюць пропуск і замяшчэнне. Сінтаксічная непаўната базіруецца пераважна на дзвюх аперацыях – пропуску і замяшчэнні. Прапускацца ў няпоўных канструкцыях можа любы кампанент – суб’ектнага або прэдыкатнага тыпу: *У душы, як Божы знак, // – Хата... Канюшына... Жыта... // Бульба... Бусел... Шпак... // Мроя... Хлопец закаханы... // Цемра... Шлях дамоў...* (Л. Дайнека); *Г а н н а. Бубніш нешта сам сабе... Маліўся, ці што? В а с і л ь. Размаўляў... з Сонцам...* (А. Дударэў). Узнаўляюцца апушчаныя кампаненты з кантэксту: *Б а б у л я. Усё хоча жыць, дзіцятка. І сонца ў небе, і дуб у полі, і казурка ў жыце. Асот – таксама... Хай бы і жыў, толькі нам не шкодзіў* (Г. Каржанеўская), з дапамогай моўнай сітуацыі: *В е р а (паказваючы на Тулягу, які ўвайшоў). А вось яшчэ адзін шаноўны далакоп. Што з вамі, Мікіта Сымонавіч? Чым вы так усхваляваны?* (К. Крапіва).

Сінтаксічная непаўната прадвызначае аналітызм пры кампенсацыі сэнсу выказвання, паколькі няпоўныя канструкцыі не ўтвараюць асобнага структурнага тыпу, а ўваходзяць у агульную парадыгму сказа разам з іншымі структурна-сінтаксічнымі мадыфікацыямі. Пропуск члена можа назірацца ў структуры простага двухсастаўнага сказа: *Кольшаў стаіць ззаду вежы, трымаючы ў руцэ аўтамат. Каля яго некалькі аўтаматчыкаў* (І. Мележ), аднасастаўнага: *Завушніцы, пэрлы на іх зіхацяць, такія, як болей ні ў кога, так ў Полацку ўмеюць красу вырабляць майстры рамяства залатога* (Л. Геніюш) і складанага: *Было неба то сіняе, то ружовае, // А пад ім малая хатка рыбака. // І было, як неба, возера шырокае, // Шумела там заўсёды асака* (М. Танк).

Аналітызм няпоўных канструкцый прадвызначае і спрашчэнне – нейтралізацыю сінтаксічных сувязей і адносін. Пры пропуску галоўных членаў сказа паміж матэрыяльна выражаным і апушчаным членам сказа захоўваюцца прэдыкатыўныя адносіны: *Жывіца то радаваўся, то гаравяў. Ubачыў патаптанае жыта, падбег туды, пахадзіў...: – Ай-ой, колькі жыта здрасавана!* (І. Мележ). Матэрыяльна выражаныя даданыя члены сказа

ўказваюць на розныя віды падпарадкавальнай сінтаксічнай сувязі, а значыць, на дзеяслоўнае кіраванне імі: *Трое маіх сяброў ідуць па белай нерушы, і ланцужкі іх слядоў абрываюцца. Спачатку за адным, потым за другім, потым за трэцім* (У. Арлоў).

Аналітычны характар няпоўныя канструкцыі набываюць за кошт пропуску кампанента з наступным узнаўленнем яго з кантэксту. Часцей за ўсё назіраецца дубліраванне апушчанага кампанента: *Б у с ь к о. Ты, Хведзька, Хведар Паўлавіч, будзеш намі кіраваць, а мы – другімі!.. Пад тваім кіраўніцтвам. Будзем выконваць тваю жалезную волю і ўказанні* (А. Макаёнак) і ў няпоўных сказах у структуры дыялагічнага адзінства: *– Хто вядзе роту? – перамагаючы боль запытаў ён. – Дрозд* (І. Мележ). Больш глыбокі аналітызм назіраецца ў сітуацыйных канструкцыях, дзе маркіроўка зместу сказа ажыццяўляецца на аснове семантычнага ўзаемадзеяння кампанентаў: *Н е з н а ё м а я ж а н ч ы н а. (Падыходзіць да кабінета і намерваецца пастукаць. Дзверы адчыняюцца і высоўваецца Гарлахвацкі.) Можна, таварыш дырэктар? У вас, казалі, для машыністкі работа ёсць?* (К. Крапіва). У сітуацыйных няпоўных сказах адсутнічае паўтор апушчанага кампанента.

Пры гэтым функцыянальны дыяпазон канструкцый значна пашыраецца: яны выступаюць сродкам актуальнага падзелу паведамлення. Пропуск кампанентаў дазваляе актуалізаваць яго камунікатыўны цэнтр, узмацніць інфарматыўную значымасць членаў сказа – дзейніка: *Маладзёк у нябёсах блукае бязмежных, // А на вуліцах – ноч... мітульга... // І ля бліжняй да нас трансфарматарнай вежы // Электрычных праменьняў дуга* (Ю. Таўбін), выказніка: *С в я т л а н а. А ён не пускаў. Хацеў, каб я паступала ў яго інстытут. Я адмовілася. Прыехала ў Мінск і паступіла сама. Паглядзі ў акно. Учора ўвечары, калі мы выходзілі з клінікі, ён стаяў на тым жа месцы* (А. Дзялендзік), дапаўнення: *С в я т л а н а. Ён жа цябе кахаў. І ты яго. (Падыходзіць да акна.) Г а л і н а (пасля паўзы, горка). І гэтага дастаткова?* (А. Дзялендзік), акалічнасці: *Тры сцежкі на нашай зямельцы праходзяць, // Тры сцежкі. // Адна на Заход – да Варшавы. // Другая на Ўсход – да Масквы. // А трэцяя – проста ўпярод* (З. Бядуля).

Таксама праявай эканамічнасці выказвання выступаюць канструкцыі з эліпсісам дзеяслова, якія шырока функцыянуюць у мастацкіх і публіцыстычных творах. Адрозненне эліпсіса ад непаўнаты заключаецца ў спосабах узнаўлення апушчанага кампанента. Кампенсацыя сэнсу ў эліптычных канструкцыях ажыццяўляецца пераважна на аснове адваротнай валентнасці паміж аднароднымі выказнікамі: *Узялі свае кійкі // І дадому нацянькі* (А. Пысін); *Папрацавалі пару гадзін з раніцы (а то і без таго) і дахаты* (Г. Багданава) ці *Воз я пакіну за ляском, а сам за кій – і ў белы свет...* (А. Бажко). У такіх выпадках паміж прэдыкатыўнымі часткамі фарміруюцца адносіны адначасовасці: *Асмеліцца б і вырваць з рук баян, // І мех ушчэнт, і ўшчэнт – баяна планкі* (А. Бачыла), паслядоўнасці: *– Даруйце! – згроб купюру ў жменю. // І ў дзверы ледзьве не бягом. // Яна – на ганак праз*

імгненне, // *А там – на вулку наўздагон* (Н. Гілевіч); *На двор заходзіла Мальвіна. // Яе заплаканых вачэй // Здалёк ніхто не ўспеў угледзець. // Збялеў Лявон – і к ёй хутчэй* (А. Бачыла); *Распранайся хутчэй і да печкі! Зараз я цябе чаем напаю* (М. Матукоўскі) і прычынна-выніковыя: *Ён чараціну ўзяў на ўзлужжы, // Зрабіў яе сваім кійком // І проста ў Афрыку пяшком* (А. Пысін); *Устрывожаны салдаты // І – хутчэй за аўтаматы* (А. Пысін).

Маркерам значэння эліптычнай канструкцыі часам выступаюць часткі складанага сказа. У такім выпадку эліпсіс можа часткова ці поўнасьцю нейтралізаваць сінтаксічныя сувязі і адносіны: *Чорнай хмаркай – коней грывы, // Вэлюм – птушкай трапяткой* (С. Законнікаў); *Мы не толькі суседзі, ты – замест брата* (А. Марчук), а таксама сэнсавыя адценні ўмоўна-выніковыя: *Якую ні вазьмі з цытат – // Свайго ні кроплі... плагіят* (А. Бачыла); *І кій у бой пускаў – шары насустрач* (А. Пысін); *Няма цябе – няхай тады і пекла* (М. Трухан); *Надарыцца часіна – суровы самасуд* (З. Дудзюк), прычынна-выніковыя: *Патэнт возьмем – цацкі з наветра* (М. Матукоўскі); *Абы свята – ён на ігрышчах* (М. Гарэцкі). Пры наяўнасці кампанентаў з рэфэрэнтным значэннем паміж часткамі сказа могуць выражацца супраціўныя адносіны: *Адзін жыццё тараніць, // Другі – абы, абы...* (П. Панчанка); *Вайна – на ўсход, // На захад – Янка, // Далей ад фронту, ад вайны* (А. Бялёвіч); *У словах – мёд, нутро вужакі* (З. Бядуля); *У весялосці – не з табой, // З табой – у роздуме, у скрусе* (А. Разанаў) і адносіны неадпаведнасці: *У сэрцы і алах, і Магамет, // У небе – сцягі натаўскіх краінаў* (Л. Дранько-Майсюк); *Пачатак кастрычніка, на дрэвах жа – ні лістка* (С. Грахоўскі).

Яшчэ адной важнай тэндэнцыяй у сінтаксічнай сістэме беларускай мовы выступае дыстынктыўнасць выказвання. Праявай названай тэндэнцыі служыць дакладнасць падачы інфармацыі, а значыць, і парцэляцыя, і сегментацыя асобных кампанентаў. Асіметрычны дуалізм моўнага знака прадвызначае афармленне адзінай цэласнай семантыкі асобнымі сегментарнымі адзінкамі: *Але стала сумна. І маркотна* (В. Быкаў); назоўнікамі: *Пабегла з канцылярыі. З дзетдома. Назаўсёды* (В. Казько); *Ды яшчэ тады, калі я акурат нарыхтаваўся ехаць у вёску. У адпачынак ...* (Б. Сачанка). Сегментарныя адзінкі могуць займаць як перадпазіцыю: *Вось і мы з Пашам ... Ужо падыходзілі да свайго пад'езда* (Р. Баравікова); *Загадчыца. За кожную дробязь чаплялася* (Г. Багданава); *Я кінарэжысёр. Цяпер здымаю фільм. Дакументальны* (Г. Багданава), так і постпазіцыю: *Ляцела лета. З дажджамі. Навальніцамі* (І. Шамякін); *Скончыў гімназію і адзіны тады скончыў з усяе Альшанскай акругі ўніверсітэт. Пражскі* (У. Караткевіч); *Спачатку просьба. Да цябе, Глеб* (І. Шамякін); *Але, як на бяду, усе камяні – што абточаныя. Ветрам* (І. Шамякін); *І сёння трэба жыць. З табой, з зямлёю і з людзьмі...* (А. Дудараў); *І пахла незвычайна. Чым, немагчыма вызначыць. Чысцінёй. Вясной. Святам. Юнацтвам* (І. Шамякін); *Магу купіць. І капляюш, і паліто* (Г. Далідовіч); *Страшна. І за прынцэсу, і за нас усіх. За гэты край* (П. Васючэнка); *А з партызанамі мы*

з капітанам бачыліся не адзін раз. Асабліва за Дняпром (І. Чыгрынаў); Ночы не стала. І не было дня (А. Адамовіч); Такая папера была! І метал на літары срэбрам блішчэў (А. Петрашкевіч).

Парцэляваная канструкцыя ў такіх выпадках становіцца адным са сродкаў выдзялення кампазіцыйна і зместава важных адрэзкаў інфармацыі. Дадатковым фактарам, што забяспечвае дыстынктнасць выказвання, з'яўляецца эфект няздзейсненага чакання: пасля сыходзячай інтанацыі канца сказа сэнс тэксту працягвае разгортвацца, часам і нечакана для чытача. Называюцца актанты, сірканстанты або цэлыя прэдыкатыўныя адзінкі: *Пахла мясной прыправай. Але Чубар есці не спяшаўся* (І. Чыгрынаў); *На зямлю, грукнуўшы, упала рашотка. З люка вылез Траўка* (А. Якімовіч); *Шырокія каменныя прыступкі вядуць да піраміды. А вакол ні душы* (А. Якімовіч); *Цяжэе тулава. Усё болей урастаюць у зямлю ногі. Страшны боль сціскае галаву...* (П. Галавач); *Калісьці мучыўся, сачыў...* // *У чаратах трымцела лодка. // Сінелі доўга касачы // дымкамі мая на ўзбалотках* (Р. Баравікова).

Акрамя таго, парцэлят можа мець ацэнчнае значэнне сцвярджэння. У такіх канструкцыях далучэнне звязана са сказам далучальна-паўпрэдыкатыўнай сувяззю і ўказвае на невербалізаваную інфармацыю: *З а л ы г і н. Для пачатку далі б семафор: вёрст на дзесяць у тыл. Д з я ц е л. Удаву! Нішто прыдумаў!.. Ч ы б у к. А што, балотны чалавек, дрэнна? Ты адмовіўся б? Д з я ц е л. Я, здаецца, людцы, наўколенцах, рачкі дамоў набраўся б. (Сумна жартуючы). Каб сказаў паручнік: Дзяцел, магу адпусціць, але рачкі паўці трэба. Я згадзіўся б з радасцю. І дапоўз бы!* (І. Мележ). Імпліцытны сэнс у дадзеным тэксце змяшчаюць лексемы *Я, здаецца, людцы, наўколенцах, рачкі дамоў набраўся б*, сэнс якіх роўны сэнсаваму напаўненню лексемы *адмовіўся б – дапоўз бы* – гэта выводзіцца на аснове лагічнага вываду да пасылкі.

Яшчэ адным прыёмам далучальнай дыстынктнасці выступаюць вылучальныя адносіны: *Б а л у е ў (Адзінцову). Вы... гм. Салдат суправаджалі ў горадзе вы? А д з і н ц о ў. Я іх тут выпадкова ўбачыў. Яны прайшлі па зале (кіўнуў на суседнюю залу), калі я там вячэраў... Я ўстаў, пацікавіўся, што яны тут робяць...* (І. Мележ). Невербальная інфармацыя ў такіх канструкцыях выяўляецца з дапамогай прыватна-аперцэпцыйнай базы, што абумоўлена лексіка-семантычнай валентнасцю кампанентаў *суправаджаеце – убачыў*. Аперацыя прадвызначае станоўчы адказ і, разам з тым, вылучае нязначную частку інфармацыі, на якой базіруюцца логіка-семантычныя адносіны. У якасці кампенсаторнага кампанента часам выступаюць моўныя ўласцівасці вербальных кампанентаў – гэта значыць, кантэкст.

Шырока функцыянуюць у беларускай мове парцэляваныя канструкцыі, якія змяшчаюць адказ з адценнем суб'ектыўнай ацэнкі. Інфармацыйная паўнаватрасць сказа часта забяспечваецца з дапамогай вобразных моўных сродкаў, якія змяшчаюць непрамое ўказанне на колькасць аб'ектаў: *К а л а т у х і н. Тры сустрэчы на пяць мінут, і ўсё іншае – гарачыя*

лісты? А д з і н ц о ў (устаючы). Я вельмі ўдзячны за гонар, але павінен прасіць дазволу пакінуць вас... (І. Мележ). У падобных выпадках механізм узаемадзеяння вербальнай і невербальнай інфармацыі пераўтварае імпліцытнае ў экспліцытнае, а значыць, робіць выказванне ў значнай ступені лагічным. Сцвярдзальная інфармацыя з адценнем ацэнкі фарміруецца ў выніку кампазіцыйна-зместавага пераразмеркавання, што прыводзіць да ўтварэння канструкцый з дэнататыўна неізаморфнай структурай. Сродкамі фарміравання семантычнага адцення азначнасці ў названых канструкцыях выступаюць вобразныя моўныя сродкі, семантычны дыяпазон прыватна-аперцэпцыйнай базы выказвання, сінтаксічная карэляцыя паміж кампанентамі тэксту, анафарычная адсылка.

Зрэдку парцэляваная канструкцыя змяшчае адценне папроку, якое выяўляецца з асертыўнай часткі выказвання на аснове дэдуктыўнага заключэння: *Б а л у е ў. Што з вамі? А д' ю т а н т. Прачытайце. Б а л у е ў бярэ тэлеграму. Яна ўражвае генерала так, што, прачытаўшы яе, Балуюе глядзіць на стужку тэлеграмы неўразуменым позірмам. Чытае другі раз, раптам налівае каньяк. Рукі ў яго дрыжаць* (І. Мележ). Фонавыя веды ў падобных канструкцыях разгортваюць інфармацыю, што дае магчымасць сфарміраваць адпаведны сэнс і змясціць яго ў адной рэпліцы. Семантычная ёмістасць канструкцый дазваляе ім быць зместавым і лагічным цэнтрам выказвання.

Выяўлены парцэляваныя канструкцыі, што змяшчаюць адценне ўхвалы. Фонавыя веды пры гэтым маюць адмоўную ацэнку, парцэляваная канструкцыя адмаўляе сказанае вышэй і фарміруе новы змест: *В а л я. У мяне заўтра ў пятым класе ўрок батанікі. Тэма – «Расліны і сонца»... Я ўжо думала, як пачну яго... Мільярды гадоў, скажу я, робіць зямля свой звычайны круг вакол сонца. Мільярды гадоў дзень змяняецца ноччу, а ноч – днём... (Задумліва.) Мільярды начэй!.. Няўжо і гэтая ноч толькі адна з мільярдаў іншых, такая ж звычайная? А д з і н ц о ў. Філософ ты!..* (І. Мележ).

У беларускай мове назіраюцца выпадкі, калі дыстынктнасць выказвання рэпрэзентуецца з дапамогай сегментацыі. Значны функцыянальна-семантычны дыяпазон канструкцый дазваляе выдзеліць любыя неабходныя фрагменты тэксту і такім чынам удакладніць любую інфармацыю. Найбольш часта назіраецца сегментацыя іменнага кампанента з карэлятам у базавай частцы. Сегментаваны кампанент можа выражацца як адзіночным назоўнікам, так і з залежнымі словамі: *Ча-ла-ве-ек ... Жыццё, адно яго кароткае імгненне запоўніла пустату – і знікне. Выслізне* (Т. Бондар); *І Кошка мая на язык спрытная, а клопату ў яе – дык аніякага! Раскошніца!* (Л. Дранько-Майсюк). Часцей назіраюцца выпадкі іменнай прэпазіцыйнай сегментацыі. Канструкцыі з карэляцыйным кампанентам могуць фарміравацца за кошт тоеснага замяшчэння і характарызуюцца супадзеннем усіх форм сегмента і карэляту: *Элегія... Вось вам і элегія, Севярыне. Джунглі, а не элегія* (У. Караткевіч). Сегментаваныя канструкцыі могуць дубліраваць карэляцыйны кампанент,

у такім выпадку яны адносяцца да адной часціны мовы і забяспечваюць семантычную сувязь паміж часткамі, і мы можам назіраць сінанімічнае замяшчэнне: *Натоўп... Паслухмяны чалавечы статак! Зірнуць – знешне шэрая, пазбаўленая выразнай формы маса, а ледзь толькі выхапіць з яе камера каго-небудзь аднаго і ўчэпіцца ў яго, безаблічнага, бяскрыўднага на выгляд, адразу стане бачна, што і ў ім стаіўся, чакае свайго часу монстр* (Т. Бондар).

Дастаткова пашыраным з’яўляецца анафарычнае замяшчэнне сегмента ў базавай частцы пры прэпазіцыйнай сегментацыі з іменным тэмы: *А Жанна... Думаеш, мяне так ужо моцна раздражняе, што яна плэхаецца ў маёй ванне, лезе не ў свае справы, перашкаджае часам працаваць?* (М. Арахоўскі). Такі прыём часам прадвызначае змену часціны мовы з наступным утварэннем парадыгмы граматычных форм: *Радзіма – яна кроў любіць, кроўю мацуецца. Цячэ ў сусекі Радзімы радыеактыўнае жыта, грыміць на бункерах радыеактыўная бульба* (В. Казько); *Настрой. Той самы, без якога я не магу праседзець над чарцёжнай дошкай дванаццаць гадзін* (А. Дзялендзік); *Дармедонт. Той самы Дармедонт, што дасягнуў чароўнага замка Карбеніка і піў са свяшчэннага келіха Грааля...* (П. Васючэнка). Прэпазіцыйна намінаць у такіх сказах аб’ядноўвае кампаненты ў звышфразовае адзінства: *Жонка? Яе ў мяне фактычна няма – нічога ні ў чым супольнага...* (Б. Сачанка); *Евангелле Слуцкага. Дужа рэдкая рэч, але нічога асаблівага. Статут 1580 года. Сапраўды, першае друкаванне, паколькі я мог меркаваць* (У. Караткевіч); *Цукерка! Я не забыў пра цукерку, і праз тры хвіліны мы ўжо стаялі ўнізе* (В. Марціновіч); *Упэўненасць! Я хачу, каб вырас дужы, моцны чалавек, здольны выжыць у гэтых дзікіх чалавечых джунглях* (А. Макаёнак).

Як паказала даследаванне, найбольш значнымі фактарамі дынамікі сінтаксічных працэсаў выступаюць тэндэнцыя да эканамічнасці і дыстынктнасць выказвання. Эканамічнасць выказвання прадудыруе функцыянаванне значнай колькасці няпоўных і эліптычных канструкцый. Падобныя з’явы выкліканы, як правіла, тэндэнцыяй тэкстаў да дыялагічнасці, стварэння эфекту адваротнай сувязі, рэалізацыі экспрэсіўнага патэнцыялу сінтаксічных адзінак. Пропуск і замяшчэнне – дзве асноўныя тэндэнцыі, якія вызначаюць структурна-сінтаксічную тыпалогію няпоўных і эліптычных канструкцый – іх будову, сэнсавае нападненне і спосабы ўзнаўлення апушчанага кампанента. Дыстынктнасць выказвання таксама вызначае функцыянаванне значнай колькасці структурна-сінтаксічных мадыфікацый – парцэляцыі і сегментацыі і іх структурных разнавіднасцей. Асобныя сегменты маўлення характарызуюцца выдзяленнем пэўнай інфармацыі, а значыць, і яе актуалізацыяй. Відавы клас названых канструкцый дастаткова разнастайны – гэта ўсе функцыянальныя тыпы членаў сказа, частак даданага сказа і цэласныя тэкставыя сегменты. Падобныя аперацыі надаюць інфармацыйную дакладнасць і лаканічнасць паведамленню або яго фрагмента.

ЛІТАРАТУРА

1. *Harma, J.* Sur l'omission du verbe et sa recuperabilité en français / J. Harma // Actes du 9e Congrès des romanistes scandinaves, Helsinki, 13–17 aout 1984. – Helsinki, 1986. – P. 135–146.
2. *Wiśniewski, M.* Przegląd równoważników zdania znamiennych dla współczesnej polszczyzny / M. Wiśniewski // Acta Univ. Nicolai Copernici. Nauki Humanistyczno-społecz. Filologia Polska. – Toruń, 1995. – T. 46. – S. 115–150.
3. *Грудева, Е. В.* Избыточность и эллипсис в русском письменном тексте / Е. В. Грудева. – Череповец : Черепов. гос. ун-т, 2007. – 251 с.
4. *Мухин, А. М.* Структура предложений и их модели / А. М. Мухин. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1968. – 230 с.
5. *Шабанова, Т. Д.* Предложение и его лимитативные модели : учеб. пособие к спецкурсу / Т. Д. Шабанова. – М. : Моск. гос. пед. ин-т, 1985. – 82 с.
6. *Carlson, K.* Paralelism and prosody in the processing of ellipsis sentences / K. Carlson. – N. Y. ; London : Routledge, 2002. – 227 p.
7. *Лекант, П. А.* К проблеме неполных предложений в русском языке / П. А. Лекант // Учен. зап. / Моск. обл. пед. ин-т. – М., 1963. – Т. 139, вып. 9 : Русский язык и литература. – С. 43–49
8. *Золотова, Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1982. – 368 с.
9. *Vychodilová, Z.* Elipsa jako jeden ze způsobu neexplicitního vyjadřování obsahových prvků v jazyce / Z. Vychodilová, R. Zimek ; Masarykova unv. – Olomouc : [s.n.], 1988. – 231 s.
10. *Колосова, Т. А.* Русские сложные предложения асимметричной структуры / Т. А. Колосова. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. – 164 с.
11. *Лисоченко, Л. В.* Высказывания с имплицитной семантикой: логич., языковой и прагмат. аспекты / Л. В. Лисоченко ; отв. ред. Г. Ф. Гаврилова ; Сев.-Кавказ. науч. центр. высш. шк. – Ростов н /Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1992. – 152 с.
12. *Дикарева, С. С.* Координаты референции и явление глобального эллипсиса / С. С. Дикарева // Проблемы современного теоретического и синхронно-описательного языкознания : межвуз. сб. / Ленингр. гос. ун-т ; отв. ред. В. В. Богданов. – Л., 1988. – Вып. 3 : Предложение и текст: семантика, прагматика и синтаксис. – С. 107–112.
13. *Hausperger, B.* Sprachökonomie in Grammatik und Pragmatik : die Ellipse / B. Hausperger. – München : Utz, 2003. – IX, 327 s.
14. *Uniszewska, A.* The nature of linguistic processes determining the applicability of nominalizations applied to strings NP-COP-AP / A. Uniszewska // Glottodidactica. – 2001. – Vol. 29. – P. 139–147.

Поступила в редакцию 28.10.2021

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 070.484

Ван Сяонань

аспирант кафедры
международной журналистики
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Wang Xiaonan

PhD Student of the Department
of International Journalism
Belarusian State University
Minsk, Belarus
346913416@qq.com

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПЕРИОДИКИ КИТАЯ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

MAIN TRENDS IN THE DEVELOPMENT
OF THE ENGLISH-LANGUAGE PERIODICALS
OF CHINA IN THE SECOND HALF OF THE 20th CENTURY

Предметом рассмотрения являются основные тенденции становления и развития англоязычной периодики после провозглашения Китайской Народной Республики в 1949 году. Выявлено, что в 1950–1960-е гг. редакционная политика англоязычных изданий была нацелена, прежде всего, на трансляцию позиции руководства КПК по тем или иным международным вопросам и на усиление доминирования КНР в социалистическом мире, а с начала 1980-х гг. и по настоящее время их приоритетной целью является формирование позитивного образа страны в мировом информационно-коммуникационном пространстве.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика; англоязычные издания; информационное обеспечение; политика «реформ и открытости»; образ страны.

The subject considered in this paper deals with the main trends in the formation and development of English-language periodicals after the proclamation of the People's Republic of China in 1949. It is revealed that in the 1950–1960s, the editorial policy of English-language publications was aimed primarily at broadcasting the position of the CPC leadership on various international issues and at strengthening the dominance of the PRC in the socialist world. Since the early 1980s and to this day, their priority goals have been the formation of a positive image of the country in the global information and communication space.

Key words: People's Republic of China; English-language editions; information support; the policy of «reform and opening up»; image of the country.

В настоящее время англоязычные издания Китайской Народной Республики (КНР) играют исключительно важную роль в информационно-коммуникационной системе государства. Невзирая на то, что их количество невелико (всего 4 иллюстрированных журнала и 11 общественно-политических газет, что кажется поистине ничтожной цифрой по сравнению с более чем 2100 наименованиями современных китайских изданий), надо признать,

что их роль в интегрировании в сознание многомиллионной зарубежной аудитории соответствующих идей, мнений и суждений чрезвычайно значима. Неустанно позиционируя положительный образ социалистического Китая в массовом сознании, современные англоязычные издания «исторически рассматриваются в качестве действенной силы, способной существенно повлиять на то, как мировое сообщество воспринимает происходящие в стране процессы» [1, с. 42].

Прогрессивные традиции функционирования англоязычной прессы Китая как посредника между государством и миром начали формироваться еще в первой половине XIX века. Однако характеристики действенного инструмента информационного обеспечения внешнеполитических и внешнеэкономических инициатив руководства КНР и Центрального Комитета Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) англоязычная периодика обрела только во второй половине XX в. после окончания продолжительной гражданской войны.

Так, после провозглашения Китайской Народной Республики 1 октября 1949 г. началось масштабное формирование комплекса информационных служб для зарубежной аудитории. С целью придания этим организационным процессам целенаправленного и многоуровневого характера 1 ноября 1949 г. было учреждено Главное управление по делам прессы при Центральном народном правительстве КНР. В компетенцию этого учреждения входили руководство и контроль над всеми видами СМИ, предназначенными как для китайской, так и для зарубежной аудитории. В структуру Главного управления вошли информационное агентство «Синьхуа» («Новый Китай»), Управление по делам радиовещания, Управление международной информации и др. «Управление международной информации стало первым в истории Китая органом, уполномоченным курировать внешнеполитическую пропаганду и участие в международном информационном обмене» [2, с. 201].

Вскоре после провозглашения КНР в системе национальной периодики появляются такие англоязычные издания, как иллюстрированные журналы «People's China» («Народный Китай», с января 1950 г.), «China» («Китай», с января 1951 г.) и «China construction» («Китай на стройке», с января 1952 г.), а также ежемесячник «Reports from People's China» («Репортажи из Народного Китая», с мая 1950 г., имел также версию на языке эсперанто), ежеквартальный журнал «Chinese literature» («Китайская литература», с февраля 1951 г.), еженедельник «Beijing Review» («Пекинское обозрение», с марта 1958 г.) и другие.

Количественно англоязычный сегмент системы печатных СМИ казался незначительным – менее десятка наименований, в то время как к 1953 г. в КНР насчитывалось уже 624 газеты общим тиражом 7 млн экз. [3]. Однако его влияние на зарубежную аудиторию неуклонно возрастало по мере усиления внимания мировой общественности к процессам строительства социалистического общества в Китае. Разумеется, содержательный объем англоязычных изданий КНР был несопоставим с объемом вещания,

например, информационного агентства «Синьхуа», которое уже с конца 1950-х гг. распространяло информацию объемом свыше 500 тыс. иероглифов на 7 языках, или радиостанции «Радио Пекина» (официальное название – Редакция международного радиовещания КНР), у которой ежедневный объем эфира к концу 1960-х гг. XX в. составлял 1800 часов на 32 языках. Но в этой связи уместно отметить, что информационная продукция «Синьхуа» и «Радио Пекина» носила преимущественно оперативный характер и потому оказывала кратковременный эффект на зарубежную аудиторию, между тем как редакции англоязычных газет и журналов КНР ориентировались на долговременный эффект, который достигался за счет объемных аналитических материалов, имевших разъяснительный характер, специфики иллюстративного оформления, своеобразия формирования новостной «повестки дня» и т. д. Таким образом, уступая «Синьхуа» и «Радио Пекина» в объемах информационной продукции, англоязычная периодика превосходила их по глубине интегрирования в сознание зарубежной аудитории идей и суждений, соответствующих внешнеполитическим устремлениям государства.

К сожалению, со второй половины 1950-х гг. в публикациях англоязычной периодики КНР все реже наблюдается миролюбивый и уважительный к государствам с иным политическим устройством тон. С конца 50-х гг. XX в. в редакционных (без указания конкретного авторства) статьях англоязычных (как, впрочем, и в подавляющем большинстве национальных) изданий все большее распространение получает агрессивная по отношению к капиталистическому миру риторика, которая меньше всего способствовала укреплению представлений о социалистическом Китае как о миролюбивой стране, стремящейся к добрососедским и взаимовыгодным отношениям с другими государствами. Подобная стилистика публикаций определялась идейно-политическими установками руководства государства, в первую очередь Председателя ЦК КПК Мао Цзэдуна, который рассматривал эскалацию напряженности в мире и начало новой мировой войны как важнейшие вехи на пути окончательной победы социализма. Этим объясняется неуклонная поддержка редакциями англоязычных изданий таких масштабных инициатив власти в тот период, как политика «большого скачка», «борьба с ревизионизмом» и др. При этом на страницах вышеуказанных изданий отсутствовали упоминания о массовом голоде в конце 1950-х гг., о необоснованных репрессиях против любого инакомыслия, о резком обнищании сельского населения после ликвидации индивидуальных земельных наделов и создания коммун, о низкой производительности труда в промышленном секторе и т.д. Подобная избирательность в формировании «повестки дня» объяснялась заботой о престиже страны в той трактовке, которая была характерна идеологии китайских коммунистов в середине XX века. Для членов КПК, руководивших редакциями англоязычных изданий, пресса являлась, прежде всего, мощным инструментом воздействия на сознание зарубежной аудитории. В этой связи создание привлекательного

образа социалистического Китая в мировой информационно-коммуникационной сфере расценивалось, главным образом, как решение тактической задачи во имя стратегической цели – построение коммунизма как общества всеобщего благоденствия на всей земле. Существующие трудности в таком контексте рассматривались как временные и связывались исключительно с «перегибами на местах».

В сфере освещения международных новостей редакциями англоязычной периодики делался акцент на поддержке радикальных коммунистических организаций, заявлявших об ориентации на построение социализма по «китайскому образцу» (например, «красных кхмеров» в Камбодже или движения «Сияющий путь» в Перу), умеренном одобрении деятельности Движения неприсоединения, политики Энвера Ходжи в Албании и Николае Чаушеску в Румынии, и, разумеется, сокрушительной критике стран Западной Европы и США за поддержку правящего на Тайване режима Чан Кайши, а также «ревизионистов у власти» в СССР и в государствах–членах Организации Варшавского Договора за «предательство подлинных идеалов марксизма-ленинизма». При этом информационный обмен с остальным миром имел преимущественно односторонний характер.

К сожалению, безоговорочная поддержка партийных инициатив не уберегла англоязычную прессу, как и всю систему СМИ КНР, от масштабного разгрома в годы Великой пролетарской культурной революции 1966–1976 гг. К моменту ее окончания в информационно-коммуникационном пространстве социалистического Китая уцелело всего одно англоязычное издание – журнал «Beijing Review» («Пекинское обозрение»), содержание которого практически полностью состояло из переводов редакционных статей газеты «Жэньминь жибао» и новостных материалов ИА «Синьхуа». Основной аудиторией данного издания являлся дипломатический персонал посольств иностранных государств в Пекине, а также посетители торговых представительств КНР за рубежом.

Состоявшийся в декабре 1978 г. III Пленум 11-го созыва ЦК КПК провозгласил государственную политику «реформ и открытости». Первоначальными задачами этой политики являлись ликвидация экономических диспропорций в народном хозяйстве и «создание прибавочной стоимости, необходимой для финансирования модернизации китайской экономики» [4, с. 113]. Однако после решения этих задач дальнейшая реализация политики «реформ и открытости» способствовала не только кардинальному преобразованию экономики, но и изменению всего национального уклада жизни.

На рубеже 1970–1980-х гг. возрождаются закрытые в период «культурной революции» журналы «People's China», «Reports from China», «Chinese literature», «China today» и др. Однако логика масштабной модернизации экономики требовала иностранных инвестиций и, соответственно, расширения информационного влияния КНР в мировом коммуникационном пространстве. С этой целью создаются новые англоязыч-

ные издания, которые функционировали по организационно-техническому принципу популярной иностранной прессы, но при этом сохраняли идейную приверженность коммунистической доктрине. В следующие 30 лет в системе печатных СМИ КНР появляются такие газеты, как «China Daily», «Business Weekly», «21st Century», «Global Times» и др.

Данный процесс стал одним из действенных инструментов целевого разделения информационных потоков по принципу их содержательной значимости в соответствии с потребностями аудитории. На практике это означало, что чем более разнообразной по проблематике и богатой по визуальному оформлению становилось содержательно-смысловое наполнение англоязычных газет и журналов, тем более обширной оказывалась их зарубежная аудитория, в состав которой постепенно входили все новые сегменты со своими запросами и тематическими предпочтениями.

В новых реалиях «перед иноязычной печатью Китая была поставлена задача сформировать полномасштабную информационную картину общественно-политической и экономической ситуации в стране, демонстрирующую перемены в жизни народа» [5, л. 26]. В процессе реализации поставленных руководством страны задач англоязычная периодика все очевиднее обретала характеристики действенного и эффективного инструмента внешней политики КНР. Данные характеристики имели безусловно положительное значение, поскольку англоязычные газеты и журналы успешно боролись с устоявшимися за рубежом стереотипами о Китае и вместе с тем демонстрировали открытость китайского социалистического общества, динамический характер социальных преобразований и ускоренные темпы экономического развития в кооперации с другими государствами.

В 1980–1990-х гг. редакционная политика англоязычной прессы КНР характеризовалась более широкой степенью гласности в разоблачении негативных общественных явлений (коррупции, бюрократического произвола и др.), препятствующих проведению новой государственной политики. При этом редакционная критика сочеталась с пропагандой опыта работы промышленных и сельскохозяйственных предприятий, созданных или модернизированных с использованием иностранных инвестиций. Подобный опыт затем перенимался редакциями национальных изданий КНР. Таким образом, англоязычная периодика успешно осуществляла функцию не только трибуна экономических, политических и социальных преобразований в китайском обществе, но и «посредника» между социалистическим Китаем и остальным миром.

В конце XX в. усилия англоязычной прессы КНР были нацелены на расширение возможностей для коммуницирования с зарубежной аудиторией в объемах, которые ранее казались невозможными. Этому способствовало открытие 1 января 1997 г. интернет-платформы Китайского информационного центра, предназначенного «для обеспечения зарубежных абонентов информацией о самых различных сторонах общественной жизни Китая. На этой платформе все информационные данные представлялись на английском

и китайском языках» [6, с. 295]. В значительной степени содержательный комплекс данной интернет-платформы формировался за счет информационных, аналитических и развлекательных материалов, которые уже были опубликованы на страницах таких изданий, как «China Daily», «China today», «Reports from China», «Beijing Review» и др., но при этом не утратили новизны и актуальности. Речь в первую очередь идет о таких рубриках Китайского информационного центра, как «Последние известия», «Хроника важнейших событий в Китае», «Репортажи» (из различных провинций страны), «Краткие сведения о Китае», «Издательское дело в Китае» (информация о литературных новинках), «Кинематограф и телевидение Китая» (включая возможность просмотра в режиме он-лайн отрывков из новых кино- и телефильмов) и др. В свою очередь редакции англоязычных изданий заимствуют из данной интернет-платформы цитаты важных должностных лиц, статистику из ежегодных отчетов Канцелярии Государственного совета КНР и т.п.

Данный факт заслуживает особого упоминания еще и по той причине, что активное сотрудничество англоязычных изданий с интернет-платформой Китайского информационного центра способствовало развитию этими редакциями собственных интернет-версий. Поначалу на них размещались, главным образом, анонсы наиболее интересных материалов с целью побудить читателя ознакомиться с печатной версией издания. Но с каждым последующим годом содержательно-смысловой комплекс электронных версий англоязычных изданий увеличивался в арифметической прогрессии. Таким образом, конец 1990-х годов можно считать отправной точкой в начале процесса конвергенции англоязычной периодики КНР. Этот процесс позволил редакциям англоязычных газет и журналов успешно осуществлять новые, более сложные по своему характеру задачи в начале следующего столетия.

Подводя итоги, считаем целесообразным подчеркнуть, что если в 1950–1960-е гг. редакционная политика англоязычных изданий была нацелена, прежде всего, на трансляцию позиции руководства КПК по тем или иным международным вопросам и на усиление доминирования КНР в социалистическом мире, то с начала 1980-х гг. и по настоящее время их приоритетными целями являются формирование позитивного образа страны и укрепление ее имиджа на мировой арене. В процессе их реализации англоязычная периодика КНР сумела внести важный вклад не только в создание образа миролюбивого государства, движущегося по пути реформ, но и в укрепление торгово-экономических отношений социалистического Китая со многими развитыми и развивающимися странами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Инь, Жуюй.* Определение повестки дня газеты «Чайна Дейли» (China Daily) как составная часть «мягкой силы» Китая / Жуюй Инь // Ойкумена. – 2017. – № 1. – С. 42–53.

2. Журналистика Китая / С. А. Михайлов [и др.]. – СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2006. – 608 с.
3. Фан, Ханьци. История журналистики Китая / Ханьци Фан. – Пекин : Жэньминь, 1992. – 2830 с.
4. Гельбрас, В. Г. 30 лет реформ открытости КНР / В. Г. Гельбрас // Общественные науки и современность. – 2009. – № 3. – С. 109–117.
5. Ду, Цюаньбо. Особенности имиджа КНР в русскоязычных печатно-сетевых СМИ Китая : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Цюаньбо Ду. – М., 2017. – 174 л.
6. Дин, Ганьлинь. История журналистской деятельности Китая / Ганьлинь Дин. – Пекин : Синьхуа, 2005. – 590 с.

Поступила в редакцию 15.10.2021

УДК 821.133.1-3.09

Ефименко Анна Онуфриевна
магистр филологических наук,
преподаватель кафедры зарубежной
литературы
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Hanna Efimenko
MA in Philology, Lecturer of the Department
of Foreign Literature
Belarusian State University
Minsk, Belarus
hannaofalltrades@gmail.com

ЖАНРОВЫЕ МОДИФИКАЦИИ ФРАНЦУЗСКОГО ДЕТЕКТИВА

GENRE MODIFICATIONS OF THE FRENCH CRIME FICTION

В статье представлена трансформация жанра детектива в рамках французской литературной традиции. Выделены поджанры, сформировавшиеся во французской литературе и определившие вектор развития детективной прозы. Теоретическое и практическое значение исследования состоит в представлении нового взгляда на классификацию французского детектива, что расширит подход к изучению национального своеобразия жанра.

Ключевые слова: французский детектив; жанровые модификации; шпионский детектив; нуар; психологический детектив; экзистенциальный детектив; конспирологический детектив; историографический детектив.

The research presents the transformation of the detective genre within the French literary tradition. The papers defines the subgenres that have formed in French literature and determined the vector of development of detective prose. The theoretical and practical significance of the research consists in presenting a new perspective on the classification of the French detective fiction, which will expand the approach to the study of the national specifics of the genre.

Key words: French detective fiction; genre modifications; spy detective fiction; noir; psychological detective fiction; existential detective fiction; conspiracy detective fiction; historiographical detective fiction.

Трансформация жанрового кода детектива во французской литературе обусловлена тем, что французская традиция заимствует детектив из англоязычной литературы как уже сформированный жанр романа-загадки (Э. По),

но в то же время опирается на авторов, чье творчество можно рассматривать как предтечу детектива во Франции (Э.-Ф. Видок, Э. Сю, А. Дюма). Если английский детектив формируется как замкнутая логическая загадка, французский вбирает в себя наследие «нового психологизма» и исследования характеров французского романа XVIII и XIX веков. Благодаря своеобразию детективной матрицы (тайна в основе, повторяемость сюжетных моделей и героини-функции) уже в середине XX в. французский детектив становится нарочито игровым жанром. Тем не менее в литературоведении к французскому детективу продолжают применять критерии и термины, которые были разработаны преимущественно англо-американскими исследователями: в частности, для периодизации различных национальных типов детектива теоретики (Э. Памбран, Ц. Тодоров) ориентируются на англо-американский детектив и его золотой век (произведения, созданные в 1920–30-х гг.). Ориентированность на англо-американское литературоведение порождает несоответствия с французским литературным процессом, поэтому необходимо создать устойчивую классификацию французского детективного романа, которая помогла бы проследить историю жанра от его зарождения в национальной литературе до сегодняшнего дня и обозначать дальнейшие пути развития детективной литературы. Даже такие масштабные работы французских исследователей, как «Le Detective Novel et l'influence de la pensée scientifique» Р. Мессака (1929) и «Le roman policier» Э. Памбран (1985) не предлагают классификации поджанров детектива, но прослеживают детективные элементы в литературе разных времен и эпох и показывают их влияние на французский детективный роман, не рассматривая его как отдельную систему.

Наиболее значительная в рамках французской литературы трансформация детектива происходит в 40–50-е гг. XX в. в творчестве тандема Буало–Нарсежак. В статье «Le roman policier» писатели рассматривают историю французского детектива как объединение романа-фельетона и романа о нравах, приводя в пример творчество Э. Сю, Дюма-отца, П. Феваля и Э. Габорио. Для того, чтобы «реабилитировать» детектив и окончательно отказаться от «наследства фельетона» [2, с. 192], Буало–Нарсежак разрабатывают метод, который позволил бы «улучшить» детективный роман и вписать его таким образом в традиции французской литературы: герои в романах Буало–Нарсежака изображаются не как функции, но как реальные люди, которые могут ошибаться, колебаться, испытывать страх и т.д. На этом этапе создается психологический французский детектив, который посредством психологизации расширяет проблематику детективного жанра, вводит новые характеры, превращая персонажей-функции в сложных героев, обладающих противоречивыми чертами, и стараясь сделать их поведение максимально реалистичным. Эмоциональное состояние и симпатии персонажей французского детектива напрямую влияют на ход расследования, что было недопустимо для героев золотого века англо-американского детектива, который задал основу жанра в 1915–1930-е гг. XX века.

Одной из ключевых особенностей французской литературы выступает ангажированность литературного процесса, и детектив как жанр, чувствительный к социальным изменениям, получает социально-политическую окраску. Перед Первой мировой войной шпионский детектив становится одним из самых распространенных французских поджанров (М. Аллен, П. Сувестр и подражатели): причина возникновения и популярности шпионского романа – напряженный политический фон эпохи. Жанр детективной прозы, зародившийся из журналистских статей о судебных исках, во Франции начинает подпитываться социально значимыми событиями, а в свете заговоров, которые обзревают журналисты, приобретает специфическую «шпионскую» окраску. Наиболее популярными многосерийными шпионскими романами во второй половине XX в. становятся серия про агента 117 (ОСС 117) Ж. Брюса (выходит с 1949 по 1992 г.) и серия о Джеймсе Бонде Й. Флеминга (выходит с 1953 г. до настоящего времени). Однако в то время как романы Й. Флеминга стали основой голливудских экранизаций с 1962 г. и формировали американский шпионский детектив, книги Ж. Брюса получают популярность в Европе и экранизируются во Франции, Италии, Швейцарии, Испании. Европейский шпионский роман обладает особенностями, которые отличают его от англо-американской версии: главный герой менее трагичен, а в тексте допускаются комические ситуации и подчеркиваются образование и тонкий эстетический вкус героя.

Шпионский детектив развивается параллельно с поджанром «черного» детектива, или *нуара*. Нуар становится поджанром детектива, теоретическая база которого создается во Франции. Несмотря на то, что нуар – прежде всего киножанр и возникает в Голливуде в период Второй мировой войны, открывают его французские критики Р. Борд и Э. Шомтон уже апостериори, в 1945 году. Н. Франк предложил термин *нуар* для описания особенно мрачных детективных фильмов. Жанрообразующие черты нуара сформировались в кино, но позже проникли в литературу и утвердились в литературоведческом дискурсе [3, с. 102]. Исследователи (Р. Борд, Э. Шомтон, Р. Дюрнгат) утверждали, что нуар во многом опирается на готический роман XVIII в. и французский декаданс: мир в таких романах показан как мрачный и враждебный героям, преступление становится частью повседневности. Тенденция классического детектива, согласно которой сыщика-протагониста наделяли хорошими манерами, в «черном» романе резко меняется. Детектив в нуаре противостоит уже не только охваченному злом миру, но и полиции, он подвержен порокам и часто меняет свои моральные ориентиры в зависимости от поставленной цели.

Мир нуарного детектива, таким образом, впитывает, с одной стороны, жуткую атмосферу готического романа (архитектура как угроза, невидимые преследователи, страх смерти), модифицируя ее согласно времени (замки с привидениями превращаются в технологические мегаполисы, населенные преступниками; города предстают как хищные живые организмы, а природа чаще всего показана как разрушительная сила). С другой стороны, нуар

исследует человеческие пороки и «зло в повседневности», более характерное для декаданса: люди, озлобленные враждебностью окружающего мира по отношению к себе, теряют моральные установки и даже человеческий облик. В общем настроении произведений, относящихся к поджанру нуара, преобладает социальный пессимизм и фатализм. Поскольку нуар появляется в первую очередь как визуальное искусство, через этот поджанр формируется большинство устойчивых клише: визуальных, эстетических, лексических, пространственно-топографических; и каждый из этих аспектов имеет особую функциональную нагрузку на уровне как сюжета, так и стиля.

Например, через пространство реализуются стилистические и визуальные атрибуты, задающие подтекст и символизм определенных сюжетных событий. Среди важных мест действия в нуаре выделяют казино, жилой дом, мотель, салон автомобиля, особняк, тюрьму, лабиринт. При этом персонажи также действуют в рамках строго очерченных ролей, налагающих на них определенные ограничения. Эти роли четко регламентированы через набор повторяющихся особенностей речи, поведения, внешности. Традиция подробного описания движений, внешности героев и мест действия вытекает из кинематографической природы нуара.

Из-за архетипизации действий, мест, персонажей и повторяющихся сюжетных ходов нуарный детектив сильно влияет на дальнейшее развитие жанра как крайне гибкий подвид детективного романа, способный к объединению с другими жанрами и не теряющий при этом своих функций.

Под влиянием экзистенциализма оформляется экзистенциальный детектив, в полной мере отражающий кризис гуманистических ценностей в период Второй мировой войны. Этот поджанр детектива не фокусируется исключительно на сюжетной составляющей или разгадке тайны, но всегда рассматривает определенную социально-философскую проблему, которая появляется в ходе событий. Главный герой экзистенциального детектива всегда одинок и пытается преодолеть социальный нигилизм, который его окружает. При этом он оказывается замкнут в себе настолько, что даже расследуемое преступление предстает в романе сквозь его рефлексивное восприятие мира. Он действует не из любопытства или долга, но чтобы понять что-то о себе или своем предназначении, а разгадка тайны подталкивает его к самоопределению.

Несмотря на схожесть французского и американского экзистенциального детектива, они обладают некоторыми различиями в построении сюжета и разрешении конфликта. Американский прежде всего показывает крушение идеалов демократического государства и человеческой индивидуальности. Французский ориентирован именно на философскую проблематику поиска себя и существования индивида в мире. Отправной точкой экзистенциального детектива, таким образом, становится не наличие тайны или преступления, но внутренняя философская проблема, волнующая героя. Преступление только подчеркивает и обостряет внутренний конфликт персонажа.

Можно сказать, что начало экзистенциального детектива задают романы А. Камю «Посторонний» и «Чума». Хотя в центре этих произведений – философские проблемы свободы, выбора, насилия, поиска своего «я» и смерти, в каждом из них также присутствуют детективные элементы. Экзистенциальный детектив просто уравнивает оба сюжетных плана: философская проблема и процесс расследования существуют благодаря друг другу. Одни из первых экзистенциальных детективов появляются у С. Жапризо: «Ловушка для Золушки» («Piège pour Cendrillon», 1965) и «Дама в автомобиле в очках и с ружьем» («La Dame dans l'auto avec des lunettes et un fusil», 1966), героини которых в результате расследования преступления переходят к поиску собственной личности.

Конспирологический детектив довольно долго не выделяли в отдельную категорию и рассматривали в контексте шпионских романов. Однако роман Ю. Кристевой «Смерть в Византии» («Meurtre à Byzance», 2004) становится точкой отсчета для конспирологического детектива, главная особенность которого – разоблачение заговора в контексте истории. С 2004 г. конспирологический детектив во французской традиции уже не рассматривается исследователями как исключительно развлекательная литература. В середине XX в. детективная фабула окончательно порывает с содержанием произведения, и детектив теперь не ограничивается читательским поиском, в котором важно найти развязку интриги, но становится авторским поиском новых способов развития письма. Реабилитация детективной прозы из развлекательной в интеллектуальную дает возможность использовать ее функции для выявления новых методов письма: согласно теории структурных моделей К. Леви-Стросса детектив становится возможным препарировать на уровне формы и выделить повторяющиеся особенности жанра, а постструктуралисты (М. Фуко, Р. Барт, Ж. Делез, Ю. Кристева) ищут способ сохранить особенность детективных структур даже при их несоответствии содержанию. Исследователи конспирологического детективного романа (П.-А. Тагиефф, Л. Болтански, Т. Н. Амирян) отмечают, что в конспирологическом детективе речь идет о спекулятивной игре с дискурсом, в результате которой разрушается общепринятая романная реальность, и становится возможным взглянуть на описываемые феномены под другим углом и принять существование другой реальности [1, с. 19]. Здесь происходит разделение на массовую литературу, которая концентрируется на сюжетной составляющей (конспирологические детективы Дэна Брауна) и на конспирологический детектив как особый тип письма, разрушающий нарративные техники повествования (романы Ю. Кристевой, А. Роб-Грийе, Ж. Эшноза, Л. Бине и т.д.). При этом все составляющие детективной матрицы (сфокусированное вокруг загадки повествование, типовые персонажи, особая роль локаций) сохраняются, изменяются только их функции. Детективный канон становится частью метадискурса и препарировывает литературный текст, используя для этого те же методики, которые раньше герой-детектив использовал для поиска ответов на вопросы, возни-

кающие перед ним в сюжете. В интеллектуальном конспирологическом детективе роль следователя берет на себя читатель. Автор же, подобно преступнику, помещает читателя в обстоятельства, которые тот вынужден преодолевать с помощью собственного интеллекта. Вопросы, на которые реципиент должен ответить в процессе чтения, движут сюжет: понимая, что нестандартное построение детективного текста не приведет к типичной развязке, читающий вынужден расшифровывать приемы авторской игры. Если расшифровка оказывается успешной, то результатом чтения конспирологического детектива становится понимание читателем авторского замысла и методов письма, как в развлекательном детективном романе становятся понятны замысел и действия преступника.

Стоит отметить, что существование интеллектуальных текстов, которые выстроены по принципу развлекательных, стало возможным только под влиянием философской литературы, проникающей в детективную прозу (французский экзистенциальный детектив). Французский подвид конспирологического детектива, таким образом, становится философским исследованием границ реального и воображаемого в художественном тексте, а также поднимает проблему металитературы. Можно сказать, что французский детективный дискурс занимается исследованием «смерти автора» на уровне метатекста.

Эксперименты с прозой в свою очередь приводят к созданию историкографических метатекстов, для которых характерны интертекстуальность и саморефлексивность, часто пародийные. Постмодернистский подход также позволяет конструировать многожанровый текст, объединяющий разные виды литературы, в том числе, характерным становится слияние «высоких» и «низких» жанров. В частности, детектив, который считается одним из самых популярных развлекательных жанров, в эпоху постмодернизма получает развитие и легитимацию, поскольку детективная матрица часто дополняет разного рода постмодернистские метатексты. Однако детективная матрица, которая уже показала возможность менять свою функцию с развлекательной на интеллектуальную, теперь объединяет обе эти функции в постмодернистской прозе. Основной мотив поиска сохраняется в постмодернистском детективе, под вопросом находится то, что именно ищут. На первый взгляд сюжеты французских постмодернистских романов предлагают реципиенту первичный уровень текста, который маскирует роман под развлекательный детектив: чаще всего это поиск пропавшего человека, а на протяжении разворачивающегося сюжета повторяется мотив исчезновения. Однако по мере чтения реципиент может замечать несостыковки идейного уровня текста с его содержанием. Историкографический французский детектив оказывается текстом, в котором ответы ищут там, где их заведомо быть не может: историческая объективность противостоит личной субъективности героя. Так, в романе Ю. Кристевой «Смерть в Византии» детективом можно назвать только завязку: это убийства членов секты «Новый Пантеон» и исчезновение

профессора Крест-Джонса. Остальная часть романа построена как метарассказ, и составляет чтение и комментирование жизнеописания византийской принцессы Анны Комниной. Исторические события, таким образом, входят в конфронтацию с личным, и поиск ключа к детективной загадке в финале оборачивается поиском ответов на философский вопрос либо на авторскую концепцию литературного.

Ориентированность современного французского детектива на философско-литературный аспект можно считать его национальной особенностью. Во французских детективных бестселлерах последних лет, таких как «Гринвичский меридиан» Ж. Эшноза, «Человек, рисующий синие круги» Ф. Варгас, «Правда о деле Гарри Квеберта» Ж. Диккера, «До свидания там, наверху» П. Леметра, детективный паттерн соблюдается и разрушается или подвергается сомнению только в финале произведения, при этом авторы умело жонглируют детективными клише, создавая иллюзию развлекательного текста. Но на концептуально-идейном уровне романа становится очевидным, что главным подозреваемым выступает не герой-преступник, а концепт или идея (в основном – философская проблема с ориентацией на идеалы гуманизма или размышления об искусстве). Чаще всего это проблемы идентичности, памяти (Ф. Варгас), воспоминаний, человечности (П. Леметр), травмы (Ж. Диккер, М. Бюсси). В то же время иронические детективы Ф. Дара и Ж. Эшноза могут прочитываться как своеобразное размышление на тему обновления французского языка и авторские стратегии необходимого обновления (объединение прозы с киноязыком или использование неологизмов).

Таким образом, французский детективный роман развивается по своим особым правилам. Намеренная психологизация детектива – не только этап, но и характерная черта всех французских поджанров, влияющая на трансформацию детективной прозы.

В целом французский детектив представлен следующими поджанрами:

1. Шпионский (1911 – П. Сувестр, М. Аллен) – фокусируется на политическом противостоянии двух стран и столкновении между собой тайных агентов нескольких государств.

2. Нуар (1945 – Н. Франк, Р. Борд, Э. Шомтон) – сконцентрирован на отображении «повседневного зла». Особое символическое значение приобретает место действия и внешность персонажей, а все герои изображаются архетипически и являются набором ключевых характеристик.

3. Психологический (1947 – Буало–Нарсежак) – ориентируется не на логическую загадку, а на внутренний конфликт персонажа и отношения между героями.

4. Экзистенциальный (1965 – С. Жапризо, П. Модиаго) – в основе – проблема идентичности героя; здесь ставится под сомнение реальность художественного мира, в котором действуют персонажи.

5. Конспирологический (2004 – Ю. Кристева, А. Роб-Грийе, Ж. Эшноз, Л. Бине) – экспериментальный, игровой детектив, в котором интригой становится взаимодействие автора, читателя и текста.

6. Историографический (2013 – П. Леметр) – детективная интрига разворачивается в историческом контексте, при этом автор переосмысливает уже свершившуюся историческую ситуацию.

Каждый из перечисленных видов детектива обладает особенностями, которые позволяют говорить о своеобразии французской детективной прозы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Амирян, Т. Н.* Современный конспирологический детектив и метатекстуальный роман Юлии Кристевой / Т. Н. Амирян // Актуальные проблемы литературы и культуры. Вопросы филологии. – Ереван : Линва, 2011. – Вып. 4. – С. 18–26.

2. *Буало–Нарсежак.* Детективный роман / Буало–Нарсежак // Как сделать детектив. – М. : Радуга, 1990. – С. 192–225.

3. *Орозбаев, К. Н.* Стиль нуар в классическом и современном искусствоведении / К. Н. Орозбаев // Вестн. ВГИК. – 2017. – № 31. – С.102–118.

Поступила в редакцию 28.10.2021

УДК 821.133.1-3.09

Рыдлевская Анастасия Сергеевна
магистр филологических наук,
аспирант кафедры зарубежной литературы
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Anastasia Rydlevskaya
MA in Philology, PhD Student
of the Department of Foreign Literature
Belarusian State University
Minsk, Belarus
arydlevskaya@gmail.com

ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТВОРЧЕСТВА СИЛЬВИ ЖЕРМЕН

PHILOSOPHICAL AND AESTHETIC FOUNDATIONS OF SYLVIE GERMAIN'S NOVELS

В статье представлен анализ философско-эстетических принципов современной французской писательницы Сильви Жермен. Мировоззренческую основу художественного универсума С. Жермен составляют этическая философия Э. Левинаса и религиозно-философские идеи С. Вейль. Мифопоэтика ее романов, в свою очередь, является не только проекцией мифа в литературном тексте, но и целостной художественной системой.

Ключевые слова: мифопоэтика; Другой; мифопоэтическая модель мира, роман-миф; мифологизация; метамодернизм.

The research presents an analysis of philosophical and aesthetic foundations of the work of Sylvie Germain – a modern French writer. The philosophical basis of the artistic universe of S. Germain relies on the ethical philosophy of E. Levinas and religious ideas of S. Weil. The mythopoetics of her novels is not only a projection of myths in a literary text, it also helps to create an integral artistic system.

Key words: mythopoetics; the Other; mythopoetic model of the world, novel-myth; mythologization; metamodernism.

Сильви Жермен (Sylvie Germain; род. в 1954 г.) – современная французская писательница, философ, автор многочисленных романов, эссе по искусству. В своих произведениях С. Жермен обращается к мифологии как к универсальному моральному фундаменту человечества, извлекая из древних мифологем сущностные паттерны коллективного бессознательного и актуализируя нравственное ядро библейских сюжетов в мире после Холокоста. Это укладывается в рамки формирующейся культурной парадигмы метамодерна (в терминологии Р. ван ден Аккера, Т. Вермюлена), которую определяет отход от тотального релятивизма постмодерна и возврат к поиску общечеловеческой истины. Наиболее востребованной жанровой моделью в творчестве С. Жермен, позволяющей ей создать оригинальную мифопоэтическую модель мира, является роман-миф. Особую значимость для литературоведения представляет мифопоэтика ее романов, которая становится не только художественной проекцией мифа в литературном тексте, но и целостной художественной системой. Творчество С. Жермен уникально и с эстетической, и с этической точек зрения. Писательница вырабатывает этическую базу своего художественного универсума на основе гармоничного синтеза идей метафизической философии Э. Левинаса, религиозных размышлений С. Вейль, христианского мистицизма.

Формирование философских взглядов автора приходится на время учебы в университете, где она посещает лекции французского философа Э. Левинаса, пишет и защищает под его руководством диссертацию. С. Жермен переводит на язык образов философские идеи Э. Левинаса, наибольшую важность из которых для автора представляют такие категории, как Я и Другой, Тотальность, Бесконечное, Лицо. Фигуре Другого и его взаимоотношениям с Я уделяется одно из ключевых мест в творчестве писательницы. Э. Левинас кардинально переосмысливает вопрос о свободе и вседозволенности Я, об ответственности перед Другим, о причинах и способах преодоления Тотальности (она, в свою очередь, рассматривается философом как уподобление иного тождественному: любого проявления иного Другого по отношению к Я). Свобода Я ограничивается экзистенцией Другого, однако Другой при этом не стесняет Я, а лишь ставит под вопрос безграничность своеволия Я. Как пишет А. В. Ямпольская: «Левинас хочет буквально любой ценой избежать гегелевской ситуации столкновения двух свобод, в которой одна стремится поглотить другую, о чем он сам явно говорит, и ради этой цели он ставит “неуспех общения” как своего рода цель» [1, с. 7–21].

Новое понимание отношений Я и Другого формируется как попытка выявить корень проблемы коммуникации между людьми, по мнению философа, всегда приводящий к насилию. Так, каждый человек отделен от других и замкнут в себе. Другой в глазах Я дегуманизируется и превращается в объект. Поэтому самым главным событием в жизни человека, по мнению Э. Левинаса, является Другой и встреча с ним, так как именно тогда Я осознает себя и наделяет смыслом свою экзистенцию. Чтобы избежать насилия, Я должен ставить Другого на первое место, ограничивая свою свободу ответственностью за свободу Другого. При этом именно ответственность Я за Другого позволяет вывести Я на трансцендентальный уровень. Так, *ответственность*, по Э. Левинасу, «это более строгое название того, что обычно именуют любовью к ближнему, милосердием <...>. Я ответственен за Другого даже тогда, когда он совершает преступление. Это сущность человеческого сознания: все люди ответственны одни за других, и Я – больше всех других <...>. Ответственность за Другого – вот призвание человека в бытии; становясь ответственным, я обретаю высшую реальность» [2, с. 231]. Факт появления Другого раскрывается философом через категорию Лица. Э. Левинас определяет этическое измерение через доступ к Лицу Другого, так как Лицо незащитно перед насилием и в то же время Лицо – то, что запрещает убивать. Лицо – это категория этики, которая может быть выражена библейским императивом «не убий» [3]. Появление Другого в виде Лица Э. Левинас называет эпифанией, что выводит данную этическую категорию в метафизическую область, ассоциируя ее со священным явлением. Идеи философа тесно связаны с трагическими событиями XX века. По Левинасу, этическая категория Лица является необходимостью, призванной восстановить личность Другого и не допустить насилие.

Многие идеи философа становятся путеводной звездой для С. Жермен в поисках ответов на важнейшие вопросы, которые она рассматривает в рамках своего художественного универсума: природа зла и его места в мире и проблема Молчания Бога. Эти вопросы, как и философские категории Э. Левинаса, актуализируются после трагедий XX в. как попытка осознать природу тотального насилия, которое поставило под сомнение все гуманистические идеалы западноевропейской мысли того времени. С. Жермен называет XX в. «веком геноцида» [4] и в большинстве своих романов прямо или косвенно обращается к событиям мировых войн, Холокоста, Алжирской войны, особое внимание уделяя месту личности в круговороте Истории. С. Жермен интересуется феноменом зла как таковой, проблема человеческого насилия и его последствий, поэтому История у С. Жермен носит, скорее, обобщенный характер. На первый план многих своих произведений автор выносит образ Жертвы, чей опыт составляет основу повествования. Например, в диалогии «Книга ночей» («Le Livre des nuits», 1985) и «Янтарная ночь» («Nuit-d'Ambre», 1987) жизнь семи поколений семьи Пеньелей развивается на фоне непрекращающихся войн конца XIX – начала XX века. Однако войны показаны опосредованно, без исторической конкретики: они образуют единый фон насилия, так как для С. Жермен важно показать

именно человека, живущего в таком мире. Насилие наносит героям травму, причем как прямым образом, задевая непосредственных участников военных действий, так и косвенно – передаваясь от травмированного войной предка будущим поколениям, живущим в мирное время. Не только войны приносят героям страдания, но сама жизнь персонажей наполнена болью (смерть близких, расставания и др.)

Мир в универсуме С. Жермен отражает всю трагичность XX в.: в романах писательницы зло – неминуемая часть жизни всех персонажей, а пути, которые проходят герои, связаны с фигурой Другого, ее принятием или непринятием. Более того, часто сами герои-жертвы выступают в роли Другого. Абсолютным Другим и в философии Э. Левинаса, и в универсуме С. Жермен можно считать Бога. Проблема его Молчания связана с закономерным вопросом веры и возможности существования Бога в «век геноцида». Автор так формулирует эту проблему в своем религиозно-философском размышлении «Эхо тишины» («Les échos du silence», 1996): после опыта XX века невозможно согласиться с утверждением, что Бог и всеведущ, и всеблаг. Это рождает два пути развития веры:

1. Понимание, что всеблагостью Бог, должно быть, вовсе не всеведущий, раз допустил такие чудовищные трагедии (это, по мнению С. Жермен, путь, который предлагается Иову).

2. Обратное понимание, что Бог вовсе не благой, раз он всемогущий, так как все трагедии происходили либо с его молчаливого согласия, либо лично осуществлялись по его воле [4].

И первый, и второй вариант, по мнению писательницы, приводит либо к фанатичной вере вопреки логическим выводам, либо к атеизму. Однако в своих романах С. Жермен ведет героев по третьему пути, который основывается на синтезе размышлений французской религиозной мыслительницы Симоны Вейль с метафизической философией Э. Левинаса. Так, С. Вейль считала, что Бог существует лишь в форме отсутствия, а почувствовать его присутствие можно только находясь в состоянии крайних лишений. С. Жермен приводит ее слова как подкрепление собственных мыслей в эссе «Эхо тишины»: «Если человек любит Бога, думая, что тот не существует, то именно в таком случае Бог проявит свое бытие <...>. Бог может существовать в мире только в форме отсутствия» [4, р. 35] [перевод наш. – А. Р.]. Э. Левинас же, в свою очередь, считал, что экзистенция Другого оказывается фактом, обосновывающим существование Бога: Бог находится и, следовательно, существует по ту сторону сущего, а по эту сторону Он отсутствует, то есть Бог в мире «по эту сторону» есть «абсолютно Отсутствующий». Другой есть присутствие Бога в его отсутствии «по эту сторону». С проблемой Молчания Бога также связано понимание ответственности за Другого как чего-то, что наделяет Я трансцендентностью.

Писательница объединяет мысли двух философов в своем универсуме: Бог присутствует в своем отсутствии, Молчание Бога – Его высшая благодать человечеству, ведь так Он наделяет человека ответственностью, а значит, и свободой. В романах С. Жермен повествование построено таким образом,

что герои, подвергающиеся насилию и переживающие трагедии, в итоге приходят к пониманию парадоксального тезиса «Бог присутствует в своем отсутствии». Такими персонажами можно назвать Дебору и Товию из романа «Книга Товита» («*Tobie des marais*», 1989), Виктор-Фландрена Пеньеля из «Книги ночей», Шарля-Виктора Пеньеля из «Янтарной ночи» и многих других. Третья интерпретация Молчания Бога, которую предлагает автор, строится в романах по принципу апофатического богословия или негативной теологии – особого богословского метода, заключающегося в постижении Бога через понимание того, чем он не является. Так, герои приходят к принятию пустоты и смирению с молчанием, проживая именно негативный жизненный опыт: катастрофы, войны, смерти.

Свои философские и религиозные размышления С. Жермен транслирует в текстах на языке мифов и мифологем, выражая идеи в виде метафор и поэтических образов. Магистральными мифологемами универсума С. Жермен можно назвать: сюжет о борьбе Иакова с Богом, сюжет об Иове, образы Каина и Авеля, образ Богородицы и др. В этих мифологемах обнаруживается прямая связь с левинасовской этикой. Так, например, сюжетообразующей мифологемой в ранних романах Жермен («Книга ночей» и «Янтарная Ночь») является борьба с ангелом, которого автор представляет как одну из форм встречи Я и Другого по Левинасу. В романе «Дни гнева» ключевой образ Богородицы соотносится с этической категорией Лица по Левинасу. В «Книге Товии» мифологической базой, представляющей наглядный путь преодоления героем травмы через встречу с Другим, служат сюжеты из Книги Товита.

Центральное место в творчестве С. Жермен занимает образ невинной Жертвы. Универсум автора населяют дети, сироты, старики, травмированные насилием люди или герои, отличающиеся от «нормы». По Э. Левинасу, они – те Другие, ответственность Я за которых будет изначально максимальной. Следовательно, такого рода расстановка персонажей сразу выводит повествование в этическую плоскость, где рассматривается возможность преодоления насилия Я над Другим. Помимо этого, образ невинной жертвы у С. Жермен коррелирует с мифологемами Иова и Авеля – невинных жертв в мире, где существует справедливый и всемогущий Бог. Важно отметить, что XX в. С. Жермен называет также «веком Авеля» [4]. Так, главный герой романа «За столом с людьми» («*À la table des hommes*», 2015) Вавилон – мальчик-свинья, чудесным образом превратившийся в человека. У него нет памяти, он одинок и безроден, а в начале романа не умеет общаться с людьми. За то, что он отличается от остальных, деревенские дети решают его унижить. С. Жермен подробно описывает жестокую сцену издевательств и избиений, которым подвергается Вавилон. Примечательно, что к концу романа связь главного героя с мифологическим Авелем становится очевидной, так как Вавилон, начав поиски определения слову *Бог*, самостоятельно меняет имя на *Авель*. Такой же невинной жертвой в романе «Товий болотных земель» выступает тихая и кроткая Валентина. Ее с необъяснимой жестокостью только за способность любить унижает собственный муж Артур. В романе

«Янтарная ночь» похожим персонажем-жертвой становится близорукий мальчик-мечтатель Розелен. Главный герой Шарль-Виктор (по прозвищу Янтарная Ночь) убивает его за желание с ним дружить.

Примечательно, что автор при описании таких персонажей обращает пристальное внимание на их глаза и обязательно делает упор на встрече убийцы/насилъника с лицом жертвы. Так, например, в «Янтарной ночи» представлен момент после убийства: *Он видел их впервые, глаза Розелена. Глаза, большие не скрытые очками, не искаженные толстыми близорукими стеклами <...>. В глазах, ставших зеркалами, он заметил отражение своего собственного лица* [5, с. 265–266]. С. Жермен обращается к категории Лица по Левинасу, которая отражает этическое измерение отношений Я и Другого. Автор фиксирует внимание читателя на лице Другого, подробно описывая глаза, благодаря чему раскрывается установленная связь Я и Другого. Янтарная Ночь встретился с Другим – Лицом к Лицу с убитым им Розеленом. Только после этого он по-настоящему увидел Другого и себя: его лицо отразилось в глазах жертвы. Через взаимодействие с лицом Другого, его взглядом, писательница раскрывает этическую трансформацию персонажей, так как встреча Лицом к Лицу, как правило, приводит к осознанию Тотальности Я или же направляет Я на путь встречи с Абсолютно Иным (Богом). В приведенном романе встреча главного героя с Абсолютно Иным разворачивается и на мифологическом уровне. В главе «Ночь Ангела» автор использует матрицу библейского сюжета о борьбе Иакова с Богом. Непосредственная внешняя и внутренняя структурная схожесть с библейской историей выражена в сцене, когда Янтарная Ночь идет в лес, чтобы повеситься. В романе сюжет о борьбе Иакова с Ангелом преобразован через авторское видение, однако сохраняется основа исходного мифа, а именно: главный герой встречается неизвестного, борется с ним всю ночь и на рассвете получает освобождение. Различия кроются в деталях. Так, в Библии нам понятно, что с Иаковом борется божественная сущность, в то время как в романе возникают сомнения: противником может быть незнакомец, ангел, Бог или галлюцинация главного героя. Но для автора, в первую очередь, данный миф важен с точки зрения символического выражения борьбы Я и Другого. Важным отличием от библейского сюжета у С. Жермен становится развязка. Сцена борьбы в романе происходит в полной тишине и тот, с кем боролся всю ночь Янтарная Ночь – Огненный Ветер, победил его не ударом в бедро, а поцелуем в глаза, чем устранил все ожесточение, ярость и безумие.

Писательница обращается к библейскому сюжету не только как к идейной матрице своих романов, подчиняющей структуру произведения, но пытается реализовать на уровне поэтики сам принцип мифологического мышления. В роли нейролингвистического средства влияния на сознание реципиента выступает мифопоэтика, нацеленная на достижение более чувственного и иррационального понимания текста. В связи с этим в романах-мифах С. Жермен, как правило, присутствует ряд языковых средств (полисиндетон, параллелизм, аллитерация, ассонанс, разноуровневые повторы, рифмованная проза), благодаря которым достигается эффект изменения сознания реципи-

ента и введения его в сферу восприятия бессознательного. В особом сочетании синтаксические, лексические и фонографические повторы способны создать мифопоэтику, которая характерна для религиозных писаний, древних сакральных текстов. Например, в ранних романах «Книга ночей» и «Янтарная ночь» на фонографическом уровне писательница ритмически структурирует текст благодаря рифмам, ассонансам и аллитерациям, приближая свою прозу к поэзии. В ее произведениях часто встречаются строки с внутренней рифмой: *Le cri très muet de ses compagnons écorchés, était entré en lui et s'était imposé tel l'ennemi l'avait voulu: parfaitement barbare. Un sang sacré, d'où toute sainteté était exclue*¹ [6, p. 132].

Такие ритмизованные фразы чаще встречаются в наиболее эмоционально напряженных моментах в тексте. Так в романах-мифах на уровне поэтики подчеркивается связь с библейскими сюжетами, лежащими в их основе. Писательница часто излагает одну и ту же мысль несколькими способами, стремясь при этом выстроить фразы парами. Связи между структурными элементами разнообразные, при этом все предложения включены в общую цепь высказывания: «...*la guerre qui sans cesse faisait retour, avait coupé la parole des hommes, toute parole. La guerre, qui venait de réduire en cendres le nom, le corps, la voix, de millions et de millions d'Etres. La guerre, qui avait réduit néant l'...*»² [6, p. 17]. Такое обращение автора с мифологическим материалом можно считать закономерным современной ей эпохе, тенденцией которой является неироничное, но одновременно непатетическое обращение к универсальному и архетипическому, что можно увидеть на примере все возрастающего интереса к мифу и «великим нарративам». Мифология, с позиции метамодерна, выступает как свидетельство пользы человеческих усилий, их необходимого свершения, как вечный акт утверждения жизни и развития в противовес окружающему хаосу и симулякрам реальности. В творчестве С. Жермен обнаруживаются фундаментальные основы новой культурной парадигмы метамодерна. Для автора мифология становится способом выхода за рамки тупика эпохи в поле трансцендентного.

Таким образом, философская составляющая романов С. Жермен тесно сплетена с эстетикой произведений автора. Мировоззренческая основа романов писательницы, представляющая собой особый сплав философских идей Э. Левинаса и размышлений С. Вейль, определяет творческие принципы, которыми руководствуется С. Жермен при создании мифопоэтической модели мира. Авторская мифопоэтика становится наиболее адекватным способом передачи столь сложных и метафизических философских идей. Писательница выражает их через образный язык мифов и мифологем, одновременно транслируя свои идеи на всех уровнях текстов.

¹ 'Немой крик его растерзанных товарищей вошел в него и предстал таким, каким и был угоден врагу: совершенно варварским. Священная кровь, начисто лишенная святости' [5, с. 136].

² 'Хотя война, беспрестанно возвращавшаяся война лишила людей слова, всякого слова. Война, обратившая в пепел имя, тело, голос миллионов и миллионов существ. Война, обратившая в ничто душу стольких людей, царя во времена убийц' [5, с. 9].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ямпольская, А. В. Ранний Левинас: проблемы времени и субъективности / А. В. Ямпольская. – М. : МГУП, 2002. – С. 7–22.
2. Левинас, Э. Тотальность и Бесконечное / Э. Левинас ; пер. И. С. Вдовиной. – СПб. : Университетская книга, 2000. – 416 с.
3. Parapone, M. J. An aesthetic of ethics: Sylvie Germain's Levinasian allegory of modernity / M. J. Parapone. – Univ. of Georgia, 2009. – 111 p.
4. Germain, S. Les échos du silence / S. Germain. – Paris : Albin Michel, 1996. – 109 p.
5. Жермен, С. Янтарная Ночь / С. Жермен ; пер. Л. Н. Ефимов. – М. : Амфора, 2003. – 389 с.
6. Germain, S. Nuit-d'Ambre / S. Germain. – Paris : Folio, 1987. – 429 p.

Поступила в редакцию 18.11.2021

УДК 811.133.1'42:82-053.2

Крючкова Анна Евгеньевна

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой фонетики
и грамматики французского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Hanna Kruchkova

PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Department
of French Phonetics and Grammar
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
kruchkova.hanna@gmail.com

Тимошенко Екатерина Александровна

выпускник
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Ekaterina Timoschenko

Graduate
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
katerinatm25@mail.ru

СПЕЦИФИКА НАПИСАНИЯ РАССКАЗОВ ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА НА РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

PECULIARITIES OF WRITING STORIES IN RUSSIAN AND FRENCH FOR PRIMARY SCHOOL CHILDREN

Авторы статьи рассматривают лексико-грамматические и стилистические особенности рассказов для детей на русском и французском языках. В ходе проведенного анализа установлено, что в произведениях для младших школьников используются такие лексические единицы, которые соответствуют литературным нормам и учитывают психофизиологические особенности развития ребенка. Выявлено активное использование

условного и повелительного наклонений, эмоционально окрашенных вопросительных и восклицательных предложений, междометий, а также различных форм обращения, которые служат для создания экспрессивности текста. Язык анализируемых рассказов стилистически ограничен.

К л ю ч е в ы е с л о в а : *детская литература; художественное произведение; лексические единицы; стилистические приемы; грамматика текста.*

The article is devoted to defining lexical, grammatical and stylistic features of short stories for children in Russian and French. The analysis leads to the conclusion that the vocabulary of children's stories is rich in the variety of lexical means, which corresponds to literary norms and takes into account psychophysiological characteristics of child development. The authors identify the active use of conditional and imperative moods, emotionally coloured interrogative and exclamatory sentences, interjections and various forms of address to create expressiveness. The language of the stories under analysis is stylistically limited.

К e y w o r d s : *children's literature; a work of fiction; lexical units; stylistic devices; text grammar.*

Своеобразие детской литературы определяется задачами, стоящими перед ней, ее эстетической функцией, особенностями построения словесных образов. Известно, что дети обладают повышенной речевой одаренностью: не зная слова для обозначения нужного предмета или понятия, ребенок легко создает новое из знакомой ему лексики [1, с. 311].

Анализ рассказов для детей младшего школьного возраста (материалом для исследования послужили произведения на французском языке из серии «Les histoires du Père Castor» 'Сказки Дядюшки Бобра' и цикл историй «Знаменитая собачка Соня» русского писателя А. Усачева) показал, что такие «неологизмы» – явление достаточно распространенное в русском языке. Например, в рассказе «Холодильник» персонаж использует словосочетание *прятальное место* для описания места, в котором можно укрыться во время игры в прятки. Во французских рассказах подобного рода словотворчество не находит своего отражения.

Характерным в произведениях для младших школьников на обоих анализируемых языках является употребление большого количества междометий (*aaaaaaah!* 'а-а-а', *ah ah ah* 'ха-ха-ха', *aïe...aïe...aïe!* 'ай-ай-ай', *bah* 'ну', *berk!* 'фу', *bla bla bla!* 'бла-бла-бла', *brrrr...* 'бррр...', *chuuuut!* 'тссс', *driiing!* 'дзынь', *eh* 'эй', *hein* 'не так ли', *hop!* 'хоп', *hou-hou* 'ку-ку', *miam...miam* 'ням-ням', *oh* 'ох', *oh là là!* 'ого', *ouaou!* 'вау', *ouf!* 'Слава Богу!', *pouf!* 'пуф', *toc toc toc!* 'тук-тук-тук'; *a-a-a, aga!, надо же!, ну, о!, ой-ой-ой, ой!, у-у-у..., ура!, ух ты!, ха-ха-ха!, эй!, эх...* и др.), которые «приглашают» читателя к участию в описываемых событиях [2, с. 50].

Использование фразеологических оборотов в детском произведении должно быть строго мотивированным, так как ввиду своего возраста ребенок не всегда может правильно отличить прямое значение от переносного. Показательным в этом отношении является один из рассказов на французском языке, в котором выражения *afficher la tête de cochon* 'упрямиться'; *avoir un noeud dans le ventre* 'переживать'; *faire des pieds de nez* 'оставить

в дураках»; *prendre la poudre d'escampette* 'удраться'; *se retrouver nez à nez* 'натолкнуться, встретиться лицом к лицу'; *elle croque la vie à pleines dents* 'брать от жизни все, наслаждаться жизнью'; *un monster de travail* 'работяга'; *être aux petits oignons* 'быть окруженным заботой'; *mignon à croquer* 'прехорошенький' ребенок-персонаж воспринимал по задумке автора в буквальном смысле, что привело к недопониманию между ребенком и взрослыми. На примере своего маленького персонажа писатель не только отчетливо показал, как могут быть интерпретированы ребенком устойчивые выражения, но и эксплицировал их смысл. В анализируемых рассказах на русском языке были выявлены только простые для интерпретации единицы: *держат слово, ни капельки, не давать покоя, дать знак* и др.

Специфика детских рассказов на французском языке проявляется в широком употреблении обращений к ребенку: *ma noisette* 'мой орешек' (в русском языке – *моя ягодка*); *mon oiseau* 'моя птичка'; *mon chéri, ma chérie, mes chéris* 'мой дорогой, моя дорогая, мои дорогие'; *mon bonhomme* 'мой малыш'; *ma petite* 'моя малышка'. Применив метод количественного подсчета, было установлено, что в среднем на одну историю приходится три обращения. В произведениях же на русском языке они встречаются реже: в исследуемом материале было выявлено только пять таких случаев (*собачка, милочка, гражданин/гражданка, глупая*).

В детских произведениях на русском языке активно используются глаголы, имеющие звукоподражательную природу (*бахнуть, завывать, квакать, пищать, плескаться, рычать, урчать, фыркнуть* и др.), и редупликаты, или экспрессивно окрашенные повторяющиеся слова, реализующие функцию усиления (*давным-давно, высокий-высокий, очень-очень, все-все-все, чего-чего, грустный-грустный, никогда-никогда, никого-никого* и др.). Повторы свойственны детям, так как происходит процесс овладения связи речи с ритмикой и рифмовым созвучием, а склонность к ритму и рифме является врожденной, генетически обусловленной особенностью восприятия [3, с. 7].

Интересен и факт выбора имен персонажей в произведениях на русском языке. Помимо назывной функции они призваны характеризовать своих носителей. Так, для передачи национальной принадлежности автор использует следующие зоонимы:

- *жираф Депардье* – проведена аналогия с именем известного французского актера Жерара Депардье, что позволяет сделать вывод о том, что данный персонаж является представителем французской нации;

- *бульдог Макс* – имя *Макс* является распространенным именем в Соединенных Штатах Америки, из чего следует, что персонаж является американцем;

- *скотчтерьер Джоржд* – название породы скотчтерьер так же, как и бульдог, заимствовано из английского языка, однако имя *Джордж* характерно для Великобритании. То есть речь идет о представителе британской нации.

Имена используются для отражения характера персонажа. Например, в фамилию *Пчелкина* автор вносит негативное значение назойливости, проводя ассоциацию с пчелой, норовящей ужалить. Данное утверждение подтверждается содержанием рассказа:

Дверь, противно скрипнула, приоткрылась, и из нее высунулся длинный, острый нос.

– Что?! – закричала соседка Пчелкина. – Совсем собаки распустились! <...> И близко не подходите... А то милицию вызову!!!

С помощью имени можно указать и на социальный статус. Так, для описания «интеллигентной» собаки А. Усачев использует сложное составное имя представительницы высшего слоя общества *Луиза-Мария-Гортензия*, бездомные собаки имеют широко распространенные клички *Шарик* и *Бобик*.

На грамматическом уровне обращает на себя внимание состав используемых в рассказах частей речи. Так, восприятие описаний требует образного мышления, смысловой сосредоточенности, что не соответствует психофизиологическим особенностям младшего школьника, которому интересны действия и события. В этой связи К. И. Чуковский отмечал, что глаголы – наиболее любимая детьми часть речи, – и учитывал это в своем творчестве [4, с. 167]. Данное наблюдение подтверждается и чешскими лингвистами, которые установили, что в текстах для младшего школьного возраста количество существительных не должно превышать 21 % всех слов [5, с. 309]. Только по мере взросления читателя их число увеличивается.

Синтаксис художественного произведения также обусловлен особенностями возраста читателя. По результатам исследований, оптимальная длина предложения для младших школьников – от семи до пятнадцати слов. Из видов связи предпочтительны бессоюзная и сочинительная. Подчинительная связь, отражающая сложные смысловые отношения между частями предложения, легко воспринимается только начиная с подросткового возраста [6, с. 56].

Проведенный анализ показал, что в рассказах для детей на французском и русском языках используются разнообразные грамматические средства, основная цель которых – обеспечить освоение родного языка ребенком.

1. Преимущественное употребление настоящего времени в рассказах на французском языке для описания действий в настоящем, будущем и прошлом (*Je ne veux pas aller à l'école!* ‘Я не хочу идти в школу!’; *Je pars en voyage à l'autre bout de la Terre* ‘Я собираюсь в путешествие на другой конец Земли’; *Un matin de décembre, les enfants rentrent dans la classe en soufflant sur leurs doigts rouges* ‘Одним декабрьским утром дети вернулись в класс, дую на свои красные пальцы, чтобы согреть’) и прошедшего времени в рассказах на русском (*По ошибке в мой почтовый ящик бросили ваше письмо; Соня обняла Жирафа за шею и съехала во двор и др.*).

2. Употребление простых предложений с прямым порядком слов и ограниченной длиной до 15 слов, не усложненных придаточными и сложной пунктуацией в произведениях на обоих анализируемых языках.

3. Сочинительная и бессоюзная связи для сложных предложений (*Maman est épatée, et papa l'est aussi* 'Мама поражена, и папа тоже'; *Maîtresse Poularde a envoyé une photo d'elle à ses anciens élèves, on ne la reconnaît plus en compagnie de plein de petits : elle sourit, elle est même devenu jolie* 'Учительница Пулард прислала свою фотографию бывшим ученикам, ее невозможно узнать рядом с малышами: она улыбается и даже стала милой'; *Соня от обиды даже захотела укунить его. Но побоялась: на боку у охранника висел пистолет* и др.). При этом характерной особенностью синтаксиса детских произведений на русском языке являются неполные предложения, в которых пропущен один или несколько членов предложения. Их употребление позволяет не перегружать текст однотипной лексикой и сокращает его длину: *И еще потому, что читать лучше при свете, а мечтать – в темноте; Значит, выключатель фонаря – на столбе; Киты в городе – здорово!* и др.

4. Употребление условного и повелительного наклонений для создания экспрессивности текста (в рассказах на французском языке сослагательное наклонение, требующее знания определенных грамматических конструкций, в основном исключено).

5. Наличие большого числа эмоционально насыщенных вопросительных и восклицательных предложений (*A mon commandement, avancez!* 'По моему приказу идите вперед!'; *Eh, regardez ce cartable!* 'Эй, посмотрите на этот портфель!'; *Спасайтесь, пожар!*; *Успокойтесь, гражданка!* и др.).

6. Употребление активного залога делает письменный текст более понятным и доступным. Было выявлено лишь несколько случаев использования пассивных конструкций в обоих анализируемых языках: *Chaque fois elle est arrêtée par des lettres un peu compliquées* 'Каждый раз ее останавливали немного сложные буквы'; *Ils sont remplis de graffitis* 'Они были заполнены граффити'; *Les livres étaient choisis* 'Книги были выбраны'; *La décision est prise* 'Решение принято'; *Соня видела, как у одного прохожего ветром сдуло шляпу и унесло на другой край света, точнее, двора.*

Стоит отметить, что особенности стиля детских произведений в той или иной степени проявляются на разных уровнях. Фонетический и графический задействованы меньше других, как правило – для создания юмористического эффекта. Так, например, в рассказе «Garde à vous, les poux!» 'Смирно, вши!' писатель передает особенности детского неправильного произношения, используя свистящий звук [z] вместо шипящего звука [ʒ]: *Ze ne sais pas ce qui se passe, LES GRANDES DENTS sont passées et les ont tous ézectés, même mon copain Poulux* 'Я не жнаю, что происходит, БОЛЬШИЕ ЗУБЫ прошли и выгнали всех, даже моего друга Пулюкса'.

Аналогичный прием встречается и в рассказе на русском языке «Дикая собака Соня», главным персонажем которого является щенок. Лай собаки имитируется глухим звуком [ф] вместо звонкого [в] и дублированием первого слога в словах, которые начинаются с сочетания букв -ав: *Аф-афстралия...очень красиво звучит. Наверное, ее так называли собаки;*

У Ивана Ивановича было три шляпы: летняя соломенная, осенняя обычная и иностранная – с перышком. Соня называла ее **аф-аф-аф**стрийской, потому что ее привезли из далекой страны **Аф-аф-аф**стрии; Соня не знала, что это [автограф. – Е. Т.], но слово понравилось: в нем было сразу два «аф» – в начале и в конце.

– А что такое **аф-аф**тограф? – спросила она.

При этом данные слова всегда повторяются в правильном варианте другими персонажами, чтобы ребенок воспринимал и нормативную версию их произношения. Например:

– А **Аф-аф**стралия далеко? – спросила она у Иван Ивановича.

– Очень далеко...

– И там живут собаки?

– Конечно, – сказал Иван Иванович. – В **Австралии** живут настоящие собаки динго...

Исследователи, тем не менее, отмечают, что такой прием нецелесообразно использовать в литературе для дошкольного возраста: ребенок в этом возрасте не сможет оценить речевой комизм [6, с. 56].

Несмотря на то, что одним из основных требований к лексике детского художественного произведения является ее соответствие нормам литературного языка, в рассказах на французском и русском языках использование слов разговорного стиля, как показал анализ, вполне допустимо: *chipper* ‘стащить’, *embêter* ‘изводить’, *frimer* ‘выпендриваться’, *rapoter* ‘болтать’, *se chamailler* ‘ругаться из-за пустяков’, *se ficher* ‘наплевать’; *вопить*, *дурак*, *профукать*, *тормошить*, *шнырять* и др. В рассказах на русском языке такие лексемы в основном имеют пейоративную коннотацию, выражающую негативную оценку человека, предмета или явления, а также неодобрение, порицание, иронию или презрение.

В детских произведениях важная роль отведена тропам. Так как у ребенка преобладает наглядно-образный тип мышления, использование простых форм средств художественной выразительности обеспечивает зрительное представление ситуации и оперирование образами составляющих ее предметов. В рассказах на французском и русском языках установлено использование следующих стилистических приемов:

- эпитетов, позволяющих представить характеристику предмета, его цвет, форму или размер (*un mauvais caractère* ‘плохой характер’, *une mangue salée* ‘соленое манго’, *une robe bleue* ‘синее платье’, *des poissons bariolés* ‘пестрые рыбы’; *высокое дерево*, *темный лес*, *горячая вода*, *теплое одеяло*, *пустая банка* и др.);

- сравнений, основанных на сопоставлении одного явления или понятия с другим уже знакомым для ребенка (*Vaïmiti secoue la tête comme une noix de coco qui va tomber* ‘Ваимити качает головой, словно кокос, который вот-вот упадет; *Madame Sylvette était habillée comme un mannequin de mode* ‘Госпожа Сильвет была одета, как модель’; *Elle ressemblait à un grand oiseau qui veut s’envoler, mais n’y parvient jamais* ‘Она была похожа на большую птицу,

которая хочет улететь, но никак не может этого сделать’; *Иногда холодильник стоял тихо, а иногда начинал урчать, как сытый кот; Но мысли, словно воры, снова полезли в голову; Но не могла же Соня, стать лысой, как их сосед Тим Собакин или как китайские хохлатые собачки и др.*);

- метафор (используются редко, так как ребенок не всегда может самостоятельно найти сходства двух предметов или явлений по признаку, на котором они основываются) – в одном из рассказов на французском языке встречается метафора *les grands dents* ‘большие зубы’ в значении *une peigne* ‘расческа’; на русском языке – *хобот с усами* и *брюхо пылесоса* для обозначения пылесоса;

- олицетворений, служащих для создания ярких и выразительных образов (*les mots s’envolent, se mélangent et s’entrechoquent* ‘слова разлетаются, смешиваются и сталкиваются’; *Natalie a les cheveux courts et des yeux qui rient* ‘у Натали короткие волосы и беззаботные глаза (досл. *которые смеются*)’; *le pinceau court sur le papier* ‘кисть бежит по бумаге’; *Мебель злой быть не может, – возразил Иван Иванович. – Еще как может, – подумала Соня. – Взять хотя бы хромой стул, который то и дело норовил упасть и прищемить ей хвост! А вот буфет был добрый. И холодильник был добрый. Только немного трусливый и всегда дрожал, когда его открывали...; Но зимой Соня бегала, и бегала так быстро, что мороз не успевал ее догнать и схватить своей ледяной рукой и др.*);

- метонимии (*la classe fond en la regardant* ‘класс тает, глядя на нее’; *la classe a ri de Bob* ‘класс посмеялся над Бобом’; *Дверь противно скрипнула, приоткрылась, и из нее высунулся длинный, острый нос*).

Каламбур в серии рассказов для детей на русском языке позволяет использовать в контексте разные значения одного слова или словосочетания: *Не знаю, приношу ли я пользу, но палку Ивану Ивановичу я всегда приношу; Порой бывает совсем непросто: иногда найти ответ куда сложнее, чем конфетку в шкафу или косточку в холодильнике; Очень большие – это такие вопросы, которые не уместались в голове даже у Ивана Ивановича, хотя голова у него была немаленькая и шляпу он носил шестидесятого размера.* В данном случае речевой комизм не предусматривает создание двусмысленности и не стремится ввести в заблуждение читателя, так как таким образом автор демонстрирует наивную манеру восприятия реальности щенком, сравнивая его с ребенком.

Характерной особенностью произведений для детей на русском языке является наличие большого количества уменьшительно-ласкательных слов: *собачка, конфетка, ослик, вазочка, дяденька, тарелочка, перышко, песочек, тортик, вишенка, бумажка, лужайка, хвостик, цветочки, формочки, лопатка* и др.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что требования к построению художественного произведения, адресованного ребенку, обусловлены в первую очередь возрастными возможностями читателя воспринимать текст.

В рассказах на обоих анализируемых языках отмечается активное употребление междометий. Спецификой же французских произведений является частотность использования обращений, тогда как рассказы на русском языке отличаются сложной системой именования персонажей. Фразеологические обороты употребляются с осторожностью, так как могут вызвать определенные сложности при их интерпретации.

В текстах на французском языке преобладает настоящее время для описания действий в настоящем, будущем и прошлом; в русском языке преимущественно используется прошедшее время. В обоих языках выявлено большое число эмоционально насыщенных вопросительных и восклицательных предложений, глаголов в форме условного и повелительного наклонений.

Из стилистических приемов младшие школьники легко воспринимают эпитеты, сравнения, которые помогают представить форму предмета, его размер и цвет, а также олицетворения и повторы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арзамасцева, И. Н.* Детская литература : учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений / И. Н. Арзамасцева, С. А. Николаева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Издат. центр «Академия», 2005. – 576 с.
2. *Елисеева, М. Б.* Художественный текст как главный источник освоения ребенком стилистики родного языка / М. Б. Елисеева // Русская литература в формировании современной языковой личности. Материалы конгресса МАПРЯЛ; Санкт-Петербург, 24–27 окт. 2007 г. – СПб. : МИРС, 2007. – Ч. 1. – С. 46–50.
3. *Голубовский, М. Д.* Слова-повторы в языке (редупликация) / М. Д. Голубовский // Нева. – 2011. – № 7. – С. 186–193.
4. *Чуковский, К. И.* От двух до пяти / К. И. Чуковский // Собрание сочинений : в 15 т. – М., 2001. – Т. 2. – 640 с.
5. *Антонова, С. Г.* Редакторская подготовка изданий / С. Г. Антонова [и др.]. – М. : МГПУ, 2002. – 468 с.
6. *Зылевич, Д. П.* Редакторская подготовка изданий для детей / Д. П. Зылевич. – Минск : БГТУ, 2012. – 210 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. *Усачев, А. А.* Знаменитая собачка Соня / А. А. Усачев. – М. : РОСМЭН, 2017. – 80 с.
2. *Bertron-Martin, A.* Le père Castor raconte ses histoires d'école / A. Bertron-Martin. – Paris : Flammarion, 2014. – 127 p.

Поступила в редакцию 02.11.2021

Халипов Виктор Викторович

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры зарубежной литературы
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Victor Khalipov

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Foreign Literature
Belarusian State University
Minsk, Belarus
victor.khalipov@gmail.com

МОТИВ РИТУАЛЬНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ КОРОЛЯ В РАССКАЗЕ ДЖ. Р. КИПЛИНГА «ДОЛГ»

THE MOTIF OF A RITUAL JOURNEY OF THE KING IN J. R. KIPLING'S SHORT STORY "THE DEBT"

Практика ритуальных путешествий древнеанглийских королей к местам сражений и захоронений павших, рано отождествленная со странствиями персонажей артуровского цикла и христианскими паломничествами, имеет многочисленные проекции в английской литературе. Неожиданно актуализированным этот мотив оказывается и в рассказе Дж. Р. Киплинга «Долг» (1930). Поведанное нам устами рассказчика-индийца повествование о посещении Георгом V «городов мертвых» погибших в Первой мировой войне воспроизводит важнейшие элементы подобных архаических сакрализованных практик.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Киплинг; древнеанглийская литература; ритуальное путешествие; сакрализованная могила; мотив болезни; циклическое время; фрагментированный хронотоп.

The practice of ritual journeys of the Old English kings to the cemeteries and battlefields, initially associated with King Arthur's characters and Christian pilgrimage, has many projections in English literature. This motif is peculiarly actualized in J. R. Kipling's short story "The Debt" (1930). Being told by an Indian narrator, it describes the visit of King George V to "the cities of the dead" who died in the Great War, and reproduces the most important elements of such archaistic sacralized practices.

К е у w o r d s: Kipling; Old English literature; ritual journey; sacralized entombment; disease motif; cyclical time; fragmented chronotope.

Практика ритуальных путешествий древнеанглийских королей к местам сражений и захоронений павших, рано отождествленная со странствиями персонажей артуровского цикла и христианскими паломничествами, имеет многочисленные проекции в английской литературе. В первую очередь речь здесь идет о художественных текстах, стоящих у истоков национальной культурной традиции, – народно-эпической литературе, архаическом поэтическом наследии донормандского периода, англосаксонских хрониках, а также о некоторых произведениях ранней авторской литературы, вышедших из-под пера Нэнния [1], Беды Достопочтенного [2], Гальфрида Монмутского [3]. При всем разнообразии обнаруживаемых в них версий представляется возможным на их основе реконструировать основные струк-

турные элементы подобных путешествий, восходящих к древнейшим языческим традициям англов, саксов и ютов, а впоследствии интерпретированных в фольклорной традиции не без влияния мифологических мотивов кельтского происхождения.

1. Объектом посещения в путешествиях подобного типа, к которому, собственно, и направляются древние короли (как легендарные правители англосаксонских и кельтских королевств Британии и Ирландии, так и монархи, имеющие реальных исторических прототипов) является некое «место славы»*. Это – могильный курган либо просто место захоронения павших. В гептархической Англии доминируют природные ландшафты, виды ранних королевств скудны на рукотворные достопримечательности, и именно курганы подчеркнута акцентируются в художественном пространстве произведений как значимые культурные маркеры территорий.

2. Захоронения располагаются на периферии освоенного культурного пространства, на окраинах владений короля или вообще за их пределами. Иногда они маркируют край Британии как острова в целом, как бы дополнительно отделяют его от остального мира, либо локализуются за ее пределами, в континентальной Европе, в Ирландии или же вообще на каких-то реально не существующих островах. Неслучайно, например, курган Беовульфа располагают не в центре, а на самом краю его королевства, на берегу моря. Аналогичным образом расположено место погребения Друстана и Исонды – легендарно-мифологических кельтских прототипов куртуазных Тристана и Изольды. Да и Авалон как место погребения (либо «условно посмертного» пребывания) раненого короля Артура лежит за пределами Британии. Редуцированные отголоски этой давней культурной парадигмы спорадически прослеживаются вплоть до викторианской эпохи, обнаруживая себя, например, в «Королевских идиллиях» («*Idylls of the King*», 1859–1885) Альфреда Теннисона [4].

3. Маршрут движения от кургана к кургану представляет собой некую линию (условный круг), обозначающий границы освоенного культурного пространства, противопоставляемого «внешнему» миру, мыслящемуся как потенциально враждебный. Символические перемещения аллегорической фигуры персонажа-короля в границах круглой сцены-арены впоследствии стали одним из важных компонентов системы сценографических условностей английского средневекового театра. Подобную фигуру монарха мы встречаем, например, в моралите «Король Жизни» («*The Pride of Life*», 1400) [5]. Рудименты этой традиции можно обнаружить даже в ренессансной драме, например, в трагедии «Горбодук» («*Tragedie of Gorboduk*», 1561) Томаса Нортон и Томаса Секвила [6] (интересно, что сюжет этого произведения был заимствован его авторами у уже упомянутого Гальфрида Монмутского).

* Поэма Дж. Чосера «Дом Славы» («*The House of Fame*», 1384) не имеет отношения к рассматриваемой проблематике.

4. Принципиально важным для ритуально путешествия является замкнутость этой воображаемой линии, благополучное возвращение к исходной точке путешествия. Замкнутость путешествия в кольцо увязана с циклической концепцией восприятия времени древнеанглийским языческим сознанием и может рассматриваться как ее символическая визуализация.

5. В плане хронотопа путешествие как бы распадается на отдельные, часто практически никак не связанные между собой эпизоды; непосредственно в сам момент посещения захоронения эпическое время замедляется, растягивается, собственно же перемещение между сакрализованными точками маршрута, напротив, как бы ускорено и описывается весьма скупо.

6. События путешествия всегда разворачиваются весной, что связано с началом нового сельскохозяйственного года и предполагаемой ролью короля как сакрализованной фигуры в обеспечении правильного течения аграрных календарных циклов (в некоторых архаических культурах даже существовала практика ритуального вспахивания первой борозды лично королем – однако вопрос о том, имело ли место подобное в ранних английских королевствах, является достаточно дискуссионным).

7. Часто присутствует мотив болезни короля как редуцированная аллюзия на его архаическую роль ритуальной жертвы, призванной обеспечить плодородие почв и процветание страны. Отголоски этой рано вытесненной и табуированной темы можно обнаружить даже в сравнительно поздних и относительно современных (по меркам Средневековья) куртуазных романах и поэмах о короле Артуре. Английская артуриана повествует о попытках исцеления короля феей Мограной, которая, однако, косвенным образом сама же и провоцирует его «недуг», как это описывается, например, в романе «Смерть Артура» («Le Morte d'Arthur», 1470?) Томаса Мэлори [7].

8. На месте захоронения короля встречает «страж кургана» – некий славный воин, принимавший участие в битве, в которой погиб похороненный там герой. Предполагается наличие особой мистической связи между королем и его воинами (в том числе и павшими), что отсылает к архаическим воинским культам патриархально-мускулинного толка.

9. Воин или король (либо они оба) облачены в одежды (плащ?) синего цвета, что демонстрирует их символическую связь с языческим богом Воденом (древнеанглийский вариант скандинавского Одина), трансцендентальному адресату ритуалов подобных воинских культов. Ненний в «Истории бриттов» и вовсе напрямую возводит к этому божееству генеалогию раннеанглийских королей Кента, Эссекса и Дейры.

10. Синий плащ Водена – защита от болезней и проклятий (их древнеанглийское архаическое сознание воспринимает как нечто очень близкое, если не тождественное), потенциальным источником которых является курган/могила. Смерть от болезни – нежелательная ни для короля, ни для воина «низкая» смерть, противопоставляемая «высокой» героической смерти – гибели на поле брани. Образ могилы, кургана не только ассоциируется со славой, но одновременно наделяется и отрицательными конно-

тациями, увязываясь с мотивом проклятого клада, сокровища, а также может интерпретироваться как врата смерти, проход в потусторонний загробный мир Хелис. Объезжая по кругу курган, всадники-воины как бы обозначают кольцо, замыкающее выход из мира мертвых; кроме того, курган иногда окружался каменной стеной или оградой, как бы дополнительно «запечатывавшей» его. Хорошо известна, например, подобная сцена, описанная в финале «Беовульфа» («Beowulf»):

Ограду крепкую
вокруг могильника
они воздвигли,
из камня стены,
мужи искусные...

Вождю воздали
последнюю почеть
двенадцать всадников
высокородных, –
объехав стены...¹ [8, с. 179].

По сути об этом же повествует нам, например, и Джон Гауэр в 1399 г. [9, р. 424]:

Я бодр, но стар. Уходят силы.
Настало время умереть.
Объедут всадники могилу,
И я познаю слово «смерть»².

11. Важно, что в раннеанглийской литературе король – это всегда всадник, путешествующий именно верхом на коне, который не только акцентирует его статус, но и, будучи одним из важных общеиндоевропейских тотемов, оберегает англосаксонского монарха от женского загробного начала Хелис, дистанцируя его от почвы, поверхности матери-земли. Однако, чтобы почтить павших, король вынужден спешиться, тем самым подвергая себя дополнительной опасности в и без того не безопасном месте, связанном с потусторонним миром.

12. Возможно, связь с Хелис, англосаксонской богиней смерти, прослеживается и в самом наименовании особого оттенка синего цвета плаща Водена – хельблу, в том же значении бытующего и в современной британской культуре, по крайней мере в сфере пре де порте³. В раннем Средневековье именно синий цвет, а не черный, считался в Англии цветом траура и смерти.

13. Кульминационная сцена путешествия – ритуальное обнажение «стража кургана» перед прибывшим королем. Предположительно раздевшийся ветеран демонстрирует полученные им в схватках шрамы и увечья, а возможно – и некие специально нанесенные отметины, свидетельствующие о его высоком воинском статусе. Король осматривает воина, повелевает ему одеться, и на этом посещение захоронения завершается.

¹ Перевод с древнеанглийского В. Тихомирова.

² Перевод со среднеанглийского наш. – В. Х.

³ В то же время непосредственно у раннеанглийских авторов цвет «хельблу» мы не встречаем; возможно, это более поздний конструкт.

14. Успешно замкнувший круг ритуального путешествия король исцелен, и готов к новому циклу правления страной. Сама информация о болезни короля, в случае, если подобный мотив присутствует, нередко вводится в повествование с помощью своего рода флэшбэка, ретроспекции – то есть только тогда, когда речь заходит о выздоровлении персонажа мы, собственно, и узнаем, что он все это время испытывал недомогание.

15. Что именно за недомогание испытывал король, что именно за болезнь он превозмог, никогда не конкретизируется. Возможно, иносказательным образом под болезнью подразумевается просто старость, дряхлость правителя. А его циклическое весеннее путешествие символизирует смерть старого и воцарение нового молодого монарха.

Некоторые из компонентов предлагаемой структурной модели ритуального путешествия могут быть факультативными, но общая его картина, нашедшая художественное воплощение в английской средневековой литературной традиции, именно такова.

Неожиданно актуализированным мотив ритуальных путешествий древнеанглийских королей оказывается в рассказе Дж. Р. Киплинга «Долг» («The Debt», 1930) [10; 11], вместе с известным стихотворением поэта «Паломничество короля» («The King's Pilgrimage», 1922) [12], составляющим своеобразную поэтико-прозаическую дилогию [13]. Поведанное нам устами рассказчика-индийца повествование о посещении Георгом V «городов мертвых» погибших в Первой мировой войне воспроизводит важнейшие элементы подобных сакрализованных практик. Мусульманин Зухар Хан, бывший солдат британской армии, а ныне заключенный тюрьмы, пересказывает нам другую историю, когда-то услышанную им от его бывшего командира, причем пересказ этот адаптирован для восприятия специфическим слушателем – маленьким мальчиком-англичанином. Таковое пересказывание уже рассказанного, естественно, не означает точного воспроизведения услышанного, а представляет собой скорее вольную художественную интерпретацию, как бы переведенную рассказчиком на язык органичного для него культурного опыта. Так, Георг V уважительно именуется падишахом (титул, соответствующий европейскому императору. Георг V был коронован в качестве императора Индии), король и его генерал по ходу развития действия клянутся Аллахом и т.д. Конечно, хотелось бы сказать, что Киплинг тем самым предвосхищает позднейшие кросскультурные и постмодернистские искания современной британской литературы, но представляется, что все же стоит воздержаться от подобных умозаключений.

Однако вернемся к ритуальному путешествию и рассмотрим, какие из его компонентов, выделенных нами ранее применительно к средневековой литературной традиции, обнаруживаются и в рассматриваемом нами небольшом рассказе. А таковых оказывается немало.

Объектами посещения Георгом V являются места захоронений павших в Первой мировой войне, с почестями похороненных ранее по его же повелению. При этом возведенные по приказу короля кладбища, напоми-

нающие города с каменными стенами и дорогами, в восприятии рассказчика-индийца являются чем-то прекрасным. Они подчеркнута контрастируют с окружающими их руинами реальных городов Европы, разрушенных во время войны. Конечно, здесь возникают определенные ассоциации и с Варанаси, священным индийским «городом мертвых».

Сравнительно развернуто дано описание лишь сцены на кладбище, описание же самих перемещений короля лишь кратко намечено. Захоронения располагаются не в Британии, а за морем, в континентальной Европе. Могилы сконцентрированы в местах боев, то есть как бы маркируют границы условно «своей» территории, которую павшие британские воины отстаивали от условно «чужих». Посетив захоронения, король возвращается в исходную точку своего путешествия, отплывает обратно в Англию.

Все это навеивает определенные ассоциации с путешествиями короля Артура, по крайней мере, в том варианте, в котором они представлены в «Истории королей Британии» («*Historia Regum Britanniae*», 1136) Гальфрида Монмутского [3] и основывающихся на ней позднейших рыцарских романах. Король активно странствует здесь за пределами Британии, в континентальной Европе; фикционально он интерпретируется как общепризнанный лидер всего христианского мира. Возможно подобные попытки средневековых английских авторов, в особенности Гальфрида, литературно обосновать особую роль Англии в Европе, оказались созвучными самоощущению Британской империи после победы в Первой мировой войне. По странному совпадению (или не-совпадению) в том же в 1930-м г., когда Киплинг публикует рассказ «Долг», Уинстон Черчилль впервые публично высказывается об идее единого «Европейского союза» на страницах *The Saturday Evening Post*, где, по сути, говорит о том же самом – только уже в формате современного политического дискурса.

Георг V путешествует ранней весной, что особо подчеркивается в произведении (ярко светит солнце, но еще холодно), как раз накануне начала нового годового сельскохозяйственного цикла. Сама поездка монарха по разрушенной войной, как бы «мертвой», «зимней» Европе символически может быть ассоциирована с пробуждением ее к жизни. Ритуализированную в эстетике социальной мифологии воинского братства церемонию встречи короля на кладбищах проводят не местные светские и духовные иерархи, а один человек – непосредственный участник сражения, жертвы которого захоронены в погребении.

При приближении короля воин снимает с себя шинель, то есть частично раздевается, чтобы продемонстрировать монарху свои ордена и медали (по сути – те же знаки воинской доблести, коими у древнеанглийского героя являлись шрамы, увечья и отметины на теле). Приехавший король повелевает ему облачиться назад в шинель, которая, по его мнению, сможет уберечь его от неясной болезни с табуированным (в устах рассказчика-индуса) названием. Сама шинель как таковая (форменное шерстяное пальто со складкой на спине), по мнению историков военной моды с большой долей вероятности

является чисто английским изобретением, ведя свое начало от теплых шерстяных плащей, распространенных в Средневековье в среде воинской элиты народов Северной Европы. Цвет шинели Киплинг не уточняет, однако британская морская шинель времен Первой мировой войны, широко использовавшаяся в ходе военных действий, была именно синего цвета. Но, повторюсь, прямых указаний на цвет в тексте рассказа нет.

Как и его древнеанглийские предшественники, Георг V – всадник, который спешивается на землю, чтобы почтить павших. Встречающий его воин находится в замкнутом сплошными каменными стенами пространстве узкого кладбища с единственными воротами. Это почему-то особо оговаривается Киплингом и полностью соответствует литературным описаниям (да и современным археологическим реконструкциям) соответствующих раннеанглийских погребальных объектов.

Лейтмотивом всего рассказа Киплинга является известие о болезни короля; болен и встречающий его на кладбище ветеран боев. Название болезни не называется, она именуется расплывчато-иносказательно, хотя при этом доподлинно известно, что король страдает о того же самого недуга, что и некогда приветствовавший его воин.

Несмотря на некоторые расхождения со средневековой схемой, очевидны и сходные моменты, которые сложно признать просто случайным совпадением. Однако вопрос о самих причинах их присутствия в тексте рассказа Киплинга можно назвать спорным. Конечно, весьма заманчивым с точки зрения красоты литературоведческой концепции было бы объяснить их присутствие непосредственным воздействием раннеанглийской литературы на творчество писателя. Действительно, еще с эпохи романтизма в Англии, как и в других европейских странах, начинается процесс актуализации этого пласта национального литературного наследия, долгое время остававшегося пластом маргинальных малопрecedентных текстов. Продолжился этот процесс и в XX веке. Однако какие-либо литературные факты, позволившие бы напрямую увязать творчество Киплинга с раннеанглийской литературой, нам неизвестны.

Более вероятным представляется опосредованное воздействие упомянутых нами текстов и их отдельных мотивов через творчество более поздних авторов, которые, как это часто бывает в литературном процессе, как бы по цепочке ретранслировали в XX в. эти и иные топосы раннеанглийской культуры с неизбежными трансформациями и дополнениями, которые приносила в них каждая литературная эпоха, художественно развивая в них именно то, что оказывалось для нее актуальным и злободневным. Можно предположить, что смутные отголоски воспоминаний о давно канувших в Лету ритуальных практиках оказались как бы растворенными в культуре Британии на уровне коллективного литературного бессознательного, архетипических моделей английской идентичности, многообразных интертекстуальных связей между произведениями. Новые, порой неожиданные, формы актуализации вышеописанного предлагает и современная культура.

Подобные моменты обнаруживаются, например, в фантастической притче Роберта Шекли «Город мертвых» («The City of the Dead», 1994) [14], написанном уже в 90-е гг. XX века. Стоит отметить, что рассматриваемые мотивы подвергаются здесь существенному переосмыслению, сопрягаясь с реалиями античной мифологии, а доминирующей тональностью дискурса становится постмодернистская ирония. В более традиционном ключе рассматриваемые мотивы интерпретируются в текстах баллад британских и американских групп, играющих фолк-рок, их можно встретить и у представителей экстремальных и экспериментальных течений хеви-метала и англоязычной тяжелой музыки в целом. Ряд сходных моментов можно обнаружить и в некоторых аркадах типа «Путешествие короля», «Потерявшийся король», «Путешествие короля джунглей», «Книга джунглей», напрямую отсылающих нас уже непосредственно к произведениям Киплинга, достаточно популярного сегодня у апроприаторов литературной классики в компьютерных играх.

Чем же является путешествие Георга V в рассказе «Долг»? Просто формальным приемом, конструктом сюжетостроения предренессансного типа, в какой превратил паломничество Чосер? Очевидно, что это никак не странствие рыцарей артурианского типа, предполагающее некий внешний результат, остающийся после его завершения – обретение Грааля либо духовно-религиозное преображение, перерождение героя, странствие, связанное с идеей динамики, развития, прогресса в широком смысле. Древнеанглийское же ритуализированное путешествие – напротив, подчеркнуто процессуально, нацелено на воспроизведение некой условно древней схемы, последовательности сакрализованных действий и имеет своей целью не обретение чего-то нового, а напротив, поддержание существующего статус-кво. Это – порядок, статика, традиция, циклическое время, стремление укоренить себя в настоящем путем апеллирования к прошлому. Нам представляется, что странствие именно такого типа представлено в рассматриваемом рассказе Киплинга, где предполагаемый традиционализм английских королей интерпретируется как универсальная ценность, близкая и иным народам Британской империи.

СОДЕРЖАНИЕ

1. *Nennius. The History of the Britons / Nennius.* – Whitefish, Keessinger Publishing LLC, 2010. – 46 p.
2. *Беда Достопочтенный. Церковная история народа англосаксов / Беда Достопочтенный.* – М. : Директ-Медиа, 2009. – 828 с.
3. *Гальфрид Монмутский. История бриттов / Гальфрид Монмутский // История бриттов. Жизнь Мерлина.* – М. : Наука, 1984. – 285 с.
4. *Tennyson, A. Idylls of the King / A. Tennyson.* – Boston : Houghton Mifflin Co, 1963. – 190 p.

5. *Klausner, D. N.* [Electronic resource] / The Pride of Life and Wisdom // The Pride of Life. In Two Moral Interludes. – Kalamazoo, MI: Medieval Institute Publications, 2008. – Mode of access : <https://d.lib.rochester.edu/teams/text/klausner-two-moral-interludes-the-pride-of-life>. – Date of access : 09.09.2021.
6. *Нортон, Т.* Горбрек, или Феррекс и Порс. М. [Электронный ресурс] / Т. Нортон, Т. Секвилл. – Режим доступа : https://issuu.com/stonedhamlet/docs/norton_sackville_gorboduc?backgroundColor=%2523222222. – Date of access : 09.09.2021.
7. *Мэлори, Т.* Смерть Артура / Т. Мэлори. – М. : Октопус, 2017. – 800 с.
8. Беовульф // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. – М. : Худож. лит., 1975. – 749 с.
9. *Gower, J.* Quatrain / J. Gower // The Complete Works Of John Gower. – Whitefish : Kessinger Publ., 2007. – 664 p.
10. *Kipling, R. J.* The Debt [Electronic resource] / R. J. Kipling // Limits and Renewals / R. J. Kipling. – Mode of access : <http://www.telelib.com/authors/K/KiplingRudyard/prose/LimitsRenewals/debt.html>. – Date of access : 09.09.2021.
11. *Киплинг, Р.* Долг / Р. КИПЛИНГ // Иностр. лит. – 2019. – № 2. – С. 198–207.
12. *Kipling, R. J.* The King's Pilgrimage [Electronic resource] / R. J. Kipling // The King's Pilgrimage. – London : Hodder and Stoughton, 1922. – Mode of access : <https://www.gutenberg.org/files/36075/36075-h/36075-h.htm>. – Date of access : 09.09.2021.
13. *McGivering, J.* The Debt [Electronic resource] / J. McGivering. – Mode of access : http://www.kiplingsociety.co.uk/rg_debt1.htm. – Date of access : 09.09.2021.
14. *Sheckley, R.* The City of the Dead / R. Sheckley // Uncanny Tales. – N. Y. : NYRB Classics, 2012. – 320 p.

Поступила в редакцию 14.10.2021

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№ 6 (115), 2021

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *Л. А. Тарасевич*

Редакторы: *Ю. И. Варакса, В. М. Василевская,
О. С. Забродская, Е. И. Ковалёва*
Ст. корректор *С. О. Иванова*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333.

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 28.12.2021. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Ризография. Усл. печ. л. 6,51. Уч.-изд. л. 7,13. Тираж 100 экз. Заказ 59.
Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 10.07.2020 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172